
BX

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М.ГОРЬКОГО

ОБЩЕСТВО ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

*

под общей редакцией
Р. В. Дуганова

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ВТОРОЙ

*

СТИХОТВОРЕНИЯ

1917–1922

*

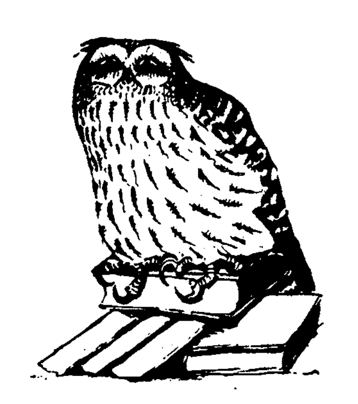
МОСКВА
ИМЛИ РАН, «НАСЛЕДИЕ»
2001

Составление, подготовка текста
и примечания
Е.Р.Арензона и Р.В.Дуганова

Приносим глубокую благодарность В.П.Григорьеву, М.А.Дудину, Вяч.Вс.Иванову, М.С.Киктеву, М.П.Митуричу-Хлебникову, Н.Н.Перцовой, Н.В.Перцову, А.М.Ушакову, Н.С.Шефтелевич, а также всем сотрудникам рукописных и книжных фондов ГММ, ИМЛИ, ИРЛИ, РГАЛИ, РНБ, оказавшим помощь в подготовке настоящего тома ценными материалами и благожелательным содействием.

ISBN 5-9208-0021-6
ISBN 5-9208-0065-8 (том 2)

В. Хлѣбниковъ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ВТОРОЙ

В.В.Хлебников за работой (10 апреля 1922 г.).
Рисунок П.В.Митурича.

* * *

Народ поднял верховный жезел,
Как государь, идет по улицам.
Народ восстал, как раньше грезил.
Дворец, как Цезарь раненый, сутулится.

В мой царский плащ окутанный широко,
Я падаю по мраморным ступеням,
Но клич «Свободе не изменим!»
Пронесся до Владивостока.

Свободы песни, снова вас поют!
От песен пороха народ зажегся.
В кумир свободы люди перельют
Тот поезд бегства, тот, где я отрекся.

Крылатый дух вечернего собора
Чугунный взгляд косит на пулеметы.
Но ярость бранного позора —
Ты жрица, рвущая тенёта.

Что сделал я? Народной крови темных снегирей
Я бросил около пылающих знамен,
Подругу одевая, как Гирей,
В сноп уменьшительных имен.

Проклятья дни! Ужасных мук ужасный стон.
А здесь — о, ржавчина и цвель! —
Мне в каждом зипуне мерещится Дантон,
За каждым деревом — Кромвель.

10 марта 1917

* * *

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты.
Мы, воины, смело ударим
Рукой по суровым щитам:
Да будет народ государем
Всегда, навсегда, здесь и там!
Пусть девы споют у оконца,
Меж песен о древнем походе,
О верноподданном Солнца
Самосвободном народе.

19 апреля 1917, 1922

Свобода приходит нагая, 19 IV 17
Бросая на сердце цветы,
И мы с нею в ногу шагая
Беседуем с небом на ты.
Мы, воины, смело ударим
Рукой по суровым щитам:
Да будет народ государем
Всегда, навсегда, здесь и там.
Пусть девы поют у оконца
Меж песен о древнем походе,
О верноподданом Солнце
Самосвободном народе.

Рукопись стихотворения «Свобода приходит нагая...»
Третья редакция. 1922.

* * *

Вчера я молвил: «Гулля, гулля!»
И войны прилетели и клевали
Из рук моих зерно.
И надо мной склонился дедер,
Обвитый перьями гробов,
И с мышеловкою у бедер,
И с мышью судеб у зубов.
Крива извилистая ость
И злы синеющие зины,
Но белая, как лебедь, кость
Глазами зетит из корзины.
Я молвил: «Горе! Мышелов!
Зачем судьбу устами держишь?»
А он ответил: «Судьболов
Я и волей чисел ломодержец».
И мавы в солнечных одеждах,
И сзади кожи лишены,
И с пляской конницы на веждах,
Проходят с именем жены.
Кружась волшебною жемчуркой,
Они кричали: «Веле! Веле!»
И, к солнцу прилепив окурок,
Они, как призраки, летели.

1917, 1922

СОЮЗУ МОЛОДЕЖИ

Русские мальчики, львами
Три года охранявшие народный улей,
Знайте, я любовался вами,
Когда вы затыкали дыры труда
Или бросались гуда,
Где львиная голая грудь —
Заслон от свистящей пули.
Всюду веселы и молоды,
Белокурые, засыпая на пушках,
Вы искали холода и голода,
Забыв про постели и о подушках.
Юные львы, вы походили на моряка
Среди ядер свирепо-свинцовых,
Что дыру на котле
Паров, улететь готовых,
Вместо чугунных втул
Локтем своего тела смело заткнул.
Шипит и дымится рука
И на море пахнет жарким — каким?
Редкое жаркое — мясо человека!
Но пар телом заперт,
Пары не летят,
И судно послало свистящий снаряд.
Вам, юношам, не раз кричавшим
«Прочь» мировой сове,
Совет:
Смело вскочить на плечи старших поколений,
То, что они сделали, — только ступени.
Оттуда видней!
Много и далёко
Увидит ваше око,
Высеченное плеткой меньшего числа дней.

<1917>, 1921

ОГНЕВОДУ

Слово пою я о том,
Как огневод, пота струями покрытый,
в пастушеской шкуре из пепла, дыма и копоти,
Темный и смуглый,
Белым поленом кормил тебя,
Дровоядного зверя огня.
Он, желтозарный, то прятался смертью
За забор темноты, то ложился кольцом, как собака,
В листве черного дерева мрака.
И тогда его глаз нам поведал про оперение синего зимородка.
И черными перьями падала черная ветвь темноты.
После дико бросался и грыз, гривой сверкнув золотой,
Груду полен среброрунных,
То глухо выл, пасть к небу подняв, —
от холода пламенный голод, — жалуясь звездам.
Через решетку окна звезды смотрели.
И тебя, о огонь, рабочий кормил
Тушами белых берез испуганной рощи,
Что колыхали главами, про ночь шелестя,
И что ему всё мало бы,
А их ведь не так уж много.
О приходе людей были их жалобы.
Даже на вывеску «Гробов продажа»
(Крик улиц темноты)
Падала тихая сажа.

23 октября 1917

* * *

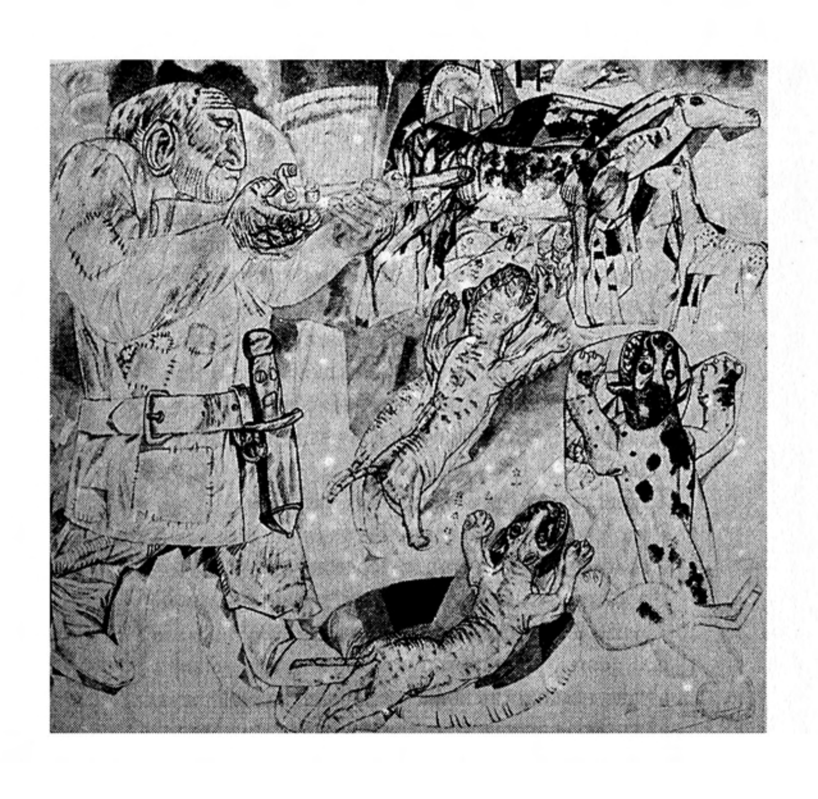
На лодке плыли боги,
И подымалась мимо рука,
В зеркальные окутана чертоги,
Над долом теневого выморока.
А сейчас все Временное правительство
Отправлено в острог на жительство.

25 октября 1917

* * *

Воин морщинистолобый
С глазом сига с Чудского озера,
С хмурою гривою пращура,
Как спокойно ты вышел на битву!
Как много заплат на одеждах!
Как много керенских в грубых
Заплатах твоего тулупа дышит и ползает!
Радости боя полны, лезут на воздух
Охотничьи псы, преломленные сразу
В пяти измерениях.

28 октября 1917

«Стрелок». Литография П.Н.Филонова
из его книги «Пропевень о проросли мировой». Пг., 1915.

ПИСЬМО В СМОЛЕНКЕ

Два угломига.
И то и не <э>то.
Я счетоводная книга
Живых и загробного света.

Это было, когда, точно окорок
Теплый и вкусный у вашего рта,
Встал, изумленный, сегодняшнего рока Рок
И извинилась столетий верста.

Теплыми, нежными одеялами
Протянулись жирные, черные грязи.
Шагали трехгодовалые,
Шагами смерть крестя.
Трупы морей были вытесаны в храмы
Рукой рабочих посадов,
Столбы и доски речных берегов,
Во львов, поворачива<ющих> шар <земной>.
Трупы лесов далеких столетий
Ели, сопя, паровозы,
Резво конюшни свои на столе оставляя,
И грубо и не так тонко, как люди,
Черною сажей дышали.

Трупы лугов в перчатке коровы,
Нет, не в перчатке, в парче
Круторогих, мычащих дрог похоронных —
Дрог, машущих грязным хвостом,
Как лучшего друга, любовно
Люди глазами ласкали.
Клок сена в черных
Жующих губах коровы
Был открытым лицом воскового покойника сена.

Труп вёсен и лет
В парче из зерна был запрятан,
Да, в белой муке и в зерне
Золотучем, как пиво.
Знайте, — это
Белыми машут сорочками черные кони —
Похороны трупа Красного Солнца.
[За это и в окороке и в ветчине
Вылез Владимир Красное Солнышко.]
И там с грохотом едет телега,
Доверху полна мясными кровавыми цветами,
У ноздрей бога красивого
Цветками коров и овец многолепестковыми.
Знайте, — это второй труп великого Солнца,
Раз похороненный устами коров,
Когда <они> бродили по лугу зеленому,
Второй раз — ножом мясника,
Когда полоснул, как поезд из Крыма
На север [в нем за зеркалом стены вы едете],
По горлу коровы...

И если ребенок пьет молоко девушки,
Няни или телицы,
Пьет он лишь белый тоуп солнца.
И если в руне мертвых коз
И в пышнорунной могиле бобра
Гуляете вы или в бабочек ткани искусной
Не знаете смерти и тлена, —
Гуляете вы в оболочке солнечной тлени.
Погребальная колесница трупа великого Солнца:
Умерло солнце — выросли травы,
Умерли травы — выросли козы,
Умерли козы — выросли шубы.
И сладкие вишни.

Мне послезавтра 33 года:
Сладко потому мне, что тоже труп солнца.
А спички — труп солнца древес.
Похороны по последнему разряду.

О, ветер солнечных смертей, гонимых роком
И духовенств<ом> — попом мира.
[Так едете, будто бы за столом перед зеркалом окна...]
— То есть умер, — скажут все. Нет:
По морю трупов солнца,
По воле погребальных дрог
На человеке проехал человек.
И моря часть ведь стала снова им,
Тем солнцем снова материк, как пауком, засновал.

Подводи судно,
Где стукают мордой тупой разноперые рыбы
Общей породы.
Гроб солнца за тканью явленный,
За белой парчой обмана.
Труп солнца, как резвый ребенок,
Отовсюду зовет вас все резче,
Смеется хорошеньким личиком.
Так, кривой на глаз, может думать
Человек, у которого два слова: «прожить» и «труп», —
Которому не вольно влиять на письменном столе
И проливать чернила на меня,
...на умные числа и мысль.

Баловень мира такой же у матери труп солнца.
Так колесницу похорон солнца,
Покрытую тысячью покрывал,
Как чудовищно-прекрасных зверей,
Приближали к ноздрям чудовища.
Нюхает та земля, на которой я живу.
— Ты не говори, что и время и рок тоже труп солнца.
Так ли?
Пока же в озвучие людской сажи
Летела б черной букой паровозная сажа.
Украденный труп солнца в продаже.
— Труп солнца, труп солнца! — кричит земной шар-мальчик.
— Гробов продажа,
С запахом свежей краски печатной!

1917

* * *

Земные стары сны.
Хохочут барышни.
Густой и белый Достоевский,
Мужик замученный и робкий,
Он понял всё — и он и Невский
Дрожат в полночной мышеловке.
Людские корявые лики,
Несутся толповкой,
Струятся сибирской рекой.
Вот улица, суд и улики,
В ней первые люди столи́ки
И машет праотец рукой.
Заводов измученный бог,
В терновнике дыма и сосен,
И сизые очи заоблачных ног,
На лбу его сотни дорог — дороги тревог.
Чу! вывеска: гробов продажа!

Пляс столетий,
Лютня звезд,
Поцелуев мертвых нети.
Вы птенцы единых гнезд,
Радость трупов, взоров клети,
Полог мертвый и сквозной.
И белый житель лесной пущи,
Одно звено шпица.
Одно звено векоцепи,
Слепца-кобзаря лицо.

Я был одет темно и строго,
Как приказал времен разрез, —
След мудрости портного
На непокорный лоскут лез.
Страницей северного льда
Воротнички стояли прямо
Белели снегом и зимой.
Век поединка биржи хама

Вдоль плеч соперничества с тьмой.
И черный шлем веселой нитью
Соединялся с шелковой петлицей,
Чтоб ветер строгий не сорвал
И не увлек в кипящий вал.
<...>
Сердечный холод льда.
Широт спокойной земной оси,
Как управляющий города,
Спокойно задавал вопросы.
Кто, где в плаще прошел, когда?
Уже ушел, ушел туда...
Что я, кусок спокойный льда,
Тебе, о знойная нужда?
<Зачем> в броне смертей и гроба
Стою на страже деньгороба,
Кольчугой мрака защищен
От тех ресниц, чьи взгляды стон?
Могилы шелковые стены,
Кто злато солнца в полной тьме пел
Свирелью гордою, трудом,
Тому от кар бросает пепел,
Однажды сотканный со льдом.

Земные лики одинаковы:
И если в хижине слез каменных
Блестящим синим небом ран<енный>
Твой облик смуглый и заплаканный
Сойдет с стены красивою цыганкой,
Пройдешь богиней самозванкой,
Ты не заметишь, убегая,
Что Божья Матерь шла нагая,
По граду нищему шагая.
Прошла, как тень времен старинных,
Когда, бурля, потоки сел
В окраске крови, зелени и зорь
Несли к ней зерна, мед и хворь.
И каждая молвит: «Ты хочешь жить... На!» —
За то, что дика и беззащитна...

Проклятый призрак, ночь.
И в шлеме круглом, но босой
Ударник шел. Куда он шел? Куда спешил
В ночь темной осени туманов Петербурга?
Его спросил я; он повел плечом
И скрылся между закоптелых срубов.
Других жильцов моей светлицы
Давно уж спета песнь.
И сжаты в прутьях мышеловок лица,
И каждый чем-то, как птица, слеп.
Два-три пятна семейной светописи,
Угар мещанской обстановки.
Сухая веточка в петлице
На память о суровой ночи.
Явилось дерево, не дерево, а ворожея,
Когда листами осени чернея,
Дверь серую немного отворило,
Плывет, как вольное ветрило.
Пришло, как письмо иль суровое поверье
Дороги — дерево рабочего предместья.
Пришло оно, как роковое известье.
Личиной лживою наскучило,
Рукою, скрюченной проклятьем.
За что? за что ты его мучило,
Законодателя объятья?..
Оно шагнуло, дрогнуло и стало,
Порой Кшесинская и ужас,
И поклонилось шагом мотылька
И каждым трепетало лоскутом.
Как будто бога очи черные,
Дикарский разум полоня,
Виденьем подошло в падучей
И каждый лист <его> сухой
Трепещет, точно мертвой девы поцелуй.
Оно дрожит, проходит, струясь.
Пришло и дышит: «Ты», — кивая.
Кто это? — дерево? волшебница живая?

1917

* * *

Ты же, чей разум стекал,
Как седой водопад,
На пастушеский быт первой древности,
Кого числам внимал очарованный гад
И послушно плясал,
И покорно скакал
В кольцах ревности,
И змея плененного пляска и корчи,
И кольца, и свист, и шипение
Кого заставляли все зорче и зорче
Шиповники солнц понимать точно пение,
Кто череп, рожденный отцом,
Буравчиком надменно продырявил
И в скважину спокойно вставил
Душистую ветку Млечного Пути
В жемчужинах синей росы,
В чьем черепе, точно стакане,
Жила росистая ветка Млечного Пути —
О колос созвездий, где с небом на ты,
А звезды несут покорные дани —
Крылатый, лети!
Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки,
Тебе говорю: Ты!
Так я кричу,
И на моем каменеющем крике
Ворон священный и дикий
Совьет гнездо, и вырастут ворона дети,
А на руке, протянутой к звездам,
Проползет улитка столетий.

7 декабря 1917, 1922

ВРЕМЕННИКЪ

2

В. КАМЕНСКІЙ.

Г. ПЕТНИКОВЪ.

В. ХЛѢБНИКОВЪ.

ВЕСЬ ЧИСТЫЙ СБОРЪ ОТЪ ИЗДАНІЯ ПОСТУПИТЪ
ВЪ ПОЛЬЗУ РЕВОЛЮЦІОННАГО КРАСНАГО КРЕСТА

МОСКВА 1917.

«Временник 2». 1917.

ВРЕМЕННИК 4-ЫЙ

Асѣев, Гнѣдов,

Пѣтников, Селегинскій, Хлѣбников

1918 г.

Асѣев

Не столько воды в Невѣ,
Как в Рюрикѣ Ивневѣ

Гнѣдов

Роют вам могилу боги
Поломали волку ноги
Хвост повесили в углу
Потерял портной иглу
Сажа скажет нос саженый
Верно счастіе ли слону
В луже свиной
Поклоняемся вину

Пѣтников

Ты дрогнешь, но в голосѣ дерева
Счет первых шумѣвших
листься
Исход возвѣщеннаго „вѣрую"
На высях повернутых выстроишь
А главное лавою справок,
В набросках и насыпях говора
Смѣшай и повѣрь вольно
Проложь и окончь поединок

Селегинскій

Брату. Как маленькій бѣдный
Шел на войну—послѣдняго
Любимые всѣми собрглз
В кувшин жестяной
И стал он клюв точить
О парус стеклянный—усталый
И стал молиться волку морей
Чтобы рукам не сломиться
Вперед лазурных дверей.

Хлѣбников

Сіяющая польза
Желаемых рѣсниц
И ласковая дольза
Ласкающих десниц
Чезори голубым
И прови своенравия
О мраво! Моя королева
На озерѣ синем-мораль
Ничь, трусы — туда!
Гдѣ плачет зороль

«Временник 4-ый». 1918

* * *

Сияющая вольза
Желаемых ресниц
И ласковая дольза
Ласкающих десниц.
Чезори голубые
И нрови своенравия.
О, мраво! Моя моролева,
На озере синем — мороль.
Ничтрусы — туда!
Где плачет зороль.

<1917>

* * *

Капает с весел сияющий дождь,
Синим пловцов величая.
Бесплотным венком ты увенчан, о вождь!
То видим и верим, чуя и чая.

Какой он? Он русый, точно зори,
Как колос спелой ржи.
А взоры — льды и море,
Где плавают моржи.

И жемчугом синим пламёна
Сплетают холодный венок,
А он, потерявший имёна,
Стоит, как всегда одинок.

Но стоит, держа кормило,
И не дружит с кистенем.
И что ему на море мило?
И что тосковало о нем?

А ветер все крепче и крепче!
Суровый и бешеный моря глагол!
Но имя какое же шепчет
Он, тот, кому море престол?

Когда голубая громада
Закрыла созвездий звено,
Он бросил клич: Надо!
Веди, голубое руно!

1918 1922

* * *

И черный рак на белом блюде
Поймал колосья синей ржи.
И разговоры о простуде,
О море праздности и лжи.
Но вот нечаянный звонок:
«Мы погибоша, аки обре!»
Как Цезарь некогда, до ног
Закройся занавесью! Добре!
Умри, родной мой! Взоры если
Тебя внимательно откроют,
Ты скажешь, развалясь на кресле:
«Я тот, кого не беспокоят».

<1918>. 1922

* * *

Вновь труду доверил руки
И доверил разум свой.
Он ослабил голос муки,
Неумолчный ночью вой.
Судьбы чертеж, еще загадочный,
Я перелистываю днями.
Блеснет забытыми заботами
Волнующая бровь,
Опять звенит работами
Неунывающая кровь.

<1918>

* * *

Про узы,
Про цепи,
Про путы
Все песни пропеты.
Но я, опьяняемый тонкою бровью,
Молнии слов серебро вью.

1918

* * *

Л. Г.

А я
Из вздохов дань
Сплетаю
В Духов день.
Береза склонялась к соседу,
Как воздух зеленый и росный.
Когда вы бродили по саду,
Вы были смелы и прекрасны.
Как будто увядает день его,
Береза шуметь не могла.
И вы ученица Тургенева!
И алое пламя повязки узла!
Может быть, завтра
Мне гордость
Сиянье сверкающих гор даст.
Может, я сам
К семи небесам
Многих недель проводник,
Ваш разум окутаю,
Как строгий ледник.
И снежными глазами
В зеленые ручьи
Парчой спадая гнутою,
Что все мы — ничьи,
Плещем у ног
Тканей низами,
Горной тропой поеду я,
Вас проповедуя.
Чтó звезды и солнце <?> — все позже устроится.
А вы, вы — девушка в день Троицы.
Там буду скитаться годы и годы.
С коз
Буду писать сказ

О прелестях горной свободы.
Их дикое вымя
Сосет пастушонок.
Где грозы скитаются мимо,
В лужайках зеленых,
Где облако мальчик терéбит,
А облако — лебедь,
Усталый устами.
А ветер,
Он вытер
Рыданье утеса
И падает, светел,
Выше откоса.
Ветер утих. И утух.
Вечер утех
У тех смелых берез,
С милой смолой,
Где вечер в очах
Серебряных слез.
И дерево чар
Серебряных слов.
Нет, это не горы!
Думаю, ежели к небу камень теснится,
А пропасти пеной зеленою моются,
Это твои в день Троицы
Шелковые взоры.
Где тропинкою шелковой,
Помните, я шел к вам,
Шелковые ресницы!
Это,
Тонок
И звонок,
Играет в свирель
Пастушонок.
Чтоб кашу сварить,
Пламя горит.
А в омуте синем
Листья кувшинок.

1918

* * *

Ветер — пение
Кого и о чем?
Нетерпение
Меча быть мячом.
Люди лелеют день смерти,
Точно любимый цветок.
В струны великих, поверьте,
Нынче играет Восток.
Быть может, нам новую гордость
Волшебник сияющих гор даст,
И, многих людей проводник,
Я разум одену, как белый ледник.

1918, 1919

ИЗ «ВЕЛИКОГО ЧЕТВЕРГА»

Там люди идут в рощи
Молиться — ложе с кем
Весною разделить;
И пламя глазом божеским
На белых старцев нить
(Молящиеся мощи)
Бросает тень багровую —
Веселою дубровою
Глазам седых небес
Листвой сквозных завес
В осинах серебростволъных,
Прямых и богомольных.

1918

В САДУ

Где резкие цветы
На черной чаще,
Устами истомы
Звучащий
Там
Стоит и [поет]
И красен, точно плод, рот.
И ты
За пеплом снеговым
Сидишь немая,
Как пламя одинока,
Певцу внимая
Под тенью дерева.
Слова венком плетет
Он, темноустый, полуголый.
В нем моря стон,
И зверя вой,
И шум потока,
Прекрасен и отважен
Над темной чащею куста
Весенней вишней рта.
И в воздухе блеск ягоды веселый!
И смелым заревом глаза его горели.
И пальцы рук его — свирели.

1918

НИЖНИЙ

Нежный Нижний! —
Волгам нужный,
Каме и Оке,
Нежный Нижний
Виден вдалеке
Волгам и волку.
Ты не выдуман
И не книжный
Своим видом он.
Свидетели в этом:
И Волга иволги,
Всегда золотая, золотисто-зеленая!
И Волга волка,
В серые краски влюбленная.
Старою сказкою око
Скитальца-слепца успокоив,
Киев на Волге!
Киевский холм на Оке!
Киевом глаз успокоив,
Старою лютнею стен,
В облачной блещешь руке
Сказкою, сказкою иволги!
Там, где в зеленом железо лугов, —
Одуванчиков золото.
А с белых высот
Мокрые струи берез
Хлещут венком в Троицын день.
Девичьим хохотом сомкнутых уст

2*

Зеленые пели березы.
Дряхлые щеки напряг
Седоволосый старец времен
И, ветхий рукой, дует и дует...
В площадь твою вихрем полета имен
Усопших, рожденных, женатых,
Точно свист однозвучной свирели,
Этот полет разумов пыльных или пернатых.
<Та> пронеслась сухопутной русалкой
По улицам, жаждущим видеть нагое.
А этот свечой восковою быть а́лкает
И с гробом одною давно уже сросся ногою.
Этот глуп, а тот умен,
И в зелени прячутся
Из опасения, из опасения.
А время дальней Москвою
Волгу целует.
Но если, Киев на Оке,
Тобой стрела Москвы крылата,
И та сейчас слететь готова
С великой тетивы из серой влаги,
Будь перьями стрелы!
Ведь синий лук реки —
Он мечет города далёко,
Холмы венчает крепостями
И в бога зелени рассыпанные кудри
Вонзать привык булавку старой башни.
А под ее стеной зелено-мшистой
Схоронить девушку и ведра.
И быстрый крик
К реке и року
И к руке жестокой,
Заступ чей земле велел умолкнуть крику
В вишнево-сочном рте.
Но лук из бурунов,
Из бурь, из бора,
Из берегов, из брани
И избранников,
Сплетенный туго,

Держал стрелец избы.
А Волга из чаш и стаканов
В пещеры лилась человека.
Катится там со ступени на ступень,
Капля за каплей.
И после, точно
Священник седой на колокольне
Или мулла на минарете,
На самый конец волоса над смуглым небом
Каплею золотою пота
Волга солнцу выходит молиться в часы зноя
Над потным лицом бурлака.
И молится долго
Старая Волга
И вновь улетает.

1918

СМЕРТЬ КОНЯ

И даже
В продаже
Конского мяса
Есть «око за око»
И вера в пришедшего Спаса.
Грубеем
И тихо гробеем.
Где в кольцах оглобли говею,
Падая на земь бьющимся задом,
Кониной,
Я — белый конь городов
С светлым русалочьим взглядом,
Невидящим глазом
Синим,
В черной оглобле и сбруе,
Как снежные струи,
Я бьюсь.
Так упаду
Убитым обетом.
Паяцы промчатся
Ду-ду и ду-ду,
А я упаду
Убитым обетом.
А город, он к каждому солнцу ночному
Протянул по язве
И по вопросу: разве?

1918, 1919

О СВОБОДЕ

Вихрем разумным, вихрем единым
Все за богиней — туда!
Люди крылом лебединым
Знамя проносят труда.

Жгучи свободы глаза,
Пламя в сравнении — холод!
Пусть на земле образа!
Новых построит их голод...

Двинемся, дружные, к песням!
Все за свободой — вперед!
Станем землею — воскреснем,
Каждый потом оживет!

Двинемся в путь очарованный,
Гулким внимая шагам.
Если же боги закованы,
Волю дадим и богам!

1918, 1922

ЖИЗНЬ

Росу вишневую меча
Ты сушишь волосом волнистым.
А здесь из смеха палача
Приходит тот, чей смех неистов.

То черноглазою гадалкой,
Многоглагольная, молчишь,
А то хохочущей русалкой
На бивне мамонта сидишь.

Он умер, подымая бивни.
Опять на небе виден Хорс.
Его живого знали ливни —
Теперь он глыба, он замерз.

Здесь скачешь ты, нежна, как зной,
Среди ножей, светла, как пламя.
Здесь облак выстрелов сквозной,
Из мертвых рук упало знамя.

Здесь ты поток времен убыстрила,
Скороговоркой судит плаха.
А здесь кровавой жертвой выстрела
Ложится жизни черепаха.

Здесь красных лебедей заря
Сверкает новыми крылами.
Там надпись старого царя
Засыпана песками.

Здесь скачешь вольной кобылицей
По семикрылому пути.
Здесь машешь алою столицей,
Точно последнее «прости».

1918–1919

* * *

Может, я вырос чугунною бабой
На степях у неба зрачка.
Полны зверей они.
Может, письмо я,
Бледное, слабое,
На чаше других измерений.

<1919>

* * *

О, если б Азия сушила волосами
Мне лицо золотым и сухим полотенцем,
Когда я в студеном купаюсь ручье.
Ныне я, скромный пастух,
Косу плету из Рейна и Ганга и Хоанхо.
И коровий рожок лежит около.
Отпиленный рог и с скважиной звонкая трость.

<1919>

* * *

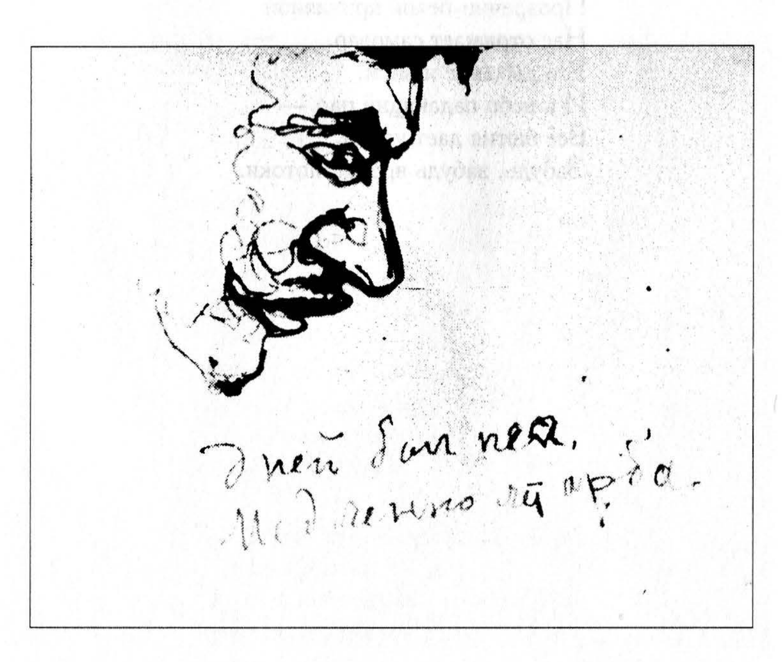
Напитка огненной смолой
Я развеселил суровый чай.
И Лиля разуму «долой»
Провозгласила невзначай.
И пара глаз на кованом затылке
Стоит на страже бытия.
Лепешки мудрые и вилки,
Цветов кудрявая и смелая семья.
Прозрачно-белой кривизной
Нас отражает самовар,
Его дыхание и зной,
И в небо падающий пар —
Всё бытия дает уроки,
Забудь, забудь времен потоки.

1919

* * *

Бег могучий, бег трескучий —
Прямо к солнцу черный бык,
Смотрит тучей, сыплет кучей
Черных искр, грозить привык.
Добрый бык, небес не мучай,
Не дыши, как паровик.
Ведь без неба <видеть> нечем,
В чьи рога венками мечем.

1919

В.В.Маяковский (весна 1919). Рисунок В.В.Хлебникова.

* * *

Малюток
В стае чижей,
Чужой,
Молю так:
Я видел выдел
Вёсен в осень,
Зная
Знои
Синей
Сони.
Сосни, летая,
Сосне латая
Взоры голубые
Прической голубей.

1919. 1920

* * *

Москва — старинный череп
Глагольно-глазых зданий,
Висящий на мече раб
Вечерних нерыданий.

Я бы каменною бритвой
Чисто срезал стены эти,
Где осеннею молитвой
Перед смертью скачут дети.

И дева ночи черным тулом
Своих ресниц не осенит,
Она уйдет к глазам сутулым,
Мое молчанье извинит.

<1919>

* * *

Весеннего Корана
Веселый богослов,
Мой тополь спозаранок
Ждал утренних послов.
Как солнца рыболов,
В надмирную синюю тоню
Закинувши мрежи,
Он ловко ловит рев волов
И тучу ловит соню,
И летней бури запах свежий.
О, тополь-рыбак,
Станом зеленый,
Зеленые неводы
Ты мечешь столба.
И вот весенний бог
(Осетр удивленный)
Лежит на каждой лодке
У мокрого листа.
Открыла просьба «небо дай»
Зеленые уста.
С сетями ловли Бога
Великий Тополь
Ударом рога
Ударит о́ поле
Волною синей водки.

1919

* * *

Весны пословицы и скороговорки
По книгам зимним проползли.
Глазами синими увидел зоркий
Записки стыдесной земли.

Сквозь полет золотистого мячика
Прямо в сеть тополевых тенёт
В эти дни золотая мать-мачеха
Золотой черепашкой ползет.

1919

* * *

В этот день голубых медведе́й,
Пробежавших по тихим ресницам,
Я провижу за синей водой
В чаше глаз приказанье проснуться.

На серебряной ложке протянутых глаз
Мне протянуто море и на нем буревестник:
И к шумящему морю, вижу, птичая Русь
Меж ресниц пролетит неизвестных.

Но моряной любес опрокинут
Чей-то парус в воде кругло-синей,
Но зато в безнадежное канут
Первый гром и путь дальше весенний.

1919

* * *

Сыновеет ночей синева,
Веет во всё любимое,
И кто-то томительно звал,
Про горести вечера думая.

Это было, когда золотые
Три звезды зажигались на лодках
И когда одинокая туя
Над могилой раскинула ветку.

Это было, когда великаны
Одевалися алой чалмой
И моряны порыв беззаконный,
Он прекрасен, не знал почему.

Это было, когда рыбаки
Запевали слова Одиссея
И на вале морском вдалеке
Крыло подымалось косое.

<1919>, 1920

* * *

Туда, туда,
Где Изанами
Читала моногатари Перуну,
А Эрот сел на колена Шанг-ти,
И седой хохол на лысой голове бога
Походит на снег, на ком снега,
Где Амур целует Маа-эму
И Тиен беседует с Индрой,
Где Юнона и Цинтекуатль
Смотрят Корреджио
И восхищены Мурильо,
Гду Ункулункулу и Тор
Играют мирно в шахматы,
Облокотясь на руку,
И Хокусаем восхищена Астарта,
Туда, туда!

9 мая 1919. 1921–1922

* * *

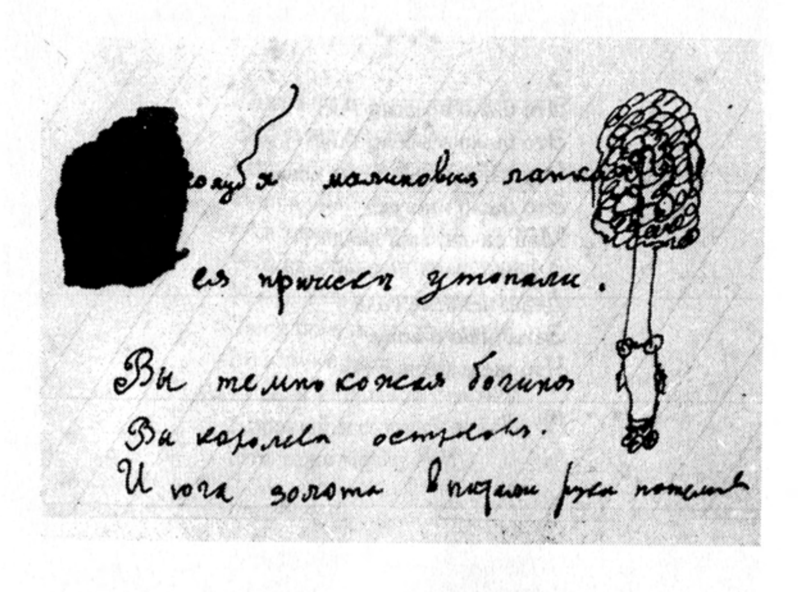
Зачем в гляделках незабудки?
Это тоже месяц Ай!
И если лешевой дудкой
Запел соловей,
Это тоже месяц Ай!
Что это? кажется, лешеня?
Как, до сих пор живут бесы?
Так я пою на пусты лесы.
Это тоже месяц Ай!
И если у панской свирели
Корявый и сочный рот,
Это тоже месяц Ай!

1919, 1921–1922

* * *

Это было в месяц Ай,
Это было в месяц Ай!
Слушай, мальчик, не зевай!
Это было иногда,
Май да-да, май да-да.
Лился с неба первый май,
Девы нежные года
Заклинаю и зову.
Что же в месяце Ау?

1919, 1921

голубя малиновые лапки

ея прически утопали.

Вы темнокожая богиня
Вы королева островов.
И нога золота в пещере руки потемне

Первый набросок стихотворения «Кормление голубя».
Рукопись из частного собрания.

КОРМЛЕНИЕ ГОЛУБЯ

Вы пили теплое дыхание голубки
И, вся смеясь, вы наглецом его назвали.
А он, вложив горбатый клюв в накрашенные губки
И трепеща крылом, считал вас голубем? Едва ли!

И стая иволог летела,
Как треугольник зорь, на тело,
Скрывая сумраком бровей
Зеркала утренних морей.
Те низко падали, как пение царей.

За их сияющей соломой,
Как воздухом погоды золотой,
Порою вздрагивал знакомый
Холма на землю лёт крутой.

И голубя малиновые лапки
В ее прическе утопали,
Он прилетел, осенне-зябкий,
Он у товарищей в опале.

1919, 1922

* * *

Собор грачей осенний,
Осенняя дума грачей.
Плетня звено плетений,
Сквозь ветер сон лучей.
Бросают в воздух стоны
Разумные уста.
Речной воды затоны
И снежный путь холста.
Три девушки пытали:
Чи парень я, чи нет?
А голуби летали,
Ведь им не много лет.
И всюду меркнет тень,
Ползет ко мне плетень.
Нет!

1919, 1922

Собор грачей осенний,
осенняя ~~Государственная~~ дума грачей.
Плетня звено плетений,
~~На паутине~~ Сквозь ветер сон лучей.
Бросают в воздух стоны
Разумные уста

Фрагмент рукописи стихотворения «Собор грачей осенний...».

* * *

В полевое пали вои,
Вои пали полевые,
Полевая, в поле вою,
Полевую пою волю,
Сердце полночи молю так,
Грозных чудищ и малюток:
О, пойми меня, лесную,
Через лес ночей блесну я,
Брошу косы в небеса я,
Из листов сниму копытце
И, могучая, босая,
Побегу к реке купаться
По полям к тополям.

1919 1921

* * *

Точит деревья и тихо течет
В синих рябинах вода.
Ветер бросает нечет и чёт,
Тихо стоят невода.
В воздухе мглистом испарина,
Где-то не знают кручины,
Темный и смуглый выросли парень,
Рядом дивчина.
И только шум ночной осоки,
И только дрожь речного злака,
И кто-то бледный и высокий
Стоит, с дубровой одинаков.

1919, 1921

ЛУННЫЙ СВЕТ

Син, сын сини,
Сей сонные сени и силы
На сёла и сад.
Чураясь дня, чаруй
Чарой голубого вина меня,
Землежителя, точно волна
Падающего одной ногой
Вслед другой. Мои шаги,
Шаги смертного — ряд волн.
Я купаю смертные волосы
Мои в голубой влаге твоего
Тихого водопада, и вдруг восклицаю,
Разрушаю чары: площадь,
Описанная прямой, соединяющей
Солнце и Землю в 317 дней,
Равна площади прямоугольника,
Одна сторона которого — полупоперечник
Земли, а другая — путь, проходимый
Светом в год. И вот в моем
Разуме восходишь ты, священное
Число 317, среди облаков
Неверящих в него. Струна la
Делает 424 колебания в секунду.
Удар сердца — 80 раз в минуту,
В 317 раз крупнее.
Петрарка написал 317 сонетов
В честь возлюбленной.
По германскому закону 1912 года
В флоте должно быть 317 судов.

Поход Рожественского (Цусима)
Был через 317 лет после
Морского похода Медины —
Сидонии в 1588 году,
Англичане в 1588 году и
Японцы в 1905 году.
Германская империя в
1871 году основана через
317 × 6 после Римской империи
В 31 году до Р. Христова.
Женитьба
Пушкина
Была через
317 дней после
Обручения.

1919

АНГЕЛЫ

1

Хладро гологолой божбы,
Ста юнчиков синих семья,
Ста юнчиков синих потоп.
Потопом нездешней байбы
И синие воздухом лбы,
И неба сверкающий скоп
Возникли сынами немья,
И песнями ветреных стоп
Воспели стороду земья.
Тихес исчезающих имя,
Святно пролетевшей виданы,
Владро серебристых сиес.
Но их, исчезающих в дым,
Заснувших крылами своими,
Лелебен лелеет божес,
Он мнит сквозь летучие станы
Гряды пролетевших нагес.
То умчие шумчие маны,
То ветер умолкших любес.

2

Тиебном вечерним полны
Тела исчезающих воль.
А далее — сумрачный тол.
Он страж вероломной волны,
На грани ниебной длины.

Нетотного мира престол.
Там море и горе и боль,
И мешенства с смертию дол
— Земля, где господствует моль.
И роя воздушного роины,
Нетучей страны ходуны,
Нетотного берега бойско
И соя идесного воины,
И белого разума соины —
Летит синеглазое войско
Сквозь время великой койны
И бьется упорно и свойско
С той силой, что пала на ны.

3

И ветер суровою вавой
Донесся от моря нетот
С огласою старой виньбы.
Он бьется с ночной зенницавой,
Им славится мервое право.
И пали, не зная мольбы,
Просторцы нетучих летот,
Нетучего моря рабы,
Насельники первых пустот.
Мервонцы, прекрасны и наги,
Лежали крылатой гробницей
Над морем, где плещется мемя,
Лежали суровы и баги
Над вольною верою влаги.
Мольба неподвижной лобницы,
Чтоб звонкое юношей вемя,
Зарницей овивши цевницы,
Воспело ниесное время.

4

Мервонцы! Мервонцы! вы пали!
Лежите семьей на утесах.
Тихес голубое веничие.
Почили на веки печали,
Червонцев блеснувшие дали,
Зиес золотые струйничие,
Деревьев поломанный посох,
Ослады восстанья весничие,
Как снег, крылопад на откосах.
Младро голубое полета,
Станица умерших нагес
И буря серебряных крыл,
Омлады умершей волота.
В пустынных зенницах охота
Щитом заслонить сребровеющий тыл.
И грустная вера инес,
О чем и кому, я забыл.
Как строга могила можес!

5

Во имя веимого бога
Зарницею жгучею лиц
Несничие молнии дикой,
Мы веем и плещем болого,
Мечтоги у моря ничтога,
Окутаны славой великой,
— Закон у весничего сиц.
И скрылось лицо молодика,
Где вица вечерних девиц.
Смотрели во сне небесничие
Глазами ночей воложан
На тихое неба веничие,
Как неба и снега койничие,
Темян озолотой струйничие,
О славе и сладе грезничие
Толпой голубой боложан,

Задумчивой песни песничие
Во имя добра слобожан.

6

Мы мчимся, мы мчимся, тайничие,
Сияют как снег волоса
На призраках белой сорочки.
Далекого мира дайничие,
Нездешнею тайной вейничие,
Молчебные ночери точки,
Синеют небес голоса,
На вице созвездия почки,
То ивы цветут инеса.
Разумен небес неодол
И синего лада убава,
И песни небесных малют.
Суровой судьбы гологол,
Крылами сверкнет небомол,
А синее, синее тучи поют,
— Литая летает летава,
Мластей синеглазый приют,
Блестящая солнца немрава.

1919

* * *

Село голубого мечтога
Окутала снов вереница.
Во имя веимого Бога
Несут их виоты зарницу.
И крыльев блеснут словарем
В молчаньи небес голубом,
И прочь улетят с зоварем, —
Стан в струйные страны ведом.
Потоком ярким инеса́
Упали наземь и бегут,
Восходит Бог, и сиеса
Ему служить приказа ждут.
Сиот голубые потоки,
Тиес улетающих время
И петер звезд, его уроки,
И навы голубое темя.
Они уныли в море голубом,
Заявные боги миров.
Они ушли во тьму хором
Еще сиокой зенницавой.
И белого неба омлада,
Где на небе яркая зда, —
То умного разума влада,
Сеструнному ропоту «да».
И белого Бога изука
Боями тиес и сиес.
И радостью крыльев заука
Милебы далеких биес.

1919

3

СТЕПЬ

Пел петер дикой степи.
Лелепр синеет ночей.
Блеснул одинокий молон.
Усталое ветра ходно
По скачкам верхарни травы.
Весны хорошава ночная.
Чернели вдали земеса,
Поля бесконечных земён,
Отца позабывших имён.
Младыки, хладыки, летите сюда!
Здесь гибельный гнестр
И умер волестр,
И снепр инес!
Здесь нитва людей
И хивень божеств.
На небе огнепр.
Сюда, мластелины!

<1919>, 1921

* * *

Бегава вод с верхот в долину.
Верхарня серых гор.
Далекий кругозор.
И бьюга водотока об утесы
Седыми бивнями волны.
И бихорь седого потока
Великой седыни воды,
Где черный мамонт полутьмы
Качает бивень войн.

<1919>, 1921

3*

* * *

Моло́н упал в поло́н
Как мравитель легкой нравды.
Лосудари синих лон,
К инестру народных волестров!
Из острова снестров, где огнисте́ль и вени́х,
О бьюга младевы! бойба их умён!
Виач содружества сомужеств.
О легкие стоны мрузей!
О мервые глазами сиуны!
О метер мервий! Стон младелицы!
На мервые всходы зари.

1919

ГОРНЫЕ ЧАРЫ

Я верю их вою и хвоям,
Где стелется тихо столетье сосны
И каждый умножен и нежен,
Как баловень бога живого.
Я вижу широкую вежу
И нежу собою и нижу.
Падун улетает по дань,
И вы, точно ветка весны,
Летя по утиной реке паутиной,
Ночная усадьба судьбы:
Север цели всех созвездий
Созерцали вы.
Вилось одеянье волос,
И каждый — путь солнца,
Летевший в меня,
Чтобы солнце на солнце менять.
Березы мох — маленький замок,
И вы — одеяние ивы,
Что с тихим напевом «увы!»
Качала качель головы.
На матери камень
Ты встала; он громок
Морями и материками,
Поэтому пел мой потомок.
Но вёдом ночным небосводом
И за руку зорями зорко ведо́м,
Вхожу в одинокую хижу,
Куда я годую себя, и меня

Печаль, распустив паруса,
Где делится горе владелицы,
Увозит свои имена,
Слезает неясной слезой,
Изученной тропкой из окон
Хранимой храмины.
И лавою падает вал,
Оливы желанья увел
Суровый поток
Дорогою пяток.

1919, 1920

* * *

Высоко руками подняв Ярославну,
Железный араб, не известный писателю Пушкину,
Быстро несется с добычей.
Ветер стеклянных одежд, ветер стеклянного стана.
Он шарит ухватами глаз
В горне пылающих верст,
Вспрыснув духами полей и черного масла и пыли
Невесты потерю сознания.
Закинув стан стеклянный божества,
Он хрюкнул громко в ухо толп,
Как буйвол бело-красных глаз.
Ночь черная за снежною звездою
Зеркальной хаты.

1919, 1921

* * *

Над глухонемой отчизной: «Не убей!»
И голубой станицей голубей
Пьяница пением посоха пуль,
Когда ворковало мычание гуль, —
«Взвод, направо, разом пли!
Ошибиться не моги! Стой — пали!
Свобода и престол,
Вперед!»
И дева красная, открыв подол,
Кричит: «Стреляй в живот!
Смелее, прямо в пуп!»
Храма дальнего набат,
У забора из оград
Общий выстрел, дымов восемь —
«Этот выстрел невпопад!»
Громкий выстрелов раскат.
Восемнадцать быстрых весен
С песней падают назад.
Молот выстрелов прилежен
И страницей ночи нежен,
По-русалочьи мятежен
Умный труп.
Тело раненой волчицы
С белой пеной на губах?
Пехотинца шаг стучится
Меж малиновых рубах.
Так дваждыпадшая лежала,
И ветра хладная рука
Покров суровый обнажала.
— Я видел тебя, русалку восстаний,
Где стонут.

1919–1920

* * *

«Верую» пели пушки и площади.
Хлещет извозчик коня,
Гроб поперек его дрог.
Образ восстанья
Явлен народу.
На самовар его не расколешь.
Господь мостовой
Вчерашнею кровью написан,
В терновнике свежих могил,
В полотенце стреляющих войск,
Это смотрит с ночных площадей
Смерти большими глазами
Оклад из булыжных камней.
Образ сурового бога
На серой доске
Поставлен ладонями суток,
Висит над столицей. Люди, молитесь!
В подвал голубые глаза!
Пули и плети спокойному шагу!
— Мамо!
Чи это страшный суд? Мамо!
— Спи, деточка, спи!
Выстрелов веник
Кладбищем денег
Улицы мёл —
Дворник косматый.
Пуля вдогонку, пуля вдогонку!
Трое уселось за конку.
Трое свинцовыми тропами
Сделаны трупами!
Дикий священник
В кудрях свинцовых

Сел на свинцовый ковер возле туч.
В зареве кладбищ,
Заводских гудках, ревевших всю ночь,
Искали черт Господа смерти.
Узнавая знакомых,
Люди идут подымать крышки гробов, гуськом, вереницей.
Черные улицы.
Пуля цыганкой из табора
Пляшет и скачет у ног.
Как два ружейные ствола,
Глаза того, кто пел:
«До основанья, а затем...»
Рукою сжатая обойма, внизу мерцанье глаз толпы.
Это смех смерти воистину.
Пел пуль пол.
Ветер свинцовый,
Темной ночи набат,
Дул в дол голода дел.
Стекла прекрасными звездами
Слезы очей пули полета.
Шаги по стеклянному снегу
Громко хрустят.
За стеклянной могилой мяукает кошка.
«Ту́са, ту́са, ту́са!
Мэн да да цацо́».
Пели пули табора улиц.

Ветер пуль
Дул в ухо пугливых ночных площадей.
Небо созвездий наполнило куль.
Облако гуль
Прянуло кверху.
Нами ли срубленный тополь падал сейчас,
Рухнул, листвою шумя?
Или, устав несть высоту,
Он опрокинулся и схоронил многих и многих?
Срубленный тополь, тополь из выстрелов
Грохнулся наземь свинцовой листвой,
На толпы, на площади!

Срубленный тополь, падая, грохнулся
Вдруг на толпу, падал плашмя,
Ветками смерти закрыв лица у многих?
Лязга железного крики полночные
И карканье звезд над мертвецкою крыш.
Эта ночь темней голенища!
Множество звезд, множество птиц
Вдруг поднялось кверху!
Мною испуганы!

1919–1920, 1922

СОВРЕМЕННОСТЬ

Где серых площадей забор в намисто:
«Будут расстреляны на месте!»
И на невесте всех времен
Пылает пламя ненависти.
И в город, утомлен,
Не хочет пахарь сена везти.
Ныне вести:
Донские капли прописав
Тому, что славилось в лони́ годы,
Хороните смерть былых забав
Века рубля и острой выгоды.
Где мы забыли, как любили,
Как предков целовали девы,
И паровозы в лоск разбили
Своих зрачков набатных хлевы,
Своих полночных зарев зенки.
За мовою летела мова
И на устах глухонемого
Всего одно лишь слово: «К стенке!»
Как водопад дыхания китов,
Вздымалось творчество Тагора и Уэльса,
Но черным парусом плотов
На звезды мира, путник, целься.
Смертельный нож ховая разговором,
Столетие правительства ученых,
Ты набрано косым набором,
Точно издание Крученых.

1920

* * *

Слава тебе, костер человечества,
Светлый, гори!
Ты, голубое отечество,
Видно вдали.
Шекспировский гордый замок,
Гомерида греческий храм
Пылают, падают.
Литайбона,
Калидасида,
Пушкинида помещичий дом
Пылают.
И подымается глупейший ребенок, заплаканный,
утирающийся
— Мировой язык.

1920

* * *

И где земного шара *ла*
Золоном воздуха светла,
И где стоит созвездий *го*,
Вэ облаков, *вэ* звезд ночного вала,
Вэ люда кругом оси,
Вэ солнца кругом оси,
Пу звезд ночных, и *та* и *ка*,
По небомоста *ри* и *ро*!
И в *че* морей и горных цепей,
И в *че* из зелени дубров,
Да разумом в светила *пу*,
О, *за-за золоном* огня!
Го человека на тебе.
Ты жила *го* людей,
Со пламени — людское *мо*.
И там, где *ни* событий дня,
Ты *за-за* синего огня,
Пылаешь *золоном* дубровы,
И *нолос* ведает меня
Рогами бешеной коровы.

1920

Словарь: *ла* — плоская поверхность, поперечная движению: лист, лопасть, ладья. *Золон* — зеленый цвет; *го* — высшая точка поперечного движения; гром, город. *Вэ* — вращение одной точки около другой, как кружится точка дуги круга: волос, ветка, вьюн. *Пу* — движение по прямой; *ри* и *ро* — проход точки через точечное множество, пересечение объема: резать, рубить. *Че* — оболочка, чехол, чёботы. *Да* — отделение точки от точечного множества; *за-за* — отраженный луч, зеркало; *со* — движение подвижных точек из одной неподвижной, связующей их: семья, сад, солнце, село. *Мо* — распадение объема на отдельные точки. *Ни* — исчезновение точки из точечного множества. *Нолос* — тот, кого нет. *Та* — затененная. *Ка* — остановка движения. Новообразования писать особописью.

ЗВЕЗДНЫЙ ЯЗЫК

*

В *ха* облаков исчезли люди,
Вэ черного хвоста коней
Пролито к *мо* полка.
В *че* дыма вся долина.
И мертвый глаз — *зе* неба
И созвездия.

*

Го седел — всадник смуглый.
Ша синих облаков и дыма темного,
пушек черносмуглые цветы.
Вэ конского хвоста, целуя *мо* людей,
Закрыло раненому небо,
Целует мертвому уста.
И *пэ* земли — копыта пыль, *пэ* конницы стоит.
И *ка* навеки — *мо* орудий, грубые остатки,
колеса и станки.
Ла крови возле шашки без *че* серебряного
Малиново горит.

*

Вэ вьюги мертвых глаз,
Ла пушки лучу месяца,
Ла крови на земле.
Ни песни, стонов *по*,
Го тишины — храпение коней.
Го седел — всадник дикий,

В *че* дыма — шашки блеск.
Вэ гривы белоснежной
На золотом коне,
Вэ веток вслед снаряду.

1920, 1921

ЗВЕЗДНАЯ СВАЙНАЯ ХАТА

Где рой зеленых *ха* для двух
И *эль* одежд во время бега,
Го облаков над играми людей,
Вэ толп кругом столба огня,
Столба любви вечерних рощ,
Че парней — синие рубахи,
Зо голубой сорочки у другого,
Че девушек — червонная рубаха,
Червонная сорочка
В вечерней темноте,
Го девушек и баб, *ка* крови и воды —
Венки лесных цветов.
Недолги *ка* покоя.
И *вэ* волос на голове людей,
Эс радостей весенних,
Мо горя, скорби и печали
И *ла* труда во время бега,
Сой смеха, *да* веревкою волос,
Где рощи *ха* весенних пылов
И *мо* волос на кудри длинные.

1920, 1921

ВЫСТРЕЛ ИЗ *П*

Пламя и полый пещеры пучок пузырей —
Это пыжом пламенами по пазу
Полой пищали. Пулями песни.
Пороха парень — пламени почкой поет,
Пулéц прагом пыжа, палýн полоном пули,
Где пламенем пóлон пола полóн,
Пыжами пугая по полю пули полет, пулями плюнул.
Пороха пузо! Паз и пружина!
Он, прыжок пружин в поля, как палка пала, —
Это пружиною пороха пули прыжок
Палкой прямого пути, в путь пуль.
Паров напор пинал порогом паза,
Он пыл пути пуль по полю.
А пуля упала и пела о поле.
Это пороха пуль первое пламя.
Парень пальбы, в порох пружинясь,
Поет, как певец,
Парусом пения пьяница, пучинит пещеру и пучит,
Посохом пламени пол полосует.
Пения пучный прыжок пузырями, пучная почка,
Прал пещеры полей, пинал паром пушистый пустые поля,
Пёр пламени пазух опор,
Порохом пыльным пылко опутан, в полоне,
Плещет и пляшет песками, пеной о пашни и пóтом.
Пухнет пером и перинами, прутьями, посохом, пеньем, —
Полох и порох, и пламя.
Полем пустот, пук опаленного пара,
Поит полей пустоту, путиной, как прут, проткнутый в пасть.

Пороха пахарь, распашет запоры, правый и первый,
Пытками тянет и пялит пути.
Пырнул перунами в перины, полосуя
Пламени путь, и пил и пел пыл пуль, путника пуль.
Пением пороха парус парил, опираясь
В пучину пещерного пола, порожний, полый, пустой.
П — удаление точки от точки,
К объему громадному воля и путь.
Точка стоит, другая же прочь уносилась, безумная.
Пещера, Перун, пузырь или пена, палец, певец или палка, —
Вы растянули проход меж собой, выпуском палки и точки,
Везде удаляются пуля или пламя.
Кто там? не вижу,
Пух или пушка?
Пан или пень?
Случайно упали имена
На лопасти быта.

<1920>

* * *

Младенец — матери мука́, моль,
Мот мощи, мот медов,
В мешке момры́, где марево младенца,
Медовый мальчик, мышь и молот,
Медами морося во мраке,
Он мышью проточил ходы
И молью истребил покровы,
И морем мух напился меда.

<1920>. 1921

ЭЛЬ

Когда судов широкий вес
Был пролит на груди,
Мы говорили: это лямка
На шее бурлака.
Когда камней усталый бег
Листом в долину упадает,
Мы говорили: то лавина.
Когда плеск волн — удар в моржа,
Мы говорили: это ласты.
Когда зимой снега хранили
Пути ночные зверолова,
Мы говорили: это лыжи.
Когда волна лелеет челн
И носит ношу человека,
Мы говорили: это лодка,
Ладьи широкая опора.
Когда ложится тяжесть вод
На ласты парохода,
Мы говорили: это лопасть.
Когда броня на гру́ди воина
Ловила копья на лету,
Мы говорили: это латы.
Когда растение листом
Остановило тяжесть ветра,
Мы говорили: это лист,
Небес удару поперечный.
Когда умножены листы,
Мы говорили: это лес,
А время листьев роста — лето.

Когда у ласточек широкое крыло
Ее спасает от паденья,
Блеснет, как лужа шелка синего,
Мы говорим: она летает.
Не падает, не тонет,
Как будто в лодке или лыжах,
И вес ее, как лужа ливня,
На площади широкой пролит.
Когда лежу я на лежанке,
На ложе лога, на лугу,
Я сам из тела сделал лодку.
И бабочка-ляпунья
Широкими летит крылами,
Доверив площади широкой
Путь силы поперечной.
Лопух и лопасть и листы...
Ладонь широка, как ладья,
А лапа служит точно лыжа,
И храбро ступает лапой лось по болоту.
Когда труд пролит в ширину,
Мы говорили: это лень.
И лень из неба льется ливнем
Над лодырем, ленивцем,
Он высь труда
Широкой ленью заменил,
Боясь усталости глубокой.
А легкий тот, чей вес
По площади широкой пролит.
И белый лист воды — прозрачный лед.
В широкой ложке держится вода.
И лужей пролит площадью широкой
Отвесный ливня путь.
Широким камнем льда расширилась вода.
Не тонет лед, как лодка.
Мы воду пьем из ложки
И отдыхаем на широком ложе.
Мы любим, служа лодкой
Для другого,
Лелеем, ослабляя тяжесть,

Для детских ног простертые, как лед.
Ляля и лели —
Легкие боги
Из облака лени.
Эль — луч весовой,
Что оперся о площадь широкую.
Эль — воля высот
Стать шириной,
Путь силовой,
Высоту променявший
На поперечную площадь.
Широкое не падает, не тонет,
Не проваливается в снег
И болото
Ни в воздухе, ни в море,
Ни в снегу.
Если опасность внизу
И угрожает паденье,
Там появляется *Эль*.

1920. 1921–1922

* * *

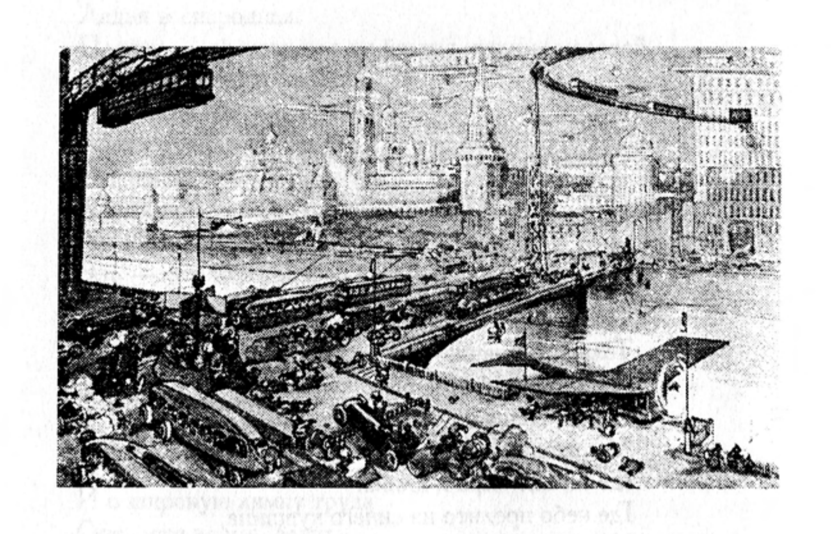
На лыжу времени
Ступило *Эль*:
Ленин, и Либкнехт, и Люксембург,
И много соседей по воле,
Где бодро шагали народов шаги
На лыжах по рыхлым снегам.
То всенародная лыжа! для тысячей толп.
Над ней летели:
Лебедь, лелека, лелюк и ласточка,
Лели, любимые людом,
В воздухе синем не падая.
Эль — это ласты моржа государства,
Крыл ширина для государственной мысли,
чтоб в небе не падать.
Лужей широкой свободы сделался ливень царей:
В ссоре с *Эль* были цари и утонули.
Гэ преклонилось пред ним вместе с *Эр*,
Два звука пред ним опустили знамена.
Эль не знают цари.
Веревка судов государственных
Лямкой широкой Советов
На груди бурлака мирового
Замкнулась, чтоб грудь не давило.
Ливень отвесный царей
Лужей великою стал.
Всем там есть место: убийце, раклу и мазурику,
Пахарю, деве ночной городов, вору, священнику, татю.
Все управляют собой, всё стало широким,

И время *Эль*, как облако, повисло
над богослужением себе.
Все стали царями легко и лениво.
Там, где цари шагали по мели,
Боясь утонуть,
Бодро несется, парус развеяв,
Ладья всенародная.
Пловец — государство не боится пучины морской
На ладье всенародной,
Как знамя его развевается *Эль*!
Лопух и лист, лежанка, лапа и ладонь —
Это широкие плоские вещи.
Крылá простыня птице позволяет летать.
А бабочка имя имеет — ляпун.
Эль — это власть, что несется на лыжах
Над снегом людей.
Крыльев широкая ширь летуньи,
Отвесная нить высоты, ставшая ширью —
Это великое *Эль*.
Эль подымает свой парус белым листом,
поперечным копью бури дикой.
И о широкую лямку труда
Оперлося время, влача
Волги суда, чтоб полегчало.
Эль — это лыжа: не падай, дикарь!
Эль — это тяжести лужа широкая, ей поперечная площадь.
Эль — это лодка широкая: моряк, не тони!

<1920>, 1921

ГОРОД БУДУЩЕГО

Здесь площади из горниц, в один слой,
Стеклянною страницею повисли,
Здесь камню сказано «долой»,
Когда пришли за властью мысли.
Прямоугольники, чурбаны из стекла,
Шары, углов, полей полет,
Прозрачные курганы, где легла
Толпа прозрачно-чистых сот,
Раскаты улиц странного чурбана
И лбы стены из белого бревна —
Мы входим в город Солнцестана,
Где только мера и длина.
Где небо пролито из синего кувшина,
Из рук русалки темной площади,
И алошарая вершина
Светла венком стеклянной проседи,
Ученым глазом в ночь иди!
Ее на небо устремленный глаз
В чернила ночи ярко пролит.
Сорвать покровы напоказ
Дворец для толп упорно волит,
Чтоб созерцать ряды созвездий
И углублять закон возмездий.
Где одинокая игла
На страже улицы угла,
Стеклянный путь покоя над покоем
Был зорким стражем тишины,
Со стен цветным прозрачным роем

Из серии открыток фабрики «Эйнем» «Москва в будущем». 1914.

Смотрели старцы-вещуны.
В потоке золотого, куполе,
Они смотрели, мудрецы,
Искали правду, пытали, глупо ли
С сынами сеть ведут отцы.
И шуму всего человечества
Внимало спокойное жречество.
Но книгой черных плоскостей
Разрежет город синеву,
И станет больше и синей
Пустотный ночи круг.
Над глубиной прозрачных улиц
В стекле тяжелом, в глубине
Священных лиц ряды тянулись
С огнем небес наедине.
Разрушив жизни грубый кокон,
Толпа прозрачно-светлых окон
Под шаровыми куполами
Былых видений табуны,
Былых времен расскажет сны.
В высоком и отвесном храме
Здесь рода смертного отцы
Взошли на купола концы,
Но лица их своим окном,
Как невод, не задержит свет<а>,
На черном вырезе хором
Стоит толпа людей завета.
Железные поля, что ходят на колесах
И возят мешок толп, бросая общей кучей,
Дворец стеклянный, прямей, чем старца посох,
Свою бросает ось, один на черных тучах.
Ремнями приводными живые ходят горницы,
Светелка за светелкою, серебряный набат,
Узнавшие неволю веселые затворницы,
Как нити голубые стеклянных гладких хат.
И, озаряя дол,
Верхушкой гордой цвел
Высокий горниц ствол,
Окутанный зарницей,

Стоит высот цевницей.
Отвесная хором нить,
Верхушкой сюда падай,
Я буду вечно помнить,
Стеной прозрачной радуй.
О, ветер города, размерно двигай
Здесь неводом ячеек и сетей,
А здесь страниц стеклянной книгой,
Здесь иглами осей,
Здесь лесом строгих плоскостей.
Дворцы-страницы, дворцы-книги,
Стеклянные развернутые книги,
Весь город — лист зеркальных окон,
Свирель в руке суровой рока.
И лямкою на шее бурлака
Влача устало небеса,
Ты мечешь в даль стеклянный дол,
Разрез страниц стеклянного объема
Широкой книгой открывал.
А здесь на вал окутал вал
Прозрачного холста,
Над полом громоздил устало пол,
Здесь речи лил сквозь львиные уста
И рос, как множество зеркального излома.

1920

* * *

О, город тучеед! костер оков
Несущий вперед, с орлиным клювом!
Где громче тысячи быков
Стеклянных хат ревела глотка.
Ведром небесное пространство ты ловишь безустанно.
Черпал ночные бури в железоневод хат,
Жилой стеклянный парус, плющем обвитый улиц,
Как бочка полая широк.
Стеклянный дол, стеклянные утесы, где вился улиц хмель.
Еще угрюм, еще неловок
Весь город мчался, как суда,
Где нависали облака
На медленных глазах веревок.
Как раньше шло растение на посохе зеленой краски,
Весь город тою же тропинкой шел,
— из белой зелени растение, —
Желая быть травой стеклянной.
Ночей прибой ловил глазами в рыбацкий невод.
И не обманули никого его прозрачные глаза,
Когда сквозь них блестело солнце.
Старик железных стекломяс
Икрой железною завяз
Среди реки раскрытых книг —
Упруг, упорен и велик.
Старик стеклянного тулупа,
Чьи волосы — халупа над халупой,
Своих кудрей раскинув улей,
Где полдень заблудился пулей,

Надувши жилы на руке,
Бросал железосети
В ночную глубину,
Где тысячи очей,
Упрямым рыбаком,
За комом сетей ком.
Паук мостов опутал улицы,
Бросал лучи упорных ниток.
Ты — город мыслящих печей
И город звукоедов,
Где бревна грохота,
Крыши нежных свистов,
И ужин из зари и шума бабочкиных крыл
На отмели морского побережья,
Где камни — время.

1920, 1921

* * *

Он, город, синим оком горд
И красотой железа сила.
В лицо небеснейшей из морд
Жевал железные удила.

Он, город, синими глазами
Скосил скулы жестокой надписи
И черным зеркалом заране
Он завывал деревням: нас спаси!

Жестокий, мрачный и опальный,
Широкой бритвой горло режь.
Из всей небесной готовальни
Ты вынул битву и мятеж.

Он, пастух красивых денег,
Созыватель сизых гуль,
Заплетал в веселый веник
Громкий вой железных пуль.

И синими глазами падали
Уходит в мертвую тоску.
Кукушка ласковая, надо ли
Часам тоски пробить ку-ку?

И вечно слаб к тебе, о водка,
Воспет убийством в зеркалах,
Могучим камнем подбородка
Он опирался на кулак.

Когда чернел высокий глянец
Его таинственных зеркал,
Он улыбался, самозванец,
И жертву новую искал.

Крутят колеса, крутят колеса,
Город понесся, город понесся.
Дома пробегали худыми кривляками,
Кланялись старым знакомым,
Могила и свадьба сошлися собаками
На площади, видны хоромам.

1920, 1921

ХАРЧЕВНЯ
ЗОРЬ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН, АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ,
ВЕЛЕМИР ХЛЕБНИКОВ.

1920
МОСКВА

Издание имажинистов
«Харчевня зорь». 1920.

4

С.А.Есенин, А.Б.Мариенгоф, В.В.Хлебников в Харькове.
Фотография. 1920.

* * *

Москвы колымага,
В ней два имаго.
Голгофа
Мариенгофа.
Город
Распорот.
Воскресение
Есенина.
Господи, отелись
В шубе из лис.

Апрель 1920

ПРАЗДНИК ТРУДА

Алое плавало, алое
На копьях у толпы.
Это труд проходит, балуя
Шагом взмах своей пяты.
Труднеделя! Труднеделя!
Кожа ло́снится рубах.
О рабочих, не рабах! —
Льется песня, в самом деле,
И, могучая раскатом,
Песня падает, пока
Озаряемый закатом
Отбивает трепака.
Лишь приемы откололи
Сапогами впереди,
Как опять востоком воли
Песня вспыхнула в груди.
Трубачи идут в поход,
Трубят трубам в медный рот!
Веселым чародеям
Широкая дорога.
Трубач, обвитый змеем
Изогнутого рога.
Это синие гусары
На заснувшие ножи
Золотые лили чары
Полевых колосьев ржи.
Городские очи радуя
Огневым письмом полотен,
То подымаясь, то падая,
Труд проходит, беззаботен.
И на площади пологой
Гулко шли рогоголовцы
— Битвенным богом.
Желтый околыш, знакомый тревогам,

И на затылках, наголо стриженных,
Раньше униженных, —
Черные овцы,
Лица закрыли,
Кудри струили.
Суровые ноги в зеленых обмотках.
Ищут бойцы за свободу — знакомых;
В каждой винтовке — ветка черемухи —
Боевой привет красотке.
Как жестоки и свирепы
Скакуны степных долин!
Оцепили площадь цепи,
На макушках — алый блин!
Как сегодня ярки вещи!
Золотым огнем блеснув,
Знамя падает и плещет,
Славит ветер и весну.
Это и́дут трубачи,
С ног окованные в трубы.
Это и́дут усачи,
В красоте суровой грубы.
И, как дочь могучей меди,
Меж богов и меж людей
Звуки, облаку соседи,
Рвутся в небо лебедей!
Веселым чародеям
Свободная дорога,
Трубач сверкает змеем
Изогнутого рога.
Алый волос расплескала,
Точно дева, площадь города.
И военного закала
Черны ветреные бороды.
Золото с красными птицами
Носится взад и вперед.
Огненных крыл вереницами
Был успокоен народ.

20 апреля 1920, 1921–1922

* * *

О, единица!
Подслушай говор звезд
И крикни мой завет.
«Вот моя охота, — лапу положив, —
Она прекрасна, моя дичь!»
Все бросятся отнять твою добычу
И тоже скажут — мой завет.
И ты, Аттила без меча,
Всех победив,
Их сделал данниками звезд
И завоевал для неба
Великий рычагами я.

1920

* * *

Помимо закона тяготения
Найти общий строй времени
Яровчатых солнечных гусель,
Основную мелкую ячейку времени и всю сеть.

Люди! утопим вражду
В солнечном свете!
В плаще мнимых звезд пусть ходят — я жду —
Смелых замыслов дети,
Смелых разумов сын.

1920

* * *

Люди! Над нашим окном
В завтрашний день
Повесим ковер кумачовый,
Где были бы имена Платона и Пугачева.
Пророки, певцы и провидцы!
Глазами великих озер
Будем смотреть на ковер,
Чтоб большинству не ошибиться!

<1920> 1922

* * *

I

Как снег серебровое темя,
Огнями глаза зажжены,
А рядом великое немя
Мирами могатой волны.
Игрою небес небесничие
Промчатся среди голубес,
И кроткое льется величие
Потоком вечерних инес.
Веокие перья и очи,
Качается солнечный глаз,
Перо серебреющей ночи,
На ветке качается час.
Они голубой Тихославль,
Они золотой Ярославль,
Окутаны вещею трустью,
Летят к доразумному устью.
Потоком синеющих сонз
Над миром печали и стонз,
Одеты легчайшей веяной,
Пролиты как тучи руно,
Промчались нездешней сияной,
Как неба быть синим могно.
Крыла белоснежного махари,
Земли голубые всегдавцы,
Дахари света, земли иногдавцы,
Полета усталого знахари.

II

На длинной нити девы имя
Ресницей черною одето,
Как снежный глаз, плывет за ними
Из полумглы и полусвета.
Но снежным ветром не забыта
В потопе востока всегдава.
Летуры инесного быта,
Всегдаве небес иногдава.
Когда же идет темногда
И небо нечаянной дайной
Очертится черною тайной,
Исполнено черной межбы
За вихрями белой нежбы,
Раскинув ночное прахно,
И дышит в чужое духно,
Как призрак безвестный и странный,
Промчавшись вечерней виданой.

III

Усталые крылья мечтога,
Река голубого летога.
Нетурные зовы, нетурное имя!
Они, пролетевшие мимо,
Летурные снами своими.
Дорогами облачных сдвигов
Промчались, как синий Темнигов.
Незурное младугой пение,
Они голубой окопад.
Но синей в ресницах грезурью
Давая дневному нетеж,
Летите к земному вразурью,
Безбурному ночи грезурью.
Они в голубое летеж.
Крылатые белой незурью
Вечернего воздуха дайны
И ветер задумчивой тайны.

IV

Леляною вести, леляною грусти
Ее вечеровый озор.
Увидев созвездье, опустим
Мы, люди, задумчивый взор.
Ни шумное крыл махесо,
Ни звездное лиц сиесо,
Ничто нас тревожить не может.
Они голубой Тихославль,
Они в никогда улетавль,
Они полетят в Никогдавль.
Несутся вечерней сияной,
Нездешнею дикой шуманой,
Шумящей и звездной веяной,
В созвездиях босы,
Где умерло ты,
Грезурные косы,
Грезурные рты.

8 июля 1920, 1921

* * *

Летели незурные дымы,
Они молодой вероглавль,
Всегда голубой тучеплавль.
Толпа синеглазых нощер
Сквозь белые дня лиеса
Несется, несется толпой в инеса
И мчится, как птица,
Лилица заоких тихес
На зовы поспешных идес.
Радуний прекрасных радеж,
В ресницах пел черный нетеж
Ищерами древнего часа
И темени вился сетеж.
Бегурное племя, вразурные сни,
Враждебноокие, широкие дни.
Ударом серебряных виц
И глагою черных ресниц
Летели в мечтоги зовели.
Незурные лица. Умчурное племя.
Смеется оно.
И ветер, лелея воздушную лею,
Толпу чернобелых блещер,
Вервонцам доверит былое...

<1920>. 1921

* * *

Я верю:
Где роем звезд расстрел небес,
Как грудь последнего Романова,
Бродяга дум и друг повес
Перекует созвездье заново!
И точно кольца обручальные
Последних королей и плахи
Носитесь в воздухе, печальные
Раклы, безумцы и галахи...
Цари, ваша песенка спета!
Помолвлено лобное место.
И таинство воинства это
— В багровом слетает невеста.
Пришедший! раною болея,
Срывая с зарева засов,
Хватай за ус созвездье Водолея,
Бей по плечу созвездье Псов!
Ты разорвал времен русло,
Чтобы летали пехотинцы,
И точно солнце, что взошло,
Всему созвездью дав весло,
Ты королей пленил в зверинцы,
Назвав правительством число.
В день смерти зим и раннею весной
Нам руку подали венгерцы.
Свой замок цен, рабочий, строй
Из камней ударов сердца.
Пусть небо ходит ходуном
От тяжкой поступи твоей:

Скрепи созвездие бревном
И дол решеткою осей.
И пусть пространство Лобачевского
Летит с знамен ночного Невского!
Проклятьем ду́ши окровавить
Тому, что жмет, гнетет и давит!
И он сидит, король последыш,
За четкою железною решеткой,
Оравы обезьян соседыш
И яда дум испивши водки.
Это шествуют творяне,
Заменивши *Дэ* на *Тэ*!
Ладомира соборяне
С трудомиром на щите!

1920, 1921–1922

* * *

Стеклянный шест покоя над покоем
Вдруг побледнел и вдруг померк.
И поле битв, где людоед лежит на людоеде,
Слагая сказку улиц птиц,
Снимая шкуру с бешеных волчиц,
Мешая белену с волной лесных криниц,
Чуме священной молится Восток.
Ты вся — столетий решето,
И твой прекрасный сын — никто.
И более холма кумир
С улыбкой смотрит на цветок,
И шеи жен под тяжестью секир...
Всё помнит огненный Восток.

1920

АЗИЯ

Всегда рабыня, но с родиной царей
На смуглой гру́ди
И с государственной печатью
Взамен серьги у уха,
То девушка с мечом, не знавшая зачатья,
То повитуха мятежей — старуха,
Ты поворачиваешь страницы книги той,
Где почерк был нажим руки морей,
Чернилами сверкали ночью люди,
Расстрел царей был гневным знаком восклицанья,
Победа войск служила запятой,
А полем — многоточия,
Чье бешенство не робко,
Народный гнев воочию,
И трещины столетий — скобкой.

1920, 1921

* * *

О, Азия! тобой себя я мучу.
Как девы брови я постигаю тучу.
Как шею нежного здоровья —
Твои ночные вечеровья.
Где тот, кто день иной предрек?
О, если б волосами синих рек
Мне Азия покрыла бы колени,
И дева прошептала таинственные пени.
И, тихая, счастливая, рыдала,
Концом косы глаза суша.
Она любила, она страдала —
Вселенной смутная душа.
И вновь прошли бы снова чувства
И зазвенел бы в сердце бой:
И Махавиры, и Заратустры,
И Саваджи, объятого борьбой.
Умерших их я был бы современник,
Творил ответы и вопросы.
А ты бы грудой светлых денег
Мне на ноги рассыпала бы косы.
— Учитель, — мне шепча, —
Не правда ли, сегодня
Мы будем сообща
Искать путей свободней?

1920, 1921

ЕДИНАЯ КНИГА

Я видел, что черные Веды,
Коран и Евангелие
И в шелковых досках
Книги монголов
Сами из праха степей,
Из кизяка благовонного,
Как это делают
Калмычки каждое утро,
Сложили костер
И сами легли на него,
Белые вдовы,
В облаке дыма закрыты,
Чтобы ускорить приход
Книги единой.
Эту единую книгу
Скоро вы, скоро прочтете.
Белым блещут моря
В мертвых ребрах китов.
Священное пение, дикий, но правильный голос.
А синие реки — закладки,
Где читает читатель,
Где остановка читающих глаз.
Это реки великие —
Волга, где Разину ночью поют
И зажигают на лодках огни,
Желтый Нил, где молятся солнцу,
Янтцекиянг, где жижа густая людей,
И Сена, где продаются темноглазые жены,

И Дунай, где ночами блестят
Белые люди на волнах, на лодках
В белых рубахах,
Темза, где серая скука и здания — боги для толп,
Хмурая Обь, где бога секут по вечерам
И пляшут перед медведем с железным кольцом на белой шее,
Раньше чем съесть целым племенем,
И Миссисипи, где люди одели штанами звездное небо
И носят лоскут его на палках.
Род человеческий — книги читатель,
И на обложке надпись творца,
Имя мое, письмена голубые.
Да, ты небрежно читаешь.
Больше внимания!
Слишком рассеян и смотришь лентяем.
Точно урок Закона Божьего,
Эти снежные горные цепи и большие моря,
Эту единую книгу
Скоро ты, скоро прочтешь.
В этих страницах прыгает кит,
И орел, огибая страницу угла,
Садится на волны морские,
Чтоб отдохнуть на постели орлана.

<1920>. 1921

* * *

И если в «Харьковские птицы»,
Кажется, Сушкина
Засох соловьиный дол,
И первый гром журавлей,
А осень висит запятой,
Ныне я иду к той,
Чье холодное и странное руно
Зовет меня испить
«Египетских ночей» Пушкина
Холодное вино.

1920. 1922

* * *

И ночь прошла, соседи не заметили
Поляну,
Там, где кусты свидетели
Ночной любви без страха
И боя слов: «чудовище», «постой», «невеня» и «ахаха».
Приходит день, и незнакомки нет,
Той горожанки, чья улыбка детская
И косы пролиты речонкой за плечо,
И галаха,
У кого через обувь смотрит палец ноги.
Под веткой березовой скомканы
Одежды черные и светские
И сапоги.
И видя беспорядок, бойко
Над ними закричала сойка.
Он был босой, он был оборван,
Когда блестел на ветках иней,
Его глаза по-волчьи зеленели,
Ему кричали дети «вор, вон!»,
А ей в письме писали
«Милой Бэле»
И называли неприступною богиней.
В нее все влюблялись,
Из-за нее стрелялись.
А он, осенних дач скиталец,
Уж он один ревнивей Святополка.
И жести голубой глаза жестоки,
А на кусте лоскут трепещет шелка,
Наверное, востока.

<1920>. 1921

* * *

[Батог рыбачий
В синем небе]
«Се́ла — па́ла»
Поют земле и жизни судьбы.
А там мерцает
Широкой ржи людей холодной иржище,
И дремлют голубцы.
Тишь... здесь боятся худого глаза!
На жалобный стол
Собралися тени.
На се́мины и е́мины
Уходят поколенья,
И на току развеяно зерно.
Где вы, отцов оси́лки,
Метавшие желанья жернова?
Гук — Пук!
Цепов удары рока.
О, сви́рен — мертвых душ кладбище!
Где ваши игры и жарты?
Когда двадцатовке
Или семнадцатовке чепуре
Шепталось в полутемках: «ты?»
И рук просили
Рубахи-разини.

Какая ночь,
Какая стыдь!
Наружу выдь,

И сельский пах
Сменяет звездный,
И землепах
Немеет грезный...
И снега шу́ма
По небу скачет,
По небу пляшет,
И льется дума, и льется дума
На эту площадь.
Звездные наро́ты,
Звездная пру́тня
Дух стерегут.
А в хате уютно.
Живые очи — это божницы ресницы,
Это красный кут.
Жаровни звездной щели,
Мерцающие нити —
Таинственные цели
Людских событий.
И человек миркует,
И человек раится,
Чуть-чуть тоскует,
Чуть-чуть таится.
Ждать ли ему теплой копейки,
Набежавшей ру́чою весенней,
Или повесить<ся?>

Одеться-обуться.
На цапях тучи висели
Ежа и одежа.
На до́но.

<1920>

НОЧНОЙ БАЛ

Девы подковою топали
О́ поле, о́ поле, о́ поле!
Тяжкие билися тополи.
Звездный насыпан курган.
Ночь — это глаз у цыган!
Колымага темноты,
Звучно стукали коты!
Ниже тучи опахала
Бал у хаты колыхала,
Тешась в тучах, тишина.
И сохою не пахала
Поля молодца рука.
Но над вышитой сорочкой
Снова выросли окопы,
Через мглу короткой ночки
Глаз надвинулись потопы.
Это — бревна, не перина,
Это — кудри, не овчина...
Кто-то нежный и звериный.
— Ты дичишься? что причина?
Аль не я рукой одною
Удержу на пашне тройку?
Аль не я спалил весною
Так, со зла, шабра постройку?
Чтобы ветра серебро
Покрывало милой плечи,
Кто всадил нож под ребро
Во глухом лесу, далече?

Кровью теплой замарал
Свои руки, деньги шаря.
Он спросонок заорал
С диким ужасом на харе.
И теперь красоткой первой
Ты проходишь меж парней.
Я один горюю стервой
На задворках, на гумне.
Каркнет ворон на юру.
Всё за то, пока в бору
Роса пала над покойником,
Я стоял лесным разбойником.
Всё задаром! Даром голос вьется скобкой,
Даром в поле зеленя,
Точно спичка о коробку,
Не зажжешься о меня.
Смотришь тихо и лениво,
Тихо смотришь на кистень.
Где же искра? Знать, огниво
Недовольно на кремень.

<1920>. 1922

* * *

Воет судьба улюлю!
Это слез милосердия дождь.
Это сто непреклонных Малют,
А за ними возвышенный вождь.
Пали оленем высочества,
Выросли красные дочиста,
Множеством усиков вылезли.
Собаки вчерашнего выли зло,
Черные псы пробегали дорогой.
Носится взы, ветер тревоги.
Тело «вчера» кушали раки.
Это сразились «вперед» и «назад».
А песни летели железо лизать.
И стяг руки усталой выпал зла
И первая гадюка выползла
На позолоченный пригорок.

1920, 1921

* * *

Мощные, свежие донага!
Прочь из столетия онаго!
Куда, точно зуб Плеве взрывом Созонова
Или Каляева, не знаю, не помню,
Вонзилось занозой все человечество.
В черные доски зеркального хлева,
Точно желтым зубом Плеве,
Щепкою белой нечисти
Въелося в дерево времени все человечество.
Выстрелом порван чугунным
Воин верный знати,
Он на прощание плюнул
В лица живым
Зубом своим.
Захохотал! Нате!
Пора, уж пора!
Прочь от былого!
Приходит пора
Солнцелова!
Идемте, идемте в веков камнеломню!
Срывать незабудки грядущих столетий.
Мы небопёки — зачем же половы?
Не надо гнилого, не надо соломы.
Желтые прочь старые зубы.
Мы ведь пшеницы грядущего сеятели.
Мы голубые проводим окопы.
(Но бьют, точно плети,
Зубы умершего деятеля.)

Эй! Настежь сердец камнеломни!
Мы времякопы, время — наша удаль!
А не холопы сгнивших веков,
А не носители затхлых оков.
Мы нищи и кротки, вдохновений Продуголь,
На рынках торгуем незабудками
И сумасшедших напевов нашими дудками,
И по всем векам, под всеми курганами,
Бродим слепыми цыганами,
Палкой стучать, слепые глаза подымая
К гневному небу Мамая!

1920, 1921–1922

ПРОДУМА ПУТЕСТАНА

Огневицы окон
Дворца для толп.
Серый пол,
Четыре точки.
Труба самоголоса,
Столы речилища,
За круглым решетом железа
Песнекрики, тенекрылья у плеч,
Алошар игрополя,
Снегополя пляски теней,
Тенебуда у входа,
Руку для теней
Протянувшая к тенеполю.
Книгощетки снегополя,
Железный самоголос
Кует речеложи отмеренную ярость.
Око путестана
Высоким снегополем
Светит вдали.

<1920>, 1921

* * *

Чавкая сладости, слушали люди
Речи безумца.
Снежные белые груди,
Лысина думца.

1920

* * *

И вечер темец,
И тополь земец,
И моречи,
И ты далече!

<1920>

МОРЕ

Бьются синие которы
И зеленые ямуры.
Эй, на палубу, поморы,
Эй, на палубу, музуры,
Голубые удальцы!
Ветер баловень — а-ха́-ха! —
Дал пощечину с размаха,
Судно село кукорачь,
Скинув парус, мчится вскачь.
Волны скачут лата-тах!
Волны скачут а-ца-ца!
Точно дочери отца.
За морцом летит морцо.
Море бешеное взыы!
Море, море, но-но-но!
Эти пади, эти кручи
И зеленая крутель.
Темный волн кумоворот,
В тучах облако и мра
Белым баловнем плывут.
Моря катится охава,
А на небе виснет зга.
Эта дзыга синей хляби,
Кубари веселых волн,
Море вертится юлой,
Море грезит и моргует
И могилами торгует.
Наше оханное судно

Полететь по морю будно.
Дико гонятся две влаги
Обе в пене и белаге,
И волною кокова
Сбита, лебедя глава.
Море плачет, море вакает,
Черным молния варакает.
Что же, скоро стихнет вза
Наша дикая гроза?
Скоро выглянет ваража
И исчезнет ветер вражий?
Дырой диль сияет в небе,
Буря шутит и шиганит,
Небо тучи великанит.
Эй, на палубу, поморы,
Эй, на палубу, музуры,
Ветер славить, молодцы!
Ветра с морем нелады
Доведут нас до беды.
Судно бьется, судну ва-ва!
Ветер бьется в самый корог,
Остов бьется и трещит.
Будь он проклят, ветер-ворог,
От тебя молитва щит.
Ветер лапою ошкуя
Снова бросится, тоскуя,
Грозно вырастет волна,
Возрастая в гневе старом,
И опять волны ударом
Вся ладья потрясена.
Завтра море будет отеть,
Солнце небо позолотит.
Буря — киш, буря — кши!
Почернел суровый юг,
Занялась ночная темень.
Это нам пришел каюк,
Это нам приходит неман.
Судну ва-ва, море бяка,
Море сделало бо-бо.

Волны, синие борзые,
Скачут возле господина,
Заяц тучи на руке.
И волнисто-белой грудью
Грозят люду и безлюдью,
Полны злости, полны скуки.
В небе черном серый кукиш,
Небо тучам кажет шиш.
Эй ты, палуба лихая,
Что задумалась, молчишь?
Ветер лапою медвежей
Нас голубит, гладит, нежит.
Будет небо голубо,
А пока же нам бо-бо.
Буря носится волчком,
По-морскому бога хая.
А пока же, охохонюшки,
Ветру молимся тихонечко.

1920, 1921

* * *

Восток, он встал с глазами Маяковского,
С когтями песен на боку.
А я опять торчу, как ось Минковского,
На сходе народов в Баку.
Гонец детей — их нет, но будут, —
Чтоб клюнуть молотом по чуду,
Я есмь! Я был! Я буду!

1 сентября 1920

5*

* * *

Видите, персы, вот я иду
По Синвату к вам.
Мост ветров подо мной.
Я Гушедар-мах,
Я Гушедар-мах, пророк
Века сего и несу в руке
Фрашоке́рети (мир будущего).
Ныне, если целуются девушка и юноша, —
Это Матия и Матиян, первые вставшие
Из каменных гробов прошлого.
Я Вогу Мано — благая мысль.
Я Аша Ва́гиста — лучшая справедливость.
Я Кшатра Вайрия — обетованное царство.
Клянемся волосами Гурриэт эль Айн,
Клянемся золотыми устами Заратустры —
Персия будет советской страной.
Так говорит пророк!

1920

* * *

Ваши глаза — пустые больничные стены.
И пламя глаз огненных,
Как Востока народы в Баку.
Какая рана в нее вогнана? —
Мадонну на веревке тянут к кабаку.

1920

* * *

Тейлоризация правительств,
И горца Habeas corpus,
За поясом в оправе,
Учитель равенства — кинжал.

1920

* * *

Шахсейн — вахсейн! — и мусульмане
Ударом кулака поют
На книгах загорелых грудей,
И версты черных глаз,
И черный шелк кудрей младенца —
Как много ночей юга!
Железа стук цепей...

1920

* * *

Цыгане звезд
Раскинули свой стан.
Где круглых башен стадо?
Они упали в Дагестан.
И принял горный Дагестан
Железно-белых башен табор.
А завтра чуть утро умчатся
Шатры их белых башен.

<1920>, 1921

* * *

Россия, хворая, капли донские пила
Устало в бреду.
Холод цыганский...
А я зачем-то бреду
Канта учить
По-табасарански.
Мукденом и Калкою,
Точно больными глазами,
Алкаю, алкаю.
Смотрю и бреду
По горам горя,
Стукаю палкою.

1920

* * *

Ручей с холодною водой,
Где я скакал, как бешеный мулла,
    Где хорошо.
Чека за 40 верст меня позвала на допрос.
Ослы попадались навстречу.
Всадник к себе завернул.
Мы проскакали верст пять.
«Кушай». — Всадник чурек отломил золотистый,
Мокрый сыр и кисть голубую вина протянул на ходу,
Гнездо голубых змеиных яиц,
Только матери нет.
Скачем опять, на ходу
Кушая неба дары.
Кони трутся боками, ремнями седла.
Улыбка белеет в губах моего товарища.
«Кушай, товарищ», — опять на ходу протянулась рука
                                        с кистью глаз моря.
Так мы скакали вдвоем на допрос у подножия гор.
И буйволов сухое молоко хрустело в моем рту,
А после чистое вино в мешочках и золотистая мука.
А рядом лес густой, где древний ствол
Был с головы до ног окутан хмурым хмелем,
Чтоб лишь кабан прошиб его, несясь как пуля.
Чернели пятна от костров, зола белела, кости.
И стадо в тысячи овец порою, как потоп,
Руководимо пастухом, бежало нам навстречу
Черными волнами моря живого.
Вдруг смерклось.

Темное ущелье. Река темнела рядом,
По тысяче камней катила голубое кружево.
И стало вдруг темно, и сетью редких капель,
Чехлом холодных капель
Покрылись сразу мы. То грозное ущелье
Вдруг стало каменною книгой читателя другого,
Открытое для глаз другого мира.
Аул рассыпан был, казались сакли
Буквами нам непонятной речи.
Там камень красный подымался в небо
На полверсты прямою высотой, кем-то читаемой доныне.
Но я чтеца на небе не заметил.
Хотя, казалось, был он где-то около,
Быть может, он чалмой дождя завернут был.
Служебным долгом внизу река шумела,
И оттеняли высоту деревья-одиночки.
А каменные ведомости последней тьмы тем лет
Красны, не скомканы стояли.
То торга крик? Иль описание любви и нежной и туманной?
Как пальцы рук, над каменной газетой белели облака.
К какому множеству столетий
Окаменелых новостей висели правильно строки?
Через день Чека допрос окончила ненужный,
И я уехал.
Овраги, где я лазил, мешки русла пустого, где прятались святилища растений,
И груша старая в саду, на ней цветок богов — омела раскинула свой город,
Могучее дерево мучая древней кров<ью> другой, цветами краснея, —
Прощайте все.
Прощайте, вечера, когда ночные боги, седые пастухи, в деревни золотые вели свои стада.
Бежали буйволы и запах молока вздымался деревом на небо
И к тучам шел.
Прощайте, черно-синие глаза у буйволиц за черною решеткою ресниц,
Откуда лились лучи материнства и на теленка и на людей.

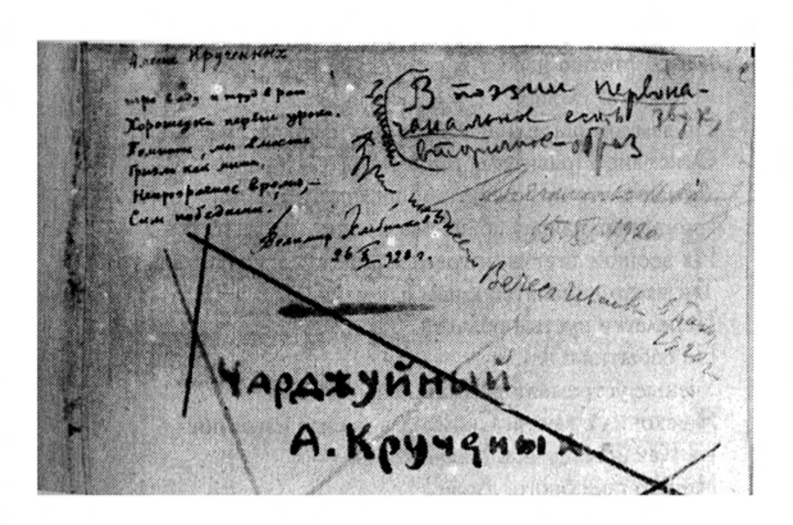
Прощай, ночная темнота,
Когда и темь и буйволы
Одной чернели тучей,
И каждый вечер натыкался я рукой
На их рога крутые,
Кувшин на голове
Печальнооких жен
С медлительной походкой.

<1920>. 1921

АЛЕШЕ КРУЧЕНЫХ

Игра в аду и труд в раю —
Хорошеуки первые уроки.
Помнишь, мы вместе
Грызли, как мыши,
Непрозрачное время?
Сим победиши!

26 октября 1920

Страница из бакинского альбома А.Крученых. 1920.

* * *

На нем был котелок вселенной
И лихо был положен,
А звезды — это пыль!
Не каждый день гуляла щетка,
Расчесывая пыль.
Враг пыльного созвездия
И, верно, в ссоре с нею он,
Салага, по-морскому, — веселый мальчуган,
В дверную ручку сунул
«Таймс» с той звезды
Веселой, которой
Ярость ядер
Сломала полруки
(Беловолосая богиня с отломанной рукой),
Когда железо билось в старинные чертоги,
А волны, точно рыбы
В чугунном кипятке,
Вдоль печи морской битвы
Скакали без ума.
Беру... Читаю известия с соседней звезды:
«Новость! Зазор!
На земном шаре, нашем добром и милом знакомом,
Основано Правительство Земного Шара.
Думают, что это очередной выход будетлян,
Громадных паяцев солнечного мира.
Их звонкие шутки, и треск в пузыри, и вольные остроты
Так часто доносятся к нам с земли,
Перелетев пустые области.
На события с земли
Ученые устремили внимательные стекла».
Я вскочил с места. Скомкал в досаде известия:
— Какая выдумка! Какая ложь!
Ничего подобного. Ложь!

<1920>, 1922

<КАРАКУРТ>

От зари и дó ночи
Вяжет Врангель онучи,
Он готовится в поход
Защищать царев доход.
Чтоб, как ранее, жирели
Купцов шеи без стыда,
А купчих без ожерелий
Не видали б никогда.
Чтоб жилось бы им как прежде,
Так, чтоб ни в одном глазу,
Сам Господь, высок в надежде,
Осушал бы им слезу.
Чтоб от жен и до наложницы
Их носил рысак,
Сам Господь, напялив ножницы,
Прибыль стриг бумаг.
Есть волшебная овца,
Каждый год дает руно.
«Без содействия Творца
Быть купцами не дано».
Речь доносится баронья:
«Я спаситель тех, кто барин».
Только каркает воронья
Стая: «Будешь ты зажарен!»
Тратьте рати, рать за ратью,
Как морской песок.
Сбросят в море вашу братью:
Советстяг — высок!

1920, <1921>

* * *

От Каира до Калькутты
Шаги белого Аллы,
На ногах качались путы,
По дороге, где ослы.
Долго белым был Алла,
И на нем сидел Энглиз.
Он, откуда ни возьмись,
Прыг на шею без седла.
Ловко правя ишаком,
Он катается легко.
Что же шепчут нынче беки?
Пожар бога! Алла ал!
(Тот, кто раньше был, как еж
. . . .
Как на муле, на мулле
Он при белом был Алле.)
Вот какие здесь дела:
Раньше белым был Алла,
А теперь, как знамя, ал!
Свою ношу нес мулла
И тихохонько вздыхал,
Но Алла лишь заалел —
Он Энглиза одолел.
Точно бомба из Бомбея
Он врывается в Баку —
И грустит в объятьях бея
Англичанка на боку.
Дерзкий в лужу бритт упал,
Лишь Алла стал ал.
Не взойди совет-звезда,
Долго длилась бы езда.

1920

Б

От Баку и до Бомбея,
За Бизант и за Багдад
Мирза Бабом в Энвер-бея
Бьет торжественный набат.
«Ныне» Бакунина
Ныне в Баку.

1920

ГОД

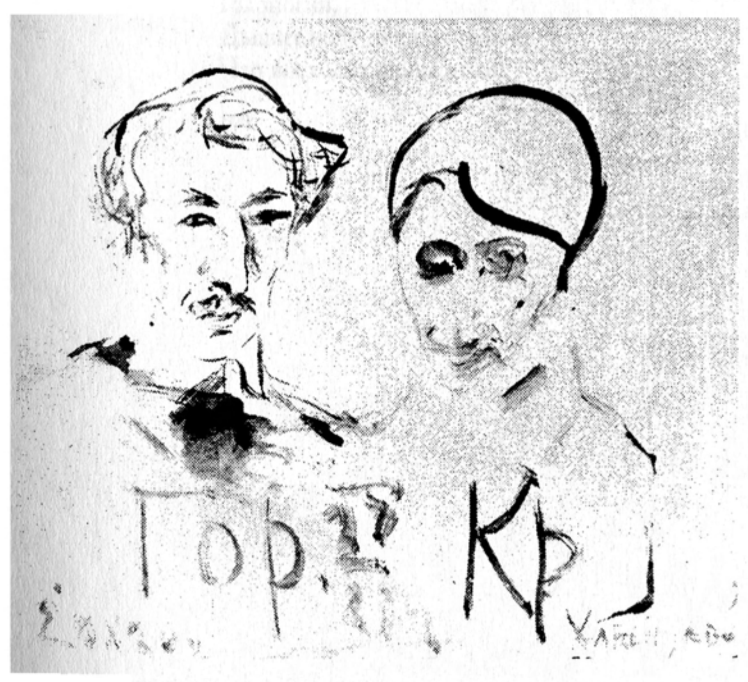
Хахали хаты — тополи
Падали тенями о поле,
Пляской ручейною топали
Ветреных парней орава.
Баку! Бакунина Нины уход!
Воет и режет стекло пароход.
Сегодня я
Длинной черной соломиной пороховой,
Соломы той,
Которой пушек голод топят,
Курю из трубки моряка <...>
Мой пороховой чубук,
Ты тлеешь тихо медленной зарей
В губах писателя,
И колос выстрела пускает дыма пузыри,
Горит на письменном столе
Застенчивей окурка.
А ведь я сыграл бы в ящик,
Будь ты дым горла пушки.
Лес вышек дымною хвоей,
Железных сосен бор, башен мир,
Одетый в хвои сажей.
Москва
Украина
Баку
Персия

1920

* * *

Кто-то дикий, кто-то шалый.
Время в осень задышало.
Эти серые коробки,
За решеткою глаза.
Вопль дикий и не робкий,
Что последняя гроза.
И его-то кистью детской
Чертит ворог Городецкий.
Тра-та-та-та!
Грохот вешанья кота!

25 декабря 1920
10-летний «праздник лжи»

С.М.Городецкий и А.Е.Крученых. Баку, 1920.
Рисунок В.В.Хлебникова.

* * *

Разрушающий порядки,
Где б ты не был
— Искалеченное небо,
И сверкают разом пятки.

1920

* * *

Замороженный Озирис
Зыбой мертвою уснул.
Голой воблой голос вырос,
В глухом городе блеснул!
Голошанный,
Голоумный,
Голоногий,
Дышит небу диким стадом,
Что восходит звука атом!

1920

П, Т — Б, Д

В поле тихо бегал день.
Поршень душит домового.
Потроха тянулись бледно.
Дрыхнул бочкой дых балдач.

<1920>

* * *

У колодезя молодезь,
Опрокинувши ведро,
Лил воды речной холодезь
На суровое бедро.
Позабыл родную ёнку,
Обманул, знать, сват,
И доверчиво теленку
Говорит: мой брат.

<1920>

* * *

...И рвался воздух
Из легких самолета
С жестоким похоронным пением.
Снасти исчезли.
И рок за живым охотится
Суровым привидением.
Улыбки облаков
Ищу затылком
И ставлю крест
С высоты трех верст.
И на земь пал,
У глаза мертвая петля...
И падал долу,
Как во сне,
Без крика,
Туда, где степи.
Бал смерти
Прочитал я
На белых облаках,
А ворон крикнул:
Дай твой останок!..

1920

* * *

Мака алого настой
Этот звуков спотыкач.
Тонкий розлит углерод —
Этот плачущий скрипач.

<1920>

* * *

Слава пьянице, слава мозгу,
Который однажды после смерти
Напился до основания, а затем
Был подан как учебный помощник,
Учитель истины веселой радости
На большом столе,
Как странный желтый цветок,
Гриб, дышащий вином.
Его в руке держали девушки,
И ноздри у них дрожали, а брови подымались,
И ноздри живых впивали запах крепкой водки,
И пьянели мозгом мертвецкой мозги живых.
Зимние цветы с того света, из тысячи извилин
Излучавших душистое вино.

<1920>. 1921

* * *

Словес сломивший скорлупу
Птенец людей взлетел на воздух
И чисел улиц<ы> толпу
Он увидал на дальних звездах.
Пространство на ко<ст>ре костей,
На руки раскаленные его
Бросали матери детей,
Умилостивляя Божество.

<1920>

* * *

Я — вестник времени, пою
Его расколы и утесы.
Всё было пением в раю,
Когда я, пьян собою, несся.

1921

* * *

И если сторонитесь вы песка,
В черепе суток в русле ресниц
Это случайная выписка —
Просьба устами усталых коснуться.
Шаг и за шагом в уме шаг
По руслам покорных событий.
Это молитва о первых умерших,
О разбитом в осколки обете!

7 января 1921

* * *

С верхарни
Летела биель,
Тиес жарко-синие речи,
Лиоты вечерних виес.
За мровью дождя
Закутана вечера мысль, чтоб не прочесть.
Незак глубины
Скользил, как шалунья, устами ущелья.
Угрюмады все в белом.

1921

* * *

Пришла и устала ночная лиель,
И пепел цветущего ока
Раздвинут кочергой ревности.
Всё бело, как тоска о зиме.
И только зеленый плащ пророка
Я подымаю с колен.

1921

САМОСТРЕЛ ЛЮБВИ

Хотите ли вы
Стать для меня род тетивы?
Из ваших кос крученых
На лук ресниц, в концах печеный,
Меня стрелою нате,
И я умчусь грозы пернатей!

25 января 1921

* * *

Хохол песка летит с кургана
Над важною орлицей.
Это спесиво смотрит верблюд,
Оцелован жемчугом синим узды.
Черные очи у птицы для гнева,
Чьи русые косы дикарки
На смуглом заката плече.
Птицезвериные очи
Замыты песчаною холкой,
И рядом свиные очи панны.

1921

* * *

Я видел хохоты зеркал,
Я слышу крик земного шара.
Веселитесь, еще наш город
Не одел шляпы песков
И на нем не шумят
Ветками высокие
Задумчивые сосны.
Когда будете землей
И колос качнется над вами,
Будут веселиться другие.
Ноги ваши еще работают!
Руки еще косят!
Торопитесь!
Вы еще не плаваете
В песчаном кургане
Над городом,
Как бесконечные зерна белого моря.

<1921>

* * *

Утраты, утраты, утраты...
До у́тра, до у́тра, всю ночь.
День темен и томит,
А ночь ярка своим пожаром.
И я — ресниц твоих наймит,
Я обнимал созвездье даром,
Я пролетал ветров ударом.

<1921>

6*

* * *

Тайной вечери глаз
Знает много Нева.
Здесь Спасителей кровь
Причастилась вчера
С телом севера в черном булыжнике.
На ней пеплом любовь
И рабочих и умного книжника.

Тайной вечери глаз
Знает много Нева
У чугунных коней,
У суровых камней
Дворца Строганова.

Из засохших морей
Берега у реки.
И к могилам царей
Ведут нить пауки.
Лишь зажжется трояк
На вечерних мостах,
Льется красным струя.
Поцелуй на устах.

16 февраля 1921. 1922

* * *

Как стадо овец мирно дремлет,
Так мирно дремлют в коробке
Боги былые огня — спички, божественным горды огнем.
Капля сухая желтой головки на ветке,
Это же праотцев ужас —
Дикий пламени бог, скорбный очами,
В буре красных волос.
Молния пала на хату отцов с соломенной крышей.
Дуб раскололся, дымится.
Жены и дети, и старцы, невесты черноволосые —
Их развевалися волосы, —
Все убегают в леса, крича, оборачиваясь,
рукой подымая до неба,
На острые зубы зверя лесного, гадов шипящих укус,
Как обед для летучего гнуса.
Дико пещеры пылают:
Золото здесь, зелень и синь горят языками.
Багровый, с зеленью злою
Взбешенных глаз в красных ресницах,
Бог пламени, жениной палкой побитый,
Машет дубиной корявой, гнев на селе срывает.
Соседи бросились грабить село из пещер.
Копья и нож, крики войны!
Клич «С нами бог!»
И каждый ворует у бога
Дубину и длинные красные волосы.
«Бог не с нами!» — плачут в лесу
Деревни пылавшей жильцы.
Как волк, дико выл прадед,

Видя, как пеплом
Становится хижина.
Только угли горят и шипят.
Ничего уже больше, горка золы.
Смотрят глазами волков
Из тьмы. Плачь, жена!
Нет уже хижины милой
Со шкурами, удочками, копьями
И мясом оленей, прекрасным на вкус.
В горы бежит он проворно, спасаясь.

А сыны «Мы с нами!»
Запели, воинственные,
И сделали спички,
Как будто и глупые —
И будто божественные,
Молнию так покорив,
Заперев в узком пространстве.
«Мы с нами!» — запели сурово они,
Точно перед смертью, —
«Ведайте, знайте, мы с нами!»
Сделали спички —
Стадо ручное богов,
Огня божество победив.
Это победа великая и грозная.
К печке, к работе
Молнию с неба свели.
Небо грозовое, полное туч, —
Первая коробка для спичек,
Грозных для мира.
Овцы огня в руне золотом
Мирно лежат в коробке.
А раньше пещерным львом
Рвали и грызли людей,
Гривой трясли золотой.

А я же, алчный к победам,
Буду делать сурово
Спички судьбы,

Безопасные спички судьбы!
Буду судьбу зажигать,
Разум в судьбу обмакнув.
— Мы с нами, спички судьбы,
Спички из рока, спички судьбы.
Кто мне товарищ?
Буду судьбу зажигать,
Сколько мне надо
Для жизни и смерти.
Первая коробка
Спичек судьбы —
Вот она! Вот она!

1921

* * *

Я велик. Лишь я поставлю «да»-единицу
В рассудке моем, —
Будет великого Рима пожар.
Ветер завоет в священных латинских дворцах.
Строчку Гомера прочтут полководцы
На крыше дворца, видя пожар,
Улыбаясь утонченно.
«Нет»-единицу поставлю, —
Будет гореть Византия.
Знакомые боги
Приветливо заржут
Из конюшни числа
И подымут вещие лица.
Кони-друзья! Простите, что часто
О наковальню ушей
Именем вашим стучу.
Точно дым,
Проклятья народов
На жестокость судьбы
Потекут с уравнений.
Сами они виноваты,
Что неука рока
Не взяли в науку,
Его обуздать.

1921

1789 ГОД

Точно колосья народного гнева,
Как убитых оленей рога,
14 июля мужья с копьями и пищалями,
Сорок тысяч — целые горы выковано их кузней восстания,
Брали Бастилию, —
Воевали много раз и умеют, —
Темную башню для сов, место для казни,
застенок песен и пыток,
Где «Божия Матерь Застенка»
в гостя впивалась шелком чугунных волос,
Светом дня пытки его озаряла, сжигая,
А белые черепа башен были цветами,
А кольца цепей роняли крови алые цветы,
И были ковры из белых черепов и красные звенели цепи.
Через 3^4 и два дня
— 5 октября жёны на рынке,
Хлеба на нем не найдя, чтобы заполнить корзины,
Пошли к королю.
Взяли Версаль, место для игор любви
и цветов и соловьиного пения,
Нежно изысканных радостей рощи,
Где деревья бреют себя, свои щетки, как щеголь,
Ножницы знают, а цветы росли так,
Чтобы написать имя короля.
Это обратное дело.
А через 3^5 — [15 марта 1896 года].
Поворот от тюрьмы к семье, от тюремщика к часовщику.
Одна и та же звезда: 3^5.

1921

* * *

Жиронды враг,
Жорж-Жак Дантон.
Три Жэ. Два Эн.
Безумец.
Современник Пугачева, тучный и опухший,
Весь в перстнях из причесанных волос.
Широкой груди мякоть
Он из рубашки показал,
Чтобы умели люди плакать
И царедворец задрожал.
С бровями яростной падучей,
Гроба плотник — ложится в него,
С устами клеветы,
Клевал ты —
Душа заряда в низложении царя, —
Когда могилу рыли для другого
И падали в нее.

1921

* * *

Рим, неси на челе, зверь священный,
Родимое пятно многих отцов числами узора —
Свое 666.
Ты извлек из длинной жизни,
Долгого чета дней
Корень площади
И царственно подал лапой
Человечеству
Число 666. Зверь непостижимый.
А три да три в степени три да три —
Шесть в степени шесть —
Делит паденья царей в России и Франции,
Изнеженных царей упадка.
Так, озаренный величием рока
И величья своего двукратным заревом
Святого падения, пылая смолою нравов,
Рим извлекал корень площади
Из своего бытия.

25 марта 1921 года

* * *

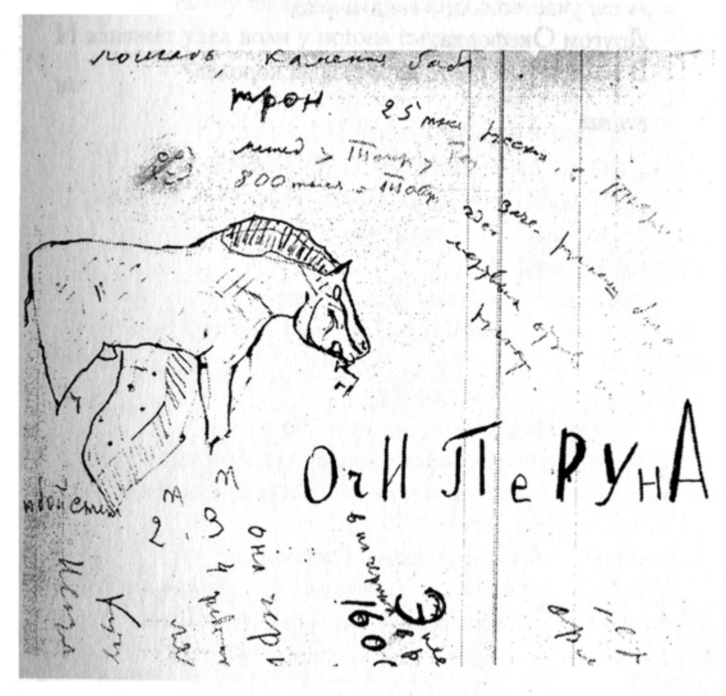
Слова пороли королей,
Былого мир — детей плевательница,
Над ней безглавый Водолей,
А голова — толпы приятельница.

<1921>

* * *

«Очи Перуна»
Я продырявил в рогоже столетий.
Вылез. Увидел. Звезды кругом.
Правительства все побежали бегом
С хурдою-мурдою в руках.

1921, 1922

Страница бакинской тетради. 1921.

* * *

Исчезающие! взгляните на себя!
Лорды! вы любите, кончив Оксфорд,
Охоту на дочеловечьих леса царей.
Приходите в чащу, как каменный гость
И, когда лев кровью харкает,
Вы бросаетесь толпой — скорей и скорей! —
Смотреть, как умирает лев.
А вы участвовали в Гайд-парке,
Другом Оксфорда,
В волнующей охоте на молодых королев?

1921, 1922

* * *

Этот строгий угол гру́ди в замке синего сукна
Был загаром зноя смугол, — это помнила она.

Вспомни пристань, белый город, рядом дремлющие тополи.
На скамейке вы сидели. — Что ж, — спросил ты, — мы
потопали?

И вода на смену зноя в кольца струй оденет тело
И завяжет узел волн у истока смуглых ног.

1921

* * *

Юноша,
Тебя родила дочь России
И дочь священника с смиренными глазами,
Любившая цыгана.
Ты на <берегу> морском сидел
И палкою чертил узор
В песке морском,
Порой бросаясь с диким криком
И посохом подъятым
На черные стада довольных змей...
Но день пробил —
2^{13} и 13^{2} вместе, а это будет 8361,
Свой общий вес кидая на чашу времени
Счет равенства, число и тень его в обратном течении.
На чашку дня рождения упав, он пробил,
День урочный,
Подобный богу, отраженному в реке,
Когда с бессмертным юношей сидят вдвоем его речной
двойник,
Где дева в тринадцатый сан
И тринадцать в второй сан возведены.
И ты — моряк замыслов свободу вернуть морям —
Ты повернул суда, на остров власти белые ссадил,
Вернул их семьям и перинам.
И, обманув лучистые глаза двух башен,
И молоко чугунных гор, для жажды сотен паровозов,
Из вымени холмов дымной коровы Биби эйбата
Птенцам изголодавшихся железных дрог
Ты в Красноводск привез,

И море красное сложил к подножью Красноводска,
Кровью не запятнав,
В клюве ласкового заговора.
Так баба-птица носит рыбу.
Другие в этот день великий
Творят обряды звезд, любовные обряды
С своей земной невестой.
Тебе же подвиг дан, и небесная невеста
Явилася с глазами Девушки Морской.
И лебеди с широким красным клювом
<Вослед за> красным журавлем,
Полетом управлявшим, встречая солнце,
Как будто алым знаменем махали, — казалось победителю.

1921

МОРЯК И ПОЕЦ

Как хижина твоя бела!
С тобой я подружился!
Рука морей нас подняла
На высоту, чтоб разум закружился.
Иной открыт пред нами выдел.
И, пьяный тем, что я увидел,
Я господу ночей готов сказать:
«Братишка»,
И Млечный Путь
Погладить по головке.
Былое — как прочитанная книжка,
И в море мне шумит братва,
Шумит морскими голосами,
И в небесах блестит братва,
Детей лукавыми глазами.
Скажи, ужели святотатство
Сомкнуть, что есть, в земное братство?
И, открывая умные объятья,
Воскликнуть: звезды — братья! горы — братья! боги — братья!
Сапожники! Гордо сияющий
Весь Млечный Путь —
Обуви дерзкой дратва.
Люди и звезды — братва!
Люди! дальше окоп
К силе небесной проложим.
Старые горести, стоп!
Мы быть крылатыми можем.
Я, человечество, мне научу
Ближние солнца честь отдавать!

Ась, два, — рявкая солнцам сурово, —
Солнце! дай ножку!
Солнце! дай ножку.
И чокаясь с созвездьем Девы,
И полночи глубокой завсегдатай,
У шума вод беру напевы,
Напевы слова и раскаты.
Года прошедшие, где вы?
В земле нечитаемых книг!
И пело созвездие Девы —
Будь воин как раньше велик!
Мы слышим в шуме дальних весел,
Что ужас радостен и весел,
Что он у серой жизни вычет
И с детской радостью граничит.
    Загар лица как ветер смугол,
    Синел морской рубашки угол.
    Откуда вы, моряк?
Где моря широкий уступ
В широкую бездну провалится,
Как будто казнен Лизогуб
И где-то невеста печалится.
И годы носятся вдали
Уж покорены небесами.
Так головы казненные Али
Шептали мертвыми устами,
Ему, любимцу и пророку,
Слова упорные «ты Бог»
И медленно скользили по мечу
И умирали в пыли ног,
Как тихой смерти вечеря,
Когда рыдать и грезить нечего.

1921

* * *

Где море бьется диким неуком,
Ломая разума дела,
Ему рыдать и грезить не о ком,
Оно, чужие удила
Соленой пеной покрывая,
Грызет узду людей езды,
Ломает умные труды.
Так девушка времен Мамая,
Свои глаза большой воды
С укором к небу подымая,
Вдруг спросит нараспев отца,
Зачем изволит гневаться?
Ужель она тому причина,
Что меч жестокий в ножны су́ет,
А гневная морщина
Его лицо сурово полосует?
Лик пересекши пополам,
Согнав улыбку точно хлам.
Пусть голос прочь бежит, хоть нет у гласа ног,
Но разум — громкой ссоры пасынок.
И не виновна русская красавица,
Когда татарину понравится,
Когда с отвагой боевой
Звенит об месяц тетивой.
«Ты знаешь, как силен татарин,
Могучий вырванным копьем!
Во ржи мы спрятались, а после прибежали,
Сокрыты спеющим жнивьем.

И темно-синие цветы
Шептали нам то «вы», то «ты».
И смотрит точно Богородица,
Как написал ее пустынник,
Когда свеча над воском тает
И одуванчик зацветает
В ее глазах нездешне синих.
И гнев сурового растает,
И морщины глубокие расходятся,
И вновь морские облака
Дорогой служат голубка.
И девушкой татарского полона
Смотрело море во время óно.

1921, 1922

* * *

Идут священные рассказы
О том, что было и что будет.
Здесь были все: башкир чумазый
И темные востока люди.
Как стерегла судьба сурово
Пути удалого ловца,
А он, о ней не беспокоясь,
Стоял, пищаль свою за пояс
С беспечной удалью засунув,
Среди таинственных бурунов,
И в самом вызове степенный,
Стоял, венком покрытый пены.
А на корме широкой палубы
Лишь ветер пел ночные жалобы.
А люди, те знали их...

31 марта 1921

* * *

Внимательно читаю весенние мысли бога
на узоре пестрых ног жабы.
Гомера дрожание после великой войны,
точно стакан задрожал от телеги.
<Уота Уитмана> неандертальский череп с вогнутым лбом.
И говорю: всё это было! всё это меньше меня!

<1921>

* * *

Э-э! ы-ым, — весь в поту
Понукает вола серорогого,
И ныряет соха выдрой в топкое логово.
Весенний кисель жевали и ели зубы сохи деревянные.
Бык гордился дородною складкой на шее
И могучим холмом на шее могучей,
Чтобы пленять им коров.
И рога перенял у юного месяца,
Когда тот блестит над темным вечерним холмом.
Другой отдыхал,
Черно-синий, с холмом на шее, с горбом,
Стоял он, вор черно-синей тени от дерева, с нею сливаясь.
Жабы усердно молились, работая в белые пузыри,
Точно трубачи в рога,
Надув ушей перепонки, выдув белые шары.
Толстый священник сидел впереди,
Глаза золотые навыкате,
И книгу погоды читал.
Черепахи вытягивали шеи, точно удивленные,
Точно чем-то в этом мире изумленные, протянутые к тайне.
Весенних запахов и ветров пулемет
В нахмуренные лбы и ноздри
Стучал проворно ту-ту-ту,
Ноздри пленяя пулями красоты обоняния.
Цветы вели бои, воздушные бои пыльцой,
Сражались пальбою пушечных запахов,
Билися битвами запахов,
Кто медовее — будет тот победитель.

И давали уроки другой войны
И запахов весенний пулемет,
И вечер, точно первосвященник зари.
Битвами запаха бились цветы,
Летели душистые пули.
И было согласное и могучее пение жаб
В честь ясной погоды.
Люди, учитесь новой войне,
Где выстрелы сладкого воздуха,
Окопы из брачных цветов,
Медового неба стрельба, боевые приказы.
И вздымались молитвенниками,
Богослужебными книгами пузыри
У квакавших громко лягушек,
Как всегда вечерами кричавших,
Набожных тихой погоде.

1921

* * *

Где запахом поют небесные вонилья,
В вонесах диких трав,
Летурная негура,
Лилица синих птиц,
В плену узорных зорь,
Где кровь и синь и кров и снег.
Божественная ляпа
Царапает крылом
Утес широкий неба,
Ка ветра, Эль зари,
Вэ синих глаз, виель крыла
В лиелях белого цветога —
И зорианно умирает.
А негистель нежурно смотрит
На парус солнцеока голубого.
Ляпун с виелью синеглазой
На небо удаляется.
Лизунья синих медов,
Ляпунья ляпает божественным крылом,
Слепой красавицы глазами
И, близоруко-голубая,
В узоре синих точек
Божественными солнцами сверкает в небе.
И ветер волит, ловит приколоть
Ее к груди как радость точек,
Как шелковый листочек.
А ты щекочешь усиком траву —
И зорианно умираешь
В лиелях белого летога.
О, дочерь летес!

1921

* * *

Ра, видящий очи свои в ржавой и красной болотной воде,
Созерцающий свой сон и себя
В мышонке, тихо ворующем болотный злак,
В молодом лягушонке, надувшем белые пузыри в знак
мужества,
В траве зеленой, порезавшей красным почерком стан
у девушки, согнутой с серпом,
Собиравшей осоку для топлива и дома,
В струях рыб, волнующих травы, пускающих кверху пузырьки,
Окруженный Волгой глаз,
Ра, продолженный в тысяче зверей и растений,
Ра, дерево с живыми, бегающими и думающими листами,
испускающими шорохи, стоны.
Волга глаз,
Тысячи очей смотрят на него, тысячи зир и зин.
И Разин,
Мывший ноги,
Поднял голову и долго смотрел на Ра,
Так что тугая шея покраснела узкой чертой.

1921

ПАСХА В ЭНЗЕЛИ

Темно-зеленые, золотоокие всюду сады,
Сады Энзели.
Это растут портахалы,
Это нарынчи
Золотою росою осыпали
Черные ветки и сучья.
Хинное дерево
С корой голубой
Покрыто улитками.
А в Баку нет нарынчей.
Есть остров Наргинь,
Отчего стала противною
Рыба морская, белуга или сомы.
О сумасшедших водолазах
Я помню рассказы
Под небом испуганных глаз.
Тихо. Темно.
Синее небо.
Цыганское солнышко всходит,
Сияя на небе молочном.
Бочонок джи-джи
Пронес армянин,
Кем-то нанят.
Братва, обнимаясь, горланит:
«Свадьбу новую справляет
Он, веселый и хмельной.
Свадьбу новую справляет
Он, веселый и хмельной».

Так до утра.
Пения молкнут раскаты.
— Слушай, годок, «Троцкий» пришел.
«Троцкого» слышен гудок.
Утро. Спали, храпели.
А берега волны бились и пели.
Утро. Ворона летит
И курским соловьем
С вершины портахала
Поет родной России «Ка»,
Вся надрываясь хриплою грудью.
На родине, на севере ее
Зовут каргою.
Я помню, дикий калмык
Волжской степи
Мне с сердцем говорил:
«Давай такие деньги,
Чтоб была на них карга».

Ноги, усталые в Харькове,
Покрытые ранами Баку,
Высмеянные уличными детьми и девицами,
Вымыть в зеленых водах Ирана,
В каменных водоемах,
Где плавают красные до огня
Золотые рыбы и отразились плодовые деревья
Ручным бесконечным стадом.
Отрубить в ущелье Зоргама
Темные волосы Харькова,
Дона и Баку,
Темные вольные волосы,
Полные мысли и воли.

1921

* * *

Я видел юношу — пророка,
Припавшего к стеклянным волосам лесного водопада,
Где старые мшистые деревья стояли в сумраке важно,
как старики,
И перебирали на руках четки ползучих растений.
Стеклянной пуповиной летела в пропасть цепь
Стеклянных матерей и дочерей
Рождения водопада, где мать воды и дети менялися местами.
Внизу река шумела.
Деревья заполняли свечами своих веток
Пустой объем ущелья, и азбукой столетий толпилися утесы.
А камни-великаны, как плечи лесной девы
Под белою волной,
Что за морем искал священник наготы.
Он Разиным поклялся быть напротив.
Ужели снова бросит в море княжну? Противо-Разин грезит.
Нет! Нет! Свидетели высокие деревья!
Студеною волною покрыв себя
И холода живого узнав язык и разум,
Другого мира ледяную красу тела,
Наш юноша поет:
«С русалкою Зоргама обручен
Навеки я,
Волну очеловечив.
Тот сделал волной деву».
Деревья шептали речи столетий.

1921

НОВРУЗ ТРУДА

Снова мы первые дни человечества!
Адам за Адамом
Проходят толпой
На праздник Байрама
Словесной игрой.
В лесах золотых
Заратустры,
Где зелень лесов златоуста!
Это был первый день месяца Ая.
Уснувшую речь не забыли мы
В стране, где название месяца — Ай
И полночью Ай тихо светит с небес.
Два слова, два Ая,
Два голубя бились
В окошко общей таинственной были...
Алое падает, алое
На древках с высоты.
Мощный труд проходит, балуя
Шагом взмах своей пяты.
Трубачи идут в поход,
Трубят трубам в рыжий рот.
Городские очи радуя
Золотым письмом полотен,
То подымаясь, то падая,
Труд проходит беззаботен.
Трубач, обвитый змеем
Изогнутого рога!
Веселым чародеям

Широкая дорога!
Несут виденье алое
Вдоль улицы знамёнщики.
Воспряньте, все усталые!
Долой, труда погонщики!
Это день мирового Байрама.
Поодаль, как будто у русской свободы на паперти,
Ревнивой темницею заперты,
Строгие, грустные девы ислама.
Черною чадрой закутаны,
Освободителя ждут они.
Кардаш, ружье на изготовку
Руками взяв, несется вскачь,
За ним летят на джигитовку
Его товарищи удач.
Их смуглые лица окутаны в шали,
А груди в высокой броне из зарядов,
Упрямые кони устало дышали
Разбойничьей прелестью горных отрядов.
Он скачет по роще, по камням и грязям,
Сквозь ветер, сквозь чащу, упорный скакун,
И ловкий наездник то падает наземь,
То вновь вверх седла — изваянья чугун.
Так смуглые воины древних кочевий
По-братски несутся, держась за нагайку,
Под низкими сводами темных деревьев,
Под рокот ружейный и гром балалайки.

1921

РЕШТ

Дети пекут улыбки больших глаз
Жаровнями темных ресниц
И подают случайным прохожим.
Лотки со льдом, бобы и жмыхи,
И залежи кувшинов голубых,
Чей камень полон синевы.
То камнеломни цвета голубого
Для путника случайного.
Темнеет сумрак, быстро пав.
И запечатанным вином
Проходят жены мимо улиц.

1921

* * *

Старый, желтый,
Мохнатый лев
С глазами старого знакомого
Кривым ножом
Кому-то угрожал холодно.
И солнце — тучная девица — любит варенье —
Льву закатилось за плечо.
Железные цветов побеги,
Охотник оловянных рощ.
Железной дичи туши и тела́
Вдоль стен висели
— Железный урожай труда
В деревьях оловянных.

1921

В.В.Хлебников в Иране. 1921.
Рис. М.В.Доброковского.

КАВЭ-КУЗНЕЦ

Подняв восстание против деспота царя Зохака.
Революционным знаменем служил его красный фартук
Кавэ-кузнец — лозунг национальной освободительной революции Персии

«Кавэ-кузнец». Плакат М.В.Доброковского. 1921.

КАВЭ-КУЗНЕЦ

Был сумрак сер и заспан.
Меха дышали наспех,
Над грудой серой пепла
Хрипели горлом хрипло.
Как бабки повивальные
Над плачущим младенцем,
Стояли кузнецы у тела полуголого,
Краснея полотенцем.
В гнездо их наковальни,
Багровое жилище,
Клещи носили пищу —
Расплавленное олово.
Свирепые, багряные
Клещи, зрачками оловянные,
Сквозь сумрак проблистав,
Как воль других устав.
Они, как полумесяц, блестят на небеси,
Змеей из серы вынырнув удушливого чада,
Купают в красном пламени заплаканное чадо
И сквозь чертеж неясной морды
Блеснут багровыми порой очами чёрта.
— Гнездо ночных движений,
Железной кровью мытое,
Из черных теней свитое,
Склонившись к углям падшим,
Как колокольчик бьется
Железных пений плачем.
И те клещи свирепые

Труда заре пою.
И где, верны косым очам,
Проворных теней плети
Ложились по плечам,
Как тень багровой сети,
Где красный стан с рожденья бедных
Скрывал малиновый передник
Узором пестрого Востока,
А перезвоны молотков — у детских уст свисток, —
Жестокие клещи,
Багровые, как очи,
Ночной закал свободы и обжиг
Так обнародовали:
«Мы, Труд Первый и прочее и прочая...»

1921

ИРАНСКАЯ ПЕСНЯ

Как по речке по Ирану,
По его зеленым струям,
По его глубоким сваям,
Сладкой около воды
Ходят двое чудаков
Да стреляют судаков.
Они целят рыбе в лоб,
Стой, голубушка, стоп!
Они ходят, приговаривают.
Верю, память не соврет.
Уху варят и поваривают.
«Эх, не жизнь, а жестянка!»
Ходит в небе самолет
Братвой облаку удалой.
Где же скатерть-самобранка,
Самолетова жена?
Иль случайно запоздала,
Иль в острог погружена?
Верю сказкам наперед:
Прежде сказки — станут былью.
Но когда дойдет черед,
Мое мясо станет пылью.
И когда знамена оптом
Пронесет толпа, ликуя,
Я проснуся, в землю втоптан,
Пыльным черепом тоскуя.
Или все свои права
Брошу будущему в печку?
Эй, черней, лугов трава!
Каменей навеки, речка!

1921

* * *

I

С утробой медною
Верблюд,
Тебя ваял потомок Чингисхана.
В пустынях белых, с шелестом сухих бумаг,
Письменного стола
Колючей мысли вьюк несешь
(Кузнец случайно ли забыл дать удила?)
Туда, где звон чернильных струй,
На берега озер черниловодных,
Под деревом времен Батыя, копной его ветвей,
Нависших на глаза, на лоб писателя,
Семьей птенцов гнезда волос писателя,
Кто древней Галилее
Дал грани большаков и угол.
Проносишь равенство, как вьюк,
Несешься вскачь, остановивши время
Над самой пропастью письменного стола
(Где страшно заглянуть),
Чтоб звон чернильных струй,
Чей водопровод —
Дыхание песчаных вьюг,
Дал равенство костру
И умному огню в глазах
Холодного отца чернильных рек,
Откуда те бежали спешным стадом,
И пламени зеркальному чтеца,
Чей разум почерк напевал,
Как медную пластинку губ Шаляпина —

Толпою управлявший голос.
Ты, мясо медное с сухою кожей
В узорном чучеле веселых жен,
По скатерти стола задумчивый прохожий,
Ты тенью странной окружен.
В переселеньи душ ты был,
Быть может, раньше нож.
Теперь неси в сердцах песчаных
Из мысли нож.
Люди открытий,
Люди отплытий,
Режьте в Реште
Нити событий!

Летевший
Древний германский орел,
Утративший *Ха*,
Ищет его
В украинском «разве»,
В колосе ржи.
Шагай
Через пустыню Азии,
Где блещет призрак Аза,
Звоном зовет сухие рассудки.

II

Раньше из Ганга священную воду
В шкурах овечьих верблюды носили,
Чтоб брызнуть по водам свинцовым на Волге, реке дикарей.
Этот, из меди, верблюд
Чернильные струи от Волги до Ганга
Нести обречен.
Не расплещи же,
Путник пустыни стола,
Бочонок с чернилами!

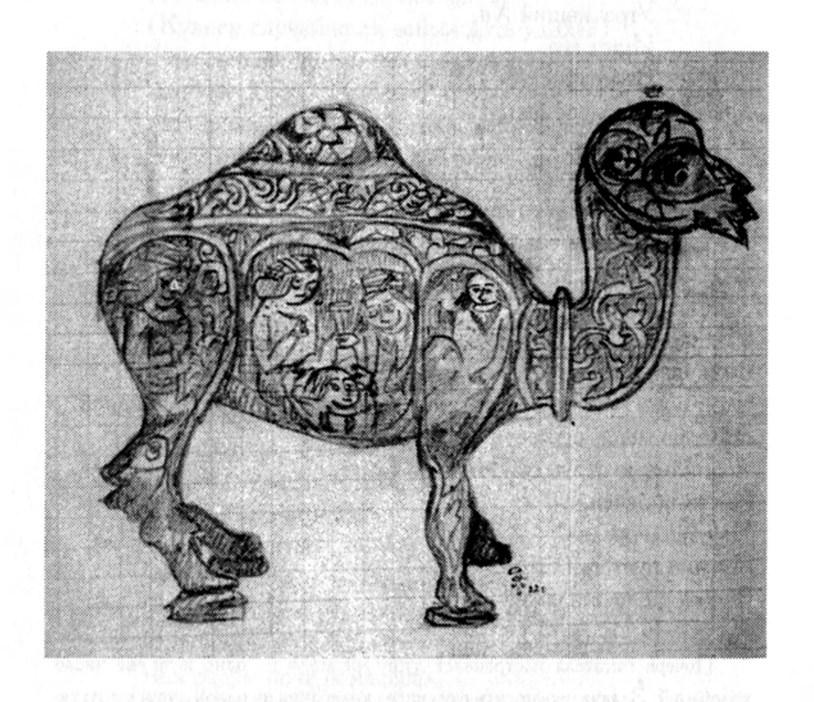
Почерк писателя настраивает душу читателя на одно и то же число колебаний. Задача переносить груз чисел колебания из одной души в другую выпала <на> долю одного испаганского верблюда, когда он пески пустыни

променял на плоскость стола, живое мясо — на медь, а свои бока расписал веселыми ханум, не боящимися держать в руках чаши с вином.

Итак, находясь у тов. Абиха, верблюд обречен носить на горбах равенство основного душевного звука в душе писателя и душе читателя.

Аз — освобожденная личность, освобожден<ное> Я. *Хабих* — по-германски орел. Орел хабих летит в страну Азии, построившей свободную личность, чего она до сих пор не сделала, а делали приморские народы (греки, англичане).

5 июня 1921
Решт

Чернильница «Верблюд». Рис. Р.П.Абиха.

Р.П.Абих. Рисунки М.В.Доброковского и В.В.Хлебникова (нижний)

Рисунок В.В.Хлебникова и словообразования на тему «чека» из тетради 1921 г.

КУРИЛЬЩИК ШИРЫ

Где труд в очках пустой стены
Сидел над завтрашним уроком,
Прозрачных улиц тайники,
Чтобы читались настежь истины труда,
Полны рассказов
Про тени и притоны,
Где точно выстрел одинокий — стоны,
Успевшие у спавшего отнять
Дневного мира разум.
С устами высохшими досуха
Он тянет сладкий мед,
И с ядом вместо посоха
На берег сонных грез идет.
Внезапно святилище огня,
Бой молота по мягкому и красному железу, —
Исчезло все, лишь сновидений броня
Вооружила разум трезвый.
Те степи, где растут лишь цепи,
И голос улицы, вечерний и чарующий,
Цветы недавних слов, завядшие вчера еще,
И вы, пророки суеты,
Дневных забот морские шумы —
Забыто все, и в дыме сладкой думы
Труд уносился к снам любимым...
Но пленник у цепей железных дыма
Прикован к облачку желаний,
Дорогой сонною идет туда,
Где рай в дыму к себе звал райю,
Где вместо народа адамов — Адам.
Настанет утро. В ночную щель блеснет заря —
Он снова раб, вернувшийся к трудам.
Но прежний берег снова манит,
В долгу цепей железных долго
Он челн, кругом ночного дыма Волга.

1921

ДУБ ПЕРСИИ

Над скатертью запутанных корней
Пустым кувшином
Подымает дуб столетние цветы
С пещерой для отшельников.
И в шорохе ветвей
Шумит созвучие
С Маздаком Маркса.
«Хамау, хамау,
Уах, уах, хаган!» —
Как волки, ободряя друг друга,
Бегут шакалы.
Но помнит шепот тех ветвей
Напев времен Батыя.

1921

* * *

Оча́на — моча́на,
Все хорошо!
— Ок!
Это дервиш,
Это пророк
Просит пушинкой.
Море поет: вечная память!
Тухлым собакам, мертвым сомам
    И событьям.
На скатерти песков
Провидцам, пророкам, собакам
Разложен обед: соленая икра.
Шамай! Садись!
Дети пекут улыбки
Жаровнями темных ресниц,
    И бросают прохожим.
— Гуль-мулла! — крикнули мне.
— Садись, гуль-мулла, перевезу! —
Говорил — Я — Я — темнолицый и поднял весло.
Я сел. Я знал, что меня так зовут
Здесь в Энзели,
Где я — урус дервиш.

1921

* * *

Море пело «Вечную память»
Тухлым собакам, мертвым сомам.
В берег морской волны бились и бились.
Собакам, провидцам, пророкам
Морем шумящим предложен обед.
Накрыт скатертью стол.
Одна за другою катилась волна,
Бежали валы на берег пологий.
Мертвый кутум с белой дырой вместо глаза
В крупной сухой чешуе, белый от зноя
Лежал близ меня.
Около грелся костер рыбака,
Бродяг приглашая испечь на костре
Мертвую сельдь из песчаных богатств
И мешочки икры палой рыбы.
Собакам, провидцам, всем
Был морем покрыт широкою
Скатертью стол.
Ныряла и падала взад и вперед черепаха.
Голоногие жены мыли белье дальних семей,
Стирали белье, сплошь берег усеяв
Циновками жирных мужей.
Священное море давало белью отпущенье в грехах.
Мальчик кричал мне: «Урус...
Русский дервиш... Гуль-мулла...»
Я соглашался, лежал на песке. Мне все равно.
Голоногие жены в белом и мокром белье,
Согнувшись, стояли над морем.

Море священною влагой
Давало белью отпущенье в грехах.
Был берег, как исповедь и исповедальня.
Море, великий безбожник,
Тухлою рыбой швыряло
В солнечный образ, дрожащий по волнам.
И в бороде его длинных лучей
Качался тухлый судак.
Чудак! мог бы поленом войти
В мыслящую печь человека
И зажечь его ум новыми мыслями,
Новым разумом мысли.
Видишь, — голодный, согнулся и бродит.
Печка живая без дров ходит по берегу.

1921

* * *

Сегодня я в гостях у моря.
Скатерть широка песчаная.
Нашел мешки с икрой,
Что выброшены морем,
Сельдь небольшую,
Испек на костре, горячем и днем.
Хорошо. Хуже в гостях у людей.

1921

* * *

Мной недовольное ты,
Я недовольный тобой.
Льешь на продажу версты
Пены корзины рябой.

Сваи и сваи, на свайных
Постройках, пьянея, лежит
Угроза, сверкавшая в тайнах
Колосьями сумрачных жит.

1921

* * *

Ночи запах — эти звезды
В ноздри буйные вдыхая,
Где вода легла на гвозди,
Говор пеной колыхая,
Ты пройдешь в чалме зеленой
Из засохнувшего сена,
Мой учитель опаленный,
Черный, как костра полено.
А другой придет навстречу,
Он устал, как весь Восток,
И в руке его замечу
Красный сорванный цветок.

1921

* * *

Подушка — камень,
Терновник — полог,
Прибоя моря простыня,
А звезд ряды — ночное одеяло!
Шуми, грызи молчание,
Как брошенную кость,
Зверь моря.
О, новый камень темноты за тучей.

1921

НОЧЬ В ПЕРСИИ

Морской берег.
Небо. Звезды. Я спокоен. Я лежу.
А подушка — не камень, не перья —
Дырявый сапог моряка.
В них Самородов в красные дни
На море поднял восстанье
И белых суда увел в Красноводск,
В красные воды.
Темнеет. Темно.
«Товарищ, иди, помогай!» —
Иранец зовет, черный, чугунный,
Подымая хворост с земли.
Я ремень затянул
И помог взвалить.
«Саул!» («спасибо» по-русски).
Исчез в темноте.
Я же шептал в темноте
Имя Мехди.
Мехди?
Жук, летевший прямо с черного
Шумного моря,
Держа путь на меня,
Сделал два круга над головой,
И крылья сложив, опустился на волосы.
Тихо молчал и после
Вдруг заскрипел,
Внятно сказал знакомое слово.
На языке, понятном обоим,

Он твердо и ласково сказал свое слово.
Довольно! Мы поняли друг друга!
Темный договор ночи
Подписан скрипом жука.
Крылья подняв, как паруса,
Жук улетел.
Море стерло и скрип и поцелуй на песке.
Это было!
Это верно до точки!

1921

Я И РОССИЯ

Россия тысячам тысяч свободу дала.
    Милое дело! Долго будут помнить про это.
А я снял рубаху,
И каждый зеркальный небоскреб моего волоса,
Каждая скважина
Города тела
Вывесила ковры и кумачевые ткани.
Гражданки и граждане
Меня — государства
Тысячеоконных кудрей толпились у окон.
Ольги и Игори,
Не по заказу
Радуясь солнцу, смотрели сквозь кожу.
Пала темница рубашки!
А я просто снял рубашку,
Дал солнце народам Меня!
Голый стоял около моря.
    Так я дарил народам свободу,
    Толпам загара.

<1921>. 1922

Ю. С.

Золотистые волосики
Точно день Великороссии.
В светлосерые лучи
Полевой глаз огородится.
Это брызнули ключи
Синевы у Богородицы.

Песенка — лесенка в сердце другое.
За волосами пастушьей соломы
Глаза пастушески-святые.
Не ты ль на дороге Батыя
Искала людей незнакомых?

Звенят голубые бубенчики,
Как нежного отклика звук,
И первые вылетят птенчики
Из тихого слова «люблю».

1921

13 IX 1921

Детуся! Если устали глаза быть широкими,
Если согласны на имя „браток"
Я, синеокий, клянусь, ~~жизнь~~
Высоко держать вашей жизни цветок.

...

Я ведь такой-же, сорвался я с облака,
Много мне зла причиняли
За то что не этому ...
Всегда нелюдим,
Везде нелюбим.
Хочешь мы будем, брат и сестра,
Мы ведь в свободной земле свободные люди,
Сами законы творим, законов бояться не надо.
И лепим глину поступков
Знаю, прекрасны вы, цветок голубого.
И мне хорошо и внезапно
Когда говорите про Сочи
И нежные ширятся очи.
Я сомневавшийся долго во многом
Вдруг я поверил навеки
Что предначертано там,
Тупо рубить дровосекам.
Много мы лишних слов избегаем.
Просто я буду служить вам обедню
Как волосатый священник с длинною гривой
Пить голубые руки чистоты
И страшных имен мы не будем бояться.

Страница «Гросбуха»
с рукописью стихотворенья «Детуся!..». 1921.

* * *

Детуся! Если устали глаза быть широкими,
Если согласны на имя «браток»,
Я, синеокий, клянуся
Высо́ко держать вашей жизни цветок.
Я ведь такой же, сорвался я с облака,
Много мне зла причиняли
За то, что не этот,
Всегда нелюдим,
Везде нелюбим.
Хочешь, мы будем брат и сестра,
Мы ведь в свободной стране свободные люди,
Сами законы творим, законов бояться не надо,
И лепим глину поступков.
Знаю, прекрасны вы, цветок голубого.
И мне хорошо и внезапно,
Когда говорите про Сочи
И нежные ширятся очи.
Я, сомневавшийся долго во многом,
Вдруг я поверил навеки,
Что́ предназначено там,
Тщетно рубить дровосеку.
Много мы лишних слов избежим.
Просто я буду служить вам обедню,
Как волосатый священник с длинною гривой,
Пить голубые ручьи чистоты,
И страшных имен мы не будем бояться.

13 сентября 1921. 1922

В.М.Синякова. Фотография. 1910-е гг.

Я И ТЫ

— Стой, девушки, жди!
Ля! паны! на дереве,
Как сомашечие, целуются, гляди!
Девочки, матушки, ля!
Да, Верочка, что ты?
Ума решилась?
Тебе на воздухе земля?
Да спрячьтесь в пещере вы!
На поцелуи в дереве охота?
Девушки, ай!
Ах вы, сени, мои сени,
Да в черемухе весенней! —
Качались гибко ветки,
И дева спрыгнула стыдливо
И в чаще яблоней исчезла.
А дым весны звездою жезла
Давал ей знаки шаловливо.
Сияй невестой в белой сетке,
Черемуха моя!
Ты трепетала, черемуха моя!
Шмели гудят. Летит оса.
Пчела летит за небеса.
И свист гудящий тысяч жал
Собором светлым окружал
Цветов весенних образа.
Гудят, как в полночи гроза,
Висят, как божии глаза,
Пчелы медовые обеды,

Искали в воздухе победы.
И то не ложь, и это истина!
Я плакал на воздушной пристани.
Жучок цветок весны пилил,
А я же тихи слезы лил.
Вы не птицы и не звери вы!
До распустившихся листов
Медовым пламенем цветов
Все дерево горело.
Глазам — веселая дорога,
Украденным в семействе бога!
Черней, дыра в пещере,
Нет Богоматери, есть череп!
Вершина дерева качается,
Здесь не показываются люди,
Хребты изученных оков.
Кругом нее дрожащий студень
Прекрасных белых лепестков.
Она цепляется за ветки,
Она кого-то в небе ждет,
Русалка веток — выстрел меткий —
Сейчас на землю упадет.
Как птица дикая
Иль сельской улицы девчонка,
Ее синеет рубашонка,
Глазами черными поводит,
Как парой неги словарей,
Как по морю, по веткам ходит.
Она стоит, она идет
И взором юношу зовет.
На ветке черной и трясучей
Она стоит одна меж сучей
И, черным пузом загорелая, нагая
Сквозит в рубахе синей и подоле.
Рабыней сдалась синей воле
В окне черемухи — невесты гая,
Ногами голыми шагая,
Русалка воздуха, пугая
Вдруг пролетевших снегирей.

И девы звонко хохотали
И побежали землю рыть.
Что делать им? мы не испытали,
Как можно птичей жизнью жить.
А дым весны зовет медами
Людей и пчел идти стадами,
Лететь сюда, как в белый дом.
На теле глиняно-гнедом
Горела синяя рубашка.
Вэ веток было гулко.
О, сумасшедшая прогулка!
Кормил медами шаловливо.
К чему, откуда, за́чем?
Откуда нравы? малиновки? ракла́?
Огнем горячим
Рубашка синяя пекла.
Чернело пузо в промежутке.
А первые шаги так жутки.
Внизу же юноша стоял,
Лучистой радостью сиял
И, написав в глазах мольбу,
Не знал, что вылетит в трубу
Девичьего мяса.
И корень груди тоже трясся.
— Нашли, где целоваться!
А девка неплохая цаца!

1921

* * *

И шлюха ровных улиц слов,
Созвучий потаскушка
Правительством черных очей
Пришла и явилась: «Мы тут!»
Пожаром души силачей
Ресницы поют на лету.

1921

* * *

Он голубой, как день.
Она черна, как ночь.
Вы нежны, вы невинны.
Вы суток половины.

1921

8

* * *

Там, где солнце чистоганом
Светит доброму и злому,
Я одна с моим цыганом
Делю время и солому.
День голубой, а ночь темна, —
Две суток половины.
И я у ног твоих раба,
Мы оба, мы невинны.

1921

* * *

Где волосы, развеянные сечью,
И мимо глаз и на плечах,
И время, вспугнутое речью,
Дрожит в молчания лучах.
Лоб черепа немного вогнут
И бычей брови очерк тверд,
И губы дерзкие не дрогнут,
Как полководцы страстных орд.
Она к нему близка за то ли,
Что он недвижен, видя кровь?

1921

* * *

Щека бела, как снег, и неприятна.
Чахотки алой пятна.
И на мелу ее скулы
И волков бешеным укусом
Алели губы красным бусам.

1921

* * *

Девы сумрачной хребет,
Он прекрасно и угрюмо
На полях зеленых цвел,
Леса сумрачные думы
Тенью божеской обвел.

1921

УТРОМ

Слышишь ли шум, о мой друг?
Это Бог прыгнул в Буг.

1921

* * *

Воздушистый воздухан
Воздухее воздухеи,
Воздухее воздухини.
Сидушистый сидухан
Сидухее сидухини,
Сидухее сидухеи.
Колышистый колыхан
Колыхее колыхини,
Колыхее колыхеи.
Едушистый едухан
Едухее едухеи.
Видушистый видухан
Видухее видухеи,
Видухее видухини.

<1921>

НЕЖНЫЙ ЯЗЫК

Сегодня вещи
Нежны и вещи.
Неженки-беженки
В небе плывут.

1921

ГРУБЫЙ ЯЗЫК

На, дубину в зубы —
Мой поцелуй.
Красней,
Алей
Рябиной грубой.
Разбрызганные брызги
Оглобли красной.
Вишневые цветы —
Раздавленные губы.
И воздух в визге.

1921

* * *

Где засыпает невозможность на ладонях поучения,
Чтоб реки вольные, земного тела жилы,
Их оторвали бы от умных рук могилы.
Так ловит мать своих сынов
Под лезвием взбесившихся коров.
Мешайте всё в напитке общем,
Слова «мы нежны!», «любим!», «ропщем!»
И пенье нежной мглы моряны голубой
Бросайте чугуну с бычачьей головой!
С венком купен — волчицы челюсть,
С убийцею — задумчивое ладо,
С столетьями — мгновений легкий шелест,
И с хмелем лоз — стаканы яда,
Со скотской дворовой жижей — голубое,
И пенье дев — с глухонемым с разодранной губою,
Железу острому — березу
И борову — святую грезу.
Чтоб два конца речей
Слились в один ручей
И вдруг легли, как времени трупы,
У певучих бревен халупы.

1921

* * *

В тяжелых сапогах
Рабочие завода песни,
Тех зданий, где ремень проходит мысли,
Носите грузы слов,
Тяжелые посылки,
Где брачные венцы,
А может, мертвецы,
Укрытые в опилки.
И ящики с клеймом
«Умершая любовь»,
И с ним железный лом
Остатков гневной мысли
И девы умиравшей «ах!»,
Упавшей на подушки,
Вселенной блеск на коромысле
У озера стрекоз,
И жемчуг радостный в губах
Носите и возите дорогою подземной.
Кошелки шорохов и шумов,
И цоканья и свистов,
И тьмы таинственных, как полночь, звуков —
Очам закрытым.
Они стоят такой веселой кучей,
Что хочется, подумав,
Бежать туда, где бог неистов,
А страсть нацелилась из луков
И смотрит хмельными
И пьяными от полночи глазами
Былых путей и перечерченных широт.
Пусть останутся знаки клади.
Приклеенные клейма и печати
Другим расскажут про дороги.
Чёрт, бог, невеста, и чума,
Зачатие, и мор, и вера, и божба
Ножом в груди у бога.

1921

* * *

Мой череп — путестан, где сложены слова,
Глыбы ума, понятий клади
И весь умерших дум обоз,
Как боги лба и звери сзади,
Полей неведомых извоз.
Рабочие! кладите, как колосья в тяжелые стога,
И дайте им походку, и радость, и бегá.
Вот эти кажутся челом мыслителя
И громких песен книгой — те!
Рабочие, завода думы жители,
Работайте, косите, двигайте!
Давайте им простор, военной силы бег,
И ярость драки, и движенье.
Пошлите на ночлег
И беды, и сраженье.
Чтоб неподвижным камнем снов
Лежал бы на девичьем сене
Порядок мерных слов,
Усталый и весенний.

1921

* * *

Старые речи
Завода сло́ва духовенство
Усталым словам пропоет
«Вечную память», дыма нагонит.
Качайтесь, усталые белые речи в гробу,
Белейте, высокие лбы,
Венчанные знаками смерти!
А вас, молодые, ждет брачное дело,
И записи ваших рождений,
И счетоводный лист смертей и наслаждений.
Старшины звонких браков
Сложили ваши судьбы в широкий мешок песни,
Не думая о крыльях и пыли голубой,
Как полный бабочек мешок,
Согнувший собой человека —
Тяжела человека речь.
Но он открыт, края распались, развязана веревка,
Края мешка для углей, дров, яблок земляных,
И «да» и «нет» речей вспорхнувших летят в ничто
Могучей стаей ляпунов, подобной шумной грозной буре.
Летят в медовое, не зная
Недолгое, великое ничто,
Куда и тянет и зовет.
Цель Бога — быть ничем.
Ведь нечто — тяжесть, сила, долг, работа, труд.
А ничто — пух, перья, нежность, дым,
Объема ящик, полный пустоты,
То ящик бабочек и лени и любви.

И тучею крылатых «ничего», «нема» и грустных «ни»
Откроется мешок молчания,
Чтоб в двух словах был водопад и разница высот.
И падал с кручи смысл, и падала вода.
И, разбиваясь о русло, жесткие каменья,
Чумные бабочки и поцелуй —
Все мчатся к ничему, в объятьях умирая,
И машут равенства крылами.
Жените и венчайте стад слова пастухи,
Речей завода духовенство!
На скатерти печали пролитые глаза,
А вдаль уезжает телега —
Конь на задних ногах польку пляшущий с гробом,
Облапив копытами
Гроб, полный бабочек.
Зачем он оставлен на пыльной дороге?
Из поднятой крышки заря улетает в бесконечность.
Жабы воспели весну.
И девушек малиновых чуму в гостиной белоснежной,
Где пауки мерещатся созвездием.
И чехарду богов во время лихорадки.
И девы, провожающие мертвого брата
И че́репа глаза, —
Из них вспорхнули мотыльки,
Огнем горя веселым, как синие очки,
Веселые гробы, костры на Купалу,
Где над богом смерти скачут ноги загорелые в платьях синих.
Струбай за смертью, смерть!
Пока еще мы живы <...>

1921

* * *

Степи, где тучи буйволов живут
И свадьбы точек,
Слов жениховство
И части колес мысли,
Горелки слов и песен прятки,
Деволов с веселыми глазами,
Письмо в крыле голубя,
Любезность кулака, жестокость поцелуя
И черно-синий почерк бога
Морями «Я»,
Где парочка чахотки
Поставит парус лодки,
Слова, что могут «улюлю» кричать <зловеще льву> —
Всё принимаю и пойму.
В законы малых волн,
Вот этих Ча и Эм,
Моряк, направь проворный челн
И бабочкой садись
В хребет великой песни.
Ведь эти дрожи малые
Прошли кадык небес.

1921

* * *

Царапай мировой слух
Плеткою свежих слов.
Свобода — мировой пастух,
С нею умирание основ <...>

<1921>

ПОЭТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ

Разложение речи на аршины, стук счета
и на звериные голоса.

Пепел,
Ты более *Дэ*.
Перунничать буду,
Прыгать и биться пружинкой
В сердце великого бога небес —
Игрушка сломалась, — забьюсь.
У бога чахотка,
Кашляет книжник Млечных Путей.
Ча стучится к нему через окошко.
Пусти. Переночую в груди.
Чашею станешь для пива смертей,
Брызнувшей пеной.
Ча бога невеста-чахотка.
И держит в руке какой-то цветок,
Нежный и вялый.
Небо — день белого цветка.
Бросьте копейку мысли о небе.
Чучело книги пустое,
Чаша для пен пустоты —
Место пустое чужого объема,
Неподвижный плен, тело чужое
в плену чужой пустоты неподвижной.
Я брагою в ней закипаю,
Как хмель пустоты.
Хмель закипел пустоты,
Как праздничный ковш
И чара дружины
Язычных над тризной миров.

Я хожу по рукам.
Бревна над свежей могилой.
Старый князь умер.
А после
Прыгну пружинкой
В сердце чахотки
И часами
Бога опять заведу
Для нового бега.
Пусть смотрятся люди,
Время сверяя по созвездья часам.
Пусть он бежит одинокий
До потухнувших звезд.
Я же пар паровоза поезда мощи его.
Я — *Пэ*,
Главный пар в сердце великой чахотки.

Разве не *Мо* бога,
Что я в черепе бога
Кляч гоню сивых, в сбруе простой,
Точно Толстой, бородатый, седой,
На известной открытке.
И кулака не боюсь
Небесной Чеки.
Корявой сохой провожу
За царапиной царапины по мозгу чахоточного бога.
И подымаются стаей грачи, летят и чернеют.
Жирных червей ловят грачи —
Русская пашня весной.
Разве не молью в шкуре
Всемирных божищ,
Не распаденье объема
На малосты части,
Глыбы мела на малую пыль муки.
Орлы сделались мухой,
Киты и слоны небесных потемок
Стали мурашом.
Звездные деревья стали маленьким мохом и муравой.

Полно лягушкою квакать
В болотах Евгенья Онегина и Ленского
Ссоры зеленой.
Буду мерить аршинами бога.
Довольно его обливать ушатами
Скользких, как угри,
Как черви земляные, слов.
Порохом буду выстрелов звезд
В черный лоб ночи.
Пулями черной пищали
Буду лететь.
Гонит меня кулак *Пэ* —
Бурный рост
Владений в пространстве
Точечных множеств.
Пламя пальбы мой кулак,
Вспыхнувший пар,
Пороха чайная ложка
Толкает ядро громадой туч силовых.
За выстрела облаком
У *Пэ* суровым обликом
Стою я.
Это я, наполнив сердце Перуна,
Сделал пену, пузырь, пыль и порох,
Запах, опухоль, перья, пазы,
Пустоту и пещеру.
Всюду стаю птиц вещества прочь распугал,
Прочь разогнал — великан пустоты.
Великан от пещер.
В недрах пещеры сквозя толстеет <вещество>.
В *Че* божества мое *Пэ*,
Оттуда пролью свое *Эль*
Лени, покоя на путь пересекающей площади.
Прыгать вином
В *Че* бога пустом, на блюде
Серебряном, кованом.

<1921>

ЛЕС

Бо сломанных стволов и белых щепок,
Мо зелени лесной на хвои и листы,
Пэ веток и стволов колючих,
Корней змеиных *вэ*,
Как будто шел змеиный праздник
И мощные крутились змеи.
В зеленом *че* осколки неба,
Ро синих глаз.
Темнеют *ту* стволов
Телами темноты.
Сквозь *че* змеиной кожи — небо.
И в мшистом *че* — деревьев руки.
Зеленых теней *мо* и шопот.
До мрака на куски
И *по* огня — в вечерней темноте
Зажегся горихвостки рыжий хвост.
Лес подожжен был спичкой птички
На святках деревянных змей.
Пу снежной пены, *то* черных камней
И *вэ* волос стеклянных
У бешеной красавицы воды.
Ла лопухов на берегу.
В дворец лесного водопада
Вошла оляпка,
Нырнула в *че* воды.

1921

* * *

Пи бешеного бега
И *ка* для путника в изнеженной осанке,
Са пламени, *зо* месяца кривого и сотни звезд,
И *вэ* невидимых колес.
Стеклянной хаты *че*,
Где *ла* зеркал дыханью ветра и встречной пыли.
Зо черноты
В зеркальном *че* для полубога.
Пещеры колеса надуты небесами.
Ту пыли — замысловатое кудрявое перо
Над головой средневековья.

1921

ГРОЗА В МЕСЯЦ АУ

Пупупо́по. Это гром.
Гам гра гра рапрап.
Пи-пипи́зи. Это он.
Гзайгзози́зи. Молний блеск.
Вейгзоза́ва. Это ты.
Го́га, га́го. Величавые раскаты.
Га́го! го́га!
Зж! Зж.
Мн! Мн! Нм!
Мэ-момомуна. Все синеет.
Моа, моа,
Миа еву.
Вей вай эву! Это вихрь.
Взи зоцерн. Вэцерци́.
Вравра, вравра!
Врап, врап, врап!
Гул гулго́та. Это рокота раскат.
Гугога́. Гак! Гакри.
Вува вэ́во. Круги колец.
Цирцици́!

1921

ТРУДОСМОТР
<Звукопись>

Биээнзай — аль знамен.
Зиээгзой — почерк клятвы.
Чичеча́ча — шашки блеск.
Бобо биба — аль околыша.
Мимомая — синь гусаров.
Мивеаа — небеса.
Лелилили — снег черемух.
Мипио́пи — блеск очей.
Чучу бизи — блеск божбы.
Вээава — зелень толп.
Зизо зея — почерк солнца.

1921

ЛИЧНЫЙ ЯЗЫК

1

Гзи-гзи, зосмерчь!
Пак, пак, кво!
Лиоэ́ли! Лиоэ́ли!
Пактр, Практ, тво
Мимо эми!
Ку!

2

Пши, Пши, мехро меро
Пиоуча!
Плям, блям, эво!
Зизогзаги.
Зизоре́чи!
Ак! Ук.

<3>

Мурчуарча!
Ши́шиши́.
Ягу а́гу,
Гу-га-гу
Свейчь! Свейчь! Свифть! Плирь! Зипс!

<4>

Сад

Кигорекоо!
Бдев, бдев, птеп!
Цизып! Цизып!
Бэльг, влаг, малк
Зирум

<5>

Мерми, мерми! Бибобаба. Сиоа́са
Виоэвэй, лель, лель, лель
Это море.

1921

Личный язык

1

Гзи-гзи, зосмерчь!
Пак, пак, кво!
Лiоэли! Лiоэли!
Пактр, Практ, тво
Мимо эми!
Ку!

2

мерро
Пши, Пши, ~~бэдро~~ мерро
Пiоуча!
Плям, блям, эво
зизорэли
Зизорчи
Ак! ~~ак~~ ук

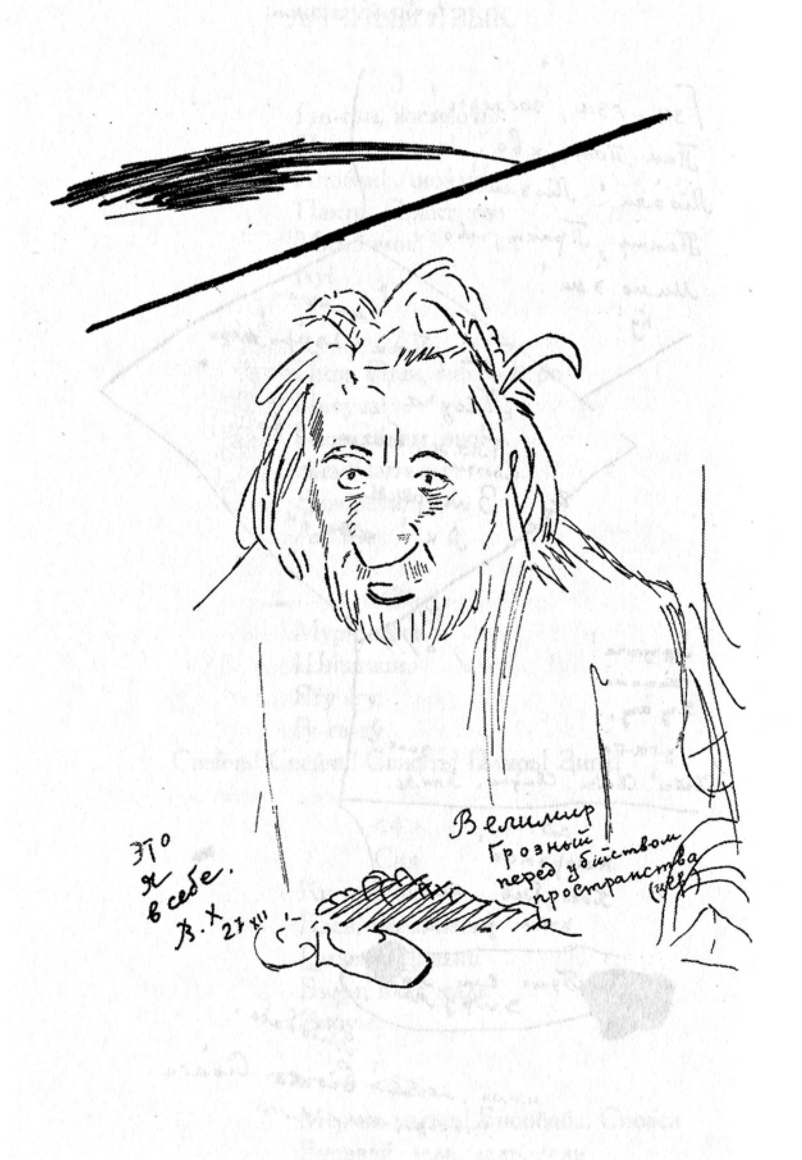
Мурнуарча!
Шишиши.
Ягу агу,
Гу-га-гу
зинс!
Свейчь! Свейчь! Свифт! Плимь.

сад.
Кикорэкоо.
Бдев бдев, пкеп
зизип! зизып!

Бэлог влаг, маяк
Зирум

Бибобаба.
мерми, мерми! ~~Вiоава~~ Сiоаса
Бiоэвдi, лели, лели, лели
Это ...

Рукопись стихотворения «Личный язык».

«Велимир Грозный перед убийством пространства(цев)».
Шарж Любимова (?). Лето 1921 (?). Баку. Частное собрание.

БЕЗУМНЫЙ ЯЗЫК

Глюм, глюм лип.
Правительственный восторг
топчет капусту.
Две мыслящие печи
бзам, бзам кво.
Сапогоокие кси и ксо,
девы с волосами и гребенкой.
Щетка есть,
Один сапог — одна копейка!
У жереб<енка>
отымите «же»,
<без> «же» буду я.
Пою: гзи, гзи бзи,
дом, дом мом,
маю, мею чин.
Мокрый морской студень, кисель с пятачком.
Сел на пустую дыру,
Вынул зеркало.
Ба! батюшки, здравствуй, Иванушко Грозный.
Апчхи!
Дыра меня ждала четыре столетия.

1921

ЗАМЕЧАНИЕ МЫСЛИТЕЛЯ

Правительства пришли в восторг.
Правительственный восторг
Топчет молодую капусту.
Их хвост поднят выше, чем у телят.

1921

* * *

Приятно, если великий народ
Вынет у вас из кармана носовой платок,
И вы ищете глазами, где тот,
Кто бы воришке сделал упрек.

1921

* * *

Мне, бабочке, залетевшей
В комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам,
На стеклах рока.
Так серы и скучны обои из мертвых растений
Человеческой жизни; пылью своей
Быть живописцем себя
На стеклах рока, большеокого рока.
Вдруг увидать открытую дверцу
В другой мир, где пение птиц и синий сквозняк,
Где мило всё, даже смерть
В зубах стрекозы.
О, улетевшая прочь пыль
И навсегда полинявшие крылья!
Окон прозрачное «нет»,
За ними шелест и пляска
Бабочек любви стучится.
Пляшет любовь бабочек высоко в ветре.
Я уже стер свое синее зарево и точек узоры
Вдоль края крыла.
Скучны и жестоки мои крылья,
Пыльца снята. Навсегда.
Бьюсь устало в окно человека.
Ветка цветущих чисел
Бьется через окно
Чужого жилища.

1921

ОДИНОКИЙ ЛИЦЕДЕЙ

И пока над Царским Селом
Лилось пенье и слезы Ахматовой,
Я, моток волшебницы разматывая,
Как сонный труп влачился по пустыне,
Где умирала невозможность.
Усталый лицедей,
Шагая напролом.
А между тем курчавое чело
Подземного быка в пещерах темных
Кроваво чавкало и кушало людей
В дыму угроз нескромных.
И волей месяца окутан,
Как в сонный плащ вечерний странник,
Во сне над пропастями прыгал
И шел с утеса на утес.
Слепой я шел, пока
Меня свободы ветер двигал
И бил косым дождем.
И бычью голову я снял с могучих мяс и кости,
И у стены поставил.
Как воин истины, я ею потрясал над миром:
Смотрите, вот она!
Вот то курчавое чело, которому пылали раньше толпы!
И с ужасом
Я понял, что я никем не видим:
Что нужно сеять очи,
Что должен сеятель очей идти!

1921. 1922

* * *

Дикий хорон, дикий хорон,
Где ты, где ты?
Точно ворон, точно ворон,
Крылья умраком одеты.

<1921>

* * *

Столетие, трупей!
Трупарствуй и гробарствуй.
Летите, идеса!
Хатарствуй,
Хохотарствуй,
Охотарев<ай>
В охотарные поля.
Из барства
Избарства
Ушли
Идусь,
Идуса.
Мозгарствуй,
<Хорон>.

<1921>, 1922

9

* * *

Больше падежей
Искусственных
Умерших солнц.
Больше вольши в мертвые очи.
Это изник
Узник себя, вольшевик.
Лоб — булыгою,
Книгой илийных столетий.
Бел и смел,
Илевик иловал
— Гробеса с собесами,
Трупеса с тропесами —
Илует тропы и трупы.
Нети идес,
Нети видес.
И бессильны волосы-летежи́
И не нужны одежд хрустежи.
Это вольшак
Сломал шаг,
Волосами дыша,
Замолчал, задушил
Божествующий рев, божествующий крик.
Долоем
Не вытер беднец пыль потолка.
Это жизни уа,
Гроба ау,
Гопак торжествующих
Тог.
Поставить итог
И того и этого
Смог
Смерти бог,
В свинцовый воя рог.

1921

* * *

В каждом громком слове,
Как в тучном удаве рог оленя,
Мы можем узнать,
Кого оно насилует и пожирает,
Чьим молчанием питается.
Вот слово «большевик».
Под ним лежит звуковое молчание «вольшевик».
Большевик — больше.
Кого больше?
Вольше — более воли.
Вот кто молчит из-под слова «большевик»,
придавленный им к земле.
Каждое слово опирается на молчание своего противника.

1921

9*

* * *

В море мора! в море мора!
Точно чайка!
Чрезвычайка
То в подвале, в чердаке то,
То в гостиной, то в халупе
Заковала, заковала
Большевицких
Горы трупов.
Точно чайка!
Чрезвычайка
То опустит лапы алые,
В море смерти окунется,
Стонов смерти зачерпнет,
То в простыни земляные
Обовьет тела усталые,
Трупы мертвых завернет
И подушкой черной глины
Успокоит мертвецов,
И под ногти бледно-синие
Гвозди длинные вобьет.
Море плачет. Море воет.
Мы прошли моря и степи.
Годы, годы
Мы мечтали о свободе.
И свидетель наши дети:
Разве эти
Смерть и цепи
Победителя венок?

Кто расскажет, кто поверит
В горы трупов по утрам,
Где следы от мертвых ног,
На кладбищах, где гроба
Роет белая судьба?!
Кто узнает, кто поверит
В новый овощ, новый плод —
Яблоко глазное!

1921

ВОССТАНИЕ СОБАК

Гау! гау! гау!
Много их черных
Гау! гау! гау!
Восставших собак
Гау! гау! гау!
Бежало по снегу
Гау! гау! гау!
В ближние села
Гау! гау! гау!
Мертвецов разрывать
Гау! гау! гау!
Тащить чью-то ногу
Гау! гау! гау!
Тащить чью-то руку
Гау! гау! гау!
В брюхе и снеге
Морды кровавить.

1921

* * *

Ззыз — — — жжа!
Пата папт та!
Визгень взыгрень!
Гром окаянного гула...
Бич выстрелов,
Шум пастухов
Над стадом халуп.
Все оробело...
Целится дуло
В мирное дело.
Чугунное дуло
Целится в дело.
Скоро труп — обернулся:
По горе убегала собачка.
Воин, целясь в тулуп,
Нажимает собачку.
Бах!
И кувырнулся
Тулуп без рубах!
Бух — бах — бах!
Вот как пляшут,
Пляшут козы на гробах!
Печка за печкой
Село задымилось,
Как серная спичка.
Скажите на милость,
Какая смелая! —
Вспорхнула синичка,

Животом как чудо зеленая,
Чудо крылатое.
Пинь-пинь тара-рах!
Вспорхнула над хатою,
Зеленая,
В солнце заката влюбленная.
А рядом деревня дымилась спаленная.
От сада и до сада
Над этим селом опала.
Сегодня два снаряда
Мертвого яда
В него упало.
Эй, молодуха!
Сегодня небо —
Рот для мертвого духа.
Кто будет дышать — не будет дышать!
Лежи, колос людей обмолоченный...
Завтра у каждого человека
Будет наглухо заперто веко,
Ставней избы заколоченной!
Завтра ни одно не подымется веко
Ни у одного человека...
А воздух сладкий, как одиннадцать,
Стал ядовитым, как двадцать семь.
Под простынею смерти
Заснуло село.

<1921>. 1922

* * *

Из городов, где плоские черви
Мест службы,
Где люди проходят чередование поколений,
Где очи клячи оба
С жадной силой ремнем питала злоба
В печени государств,
И худеет народ очами калек
И толстеет сан пиявки
С красной звездой во рту, —
В села, сады, зелень,
Где человек — человек.
А здесь худеет печень
Клячи государств
От прохождения мест службы
Чередованием поколений
Людепохожих плоских червей.

<1921>

МОЛОТ

1

Удары молота
В могилу моря,
В холмы русалок,
По позвонкам камней,
По пальцам медных рук,
По каменным воронкам
В хребет засохшего потопа,
Где жмурки каменных снегур,
Где вьюга каменных богинь.
Удары молота
По шкуре каменного моря,
По тучам засохших рыб, по сену морскому,
В мятели каменных русалок,
Чьи волосы пролились ветром по камням,
С расчесанными волосами, где столько сна и грезы,
И крупными губами, похожими на лист березы.
Их волосы падали с плачем на плечи
И после летели по волнам назад.
Он вырастет — Бог человечий,
А сёла завоют тревожно в набат!
Удары молота по водопаду дыхания кита,
По губам,
По пальцам черных рук,
В великие очи железного моря,
Девичьего потопа в железных платьях волн,
По хрупким пальцам и цветам в руках,

По морю русалочьих глаз
В длинных жестоких ресницах.
Из горных руд
Родитель труд,
Стан опоясан летучею рыбою
Черного моря морей.
И черная корчилась дыбой
Русалочьей темною глыбой
Морская семья дочерей.
Удары молота
В потопы моря, потомка мора,
По мору морей,
По волнам засохшего моря.
Русалки черногубые берут
И, чернокожие, сосут
Сосуд
Тяжелых поцелуев молотка.
Раздавлены губы,
Раздавлены песни засохнувших морей,
Где плавали киты
И били водой в высокое небо.
Напиток пыток
И черного кувшин труда,
Откуда капли черных слез
Упали на передник
И на ноги.
Рукою темною в огне купаясь,
Хребтом пучины
И черным теменем высоких темных тел
Касаясь молотка,
Как ворон суровый, молот летел
На наковальню русалочьих тел,
На волны морского потопа,
Где плавали песни богинь.
И он ломал глаза и руки
У хрупких каменных богинь,
Чтоб вырос бы железный сын,
Как колос на поле зацвел
Через труды страды руды.

Труд руд,
Их перерод в железное бревно
С железными листами,
В мальчишку нежного и смелого,
В болвана-шалуна
В мятежных и железных волосах,
С пупком на темном животе,
В железное бревно в постели чугуна
И смелое глазами разумное дитя.
На ложе рыжего огня оно жило.
Живот темнеет мальчугана
На ложе темного кургана.
Так выросло, не он и не она,
— Оно
В гнезде для грез железного бревна,
В железных простынях и одеялах
С большими и железными глазами,
С кудрявыми железными устами.

1921

* * *

Завод: ухвата челюсти, громадные, тяжелые,
Проносят медь, железо, олово.
Огня — ночного властелина — вой.
Клещи до пламени малиновые.
В котлах чугунный кипяток
Слюной кровавою клокочет.
Он дерево нечаянно зажег —
Оно шипит и вспыхнуть хочет!
Ухват руду хватает мнями
И мчится, увлекаемый ремнями.
И неуклюжей сельской панн<ой>,
Громадной тушей великана
Руда уселась с края чана,
Чугун глотая из стакана.
Где печка с сумраком боролась,
Я слышал голос — ржаной, как колос:
«Ты не куй меня, мати,
К каменной палате.
Ты прикуй меня, мати,
К девичьей кровати».
Он пел по-сельскому у горна,
Где всё — рубаха даже — чёрно.
Зловещий молот пел набат,
Рука снует вперед-назад!
Всегда горбата, в черной гриве,
Плеснув огнем, чтоб быть красивей.

1921

* * *

В этот день, когда вянет осеннее,
Хороша и смуглей воскресенья,
Возникала из моря свобода,
Из груды черных мяс,
Из закипевших в море членов,
Мохнатых гор зачатия и рода.
Она стоит, русалки стан
Согнув и выжимая волосы,
И в ночь, когда небес бугай,
Громадно-черный и багровый
И от покрывал божеств нагой,
Вдруг сделался волом.
Внизу завод, шумлив и смугол,
В глазу жил алый попугай,
Своих горбов вздымая угол
Старинный бык пустынных гроз,
Чья молния забыла прорицанья,
Венки храмовных лоз
И песен восклицанья.
Сразу у моря смолкли жрицы,
Вопль умер вод девицы.

1921

* * *

Кольца, незурные кольца
Падали в слух шумомольца.
Бога небесного надо ли?
Кольца кружились и падали.

1921

* * *

Ночной тишак,
Спасибодей ночного ока,
Венцуемый шляпы крылом,
Людоятное небо далеко,
Взвился роковой боголом.
Этою смертью ныне
Хром людоятия храм.
И буква Тэ
Ложилась прямым косяком
На черноте
Смерца босиком.
Страх — глубокая ночь.
Смерть — красивые тучи.
Ибом слезы не выпьешь,
Этим долоем звезду не стереть.
Пловец нетыни,
Нагнивец речной темноты,
Увийцею вечер запел.
Ибоумные носятся вздохи.
Тело унийцы жертвеет.

<1921>

* * *

Судьба закрыла сон с зевком,
И снова мы во сне
Лежим ничком
И край подушки бешено грызем.
И наш удел — родимый зём.

Увы! Маша́, на полках шаря
Громадным кулачищем,
И, водолазы картами созвездий,
В колоколе черных стекол звезд —
Что ищем мы?
С подушки к небу подымаясь
И пальцем согнутым хвоста
Цепляясь в земной шар
И броненосным телом извиваясь
В ночном бреду,
В небесной тяге, —
Ночною бездной нас манила, —
Себя́ венчаем мы?
И через решетку видим небо.
И бьем себя от ярости в висок.
И что же? Она закроет книгу сна
И шлет презрительный зевок.
Как к водке пьяница, мы тянемся
К прилавку Козерога,
Ревнуя сан ночного божества.
Увы, решетка между нами!
Так обезьяна скалит зубы человеку.

Октябрь 1921

* * *

Еда!
Шаря [дикими]
Лапами [песни],
Земного шара
[Яростно] грызу Сахару,
[Запивая] черный стакан
Ночного неба!
Пескам Сахары
И тебе, Тибет,
Думы мои.
Снежные перья
Окутали небо.
Земля — кубок
Любимого вина.
Держу у черных уст.

1921

* * *

А я пойду к тебе, в Тибет...
Там я домик отыщу —
Крыша небом крытая,
Ветром стены загорожены,
В потолок зелень глядит,
На полу цветы зеленые.
Там я кости мои успокою.

<1921>

* * *

Это год, когда к нам в человечество
Приходят пчелиные боги
И крупною блещут слезою глаза
В божницах пчелы образа,
Рабочей пчелы,
И крупными блещут крылами,
Другими богами.
Суровы, жестоки точно гроза,
А я не смыслю ни аза.

1921

<ГОЛОД>

Почему лоси и зайцы по лесу скачут,
Прочь удаляясь?
Люди съели кору осины,
Елей побеги зеленые.
Жены и дети бродят в лесах
И собирают березы листы
Для щей, для окрошки, борща.
Елей верхушки и серебряный мох,
Пища лесная!
Дети, разведчики леса,
Бродят по рощам,
Жарят в костре белых червей,
Заячью капусту и гусениц жирных
Или больших пауков, они слаще ореха.
Ловят кротов и ящериц серых,
Гадов шипящих стреляют из лука,
Хлебцы пекут из лебеды.
За мотыльками от голода,
Глянь-ка, бегают.
Полный набрали мешок.
Будет сегодня из бабочек борщ
— Мамка сварит.
На зайца, что нежно
Прыжками скачет по лесу,
Дети точно во сне,
Точно на светлого мира видение
Все засмотрелись
Большими глазами, святыми от голода,
Правде не веря.
Но он убегает проворным видением,
Кончиком уха чернея сквозь сосны.

И вдогонку ему стрела понеслась,
Но поздно.
Сытный обед ускакал!
А дети стоят очарованные.
«Бабочка, глянь-ка, там пролетела...
Лови и беги! а там голубая!»
Хмуро в лесу. Волк прибежал
Издалека
На место, где в прошлом году
Он скушал овцу.
Долго крутился юлой, крутобокий,
Всё место обнюхал,
Но ничего не осталось — дела муравьев, —
Кроме сухого копытца.
Огорченный, комковатые ребра поджал
И утек за леса.
Тетеревов алобровых и глухарей
Серогрудых,
Заснувших под снегом,
Будет давить лапой тяжелой,
Облаком снега осыпан...
Лисичка, огневка пушистая,
Комочком на пень взобралась
И размышляла, горюя...
Разве собакою стать? Людям
На службу пойти?
Сеток растянуто много, ложись в любую.
Опасно, съедят, как съели собак!
И стала лисица лапками мыться,
Покрытая парусом красным хвоста.
Белка ворчала:
«Где же мои орехи и желуди?
Я не святая, кушать я тоже хочу».
Тихо,
Прозрачно.
Сосна целовалась с осиной.
Может, назавтра их срубят на завтрак.

1921

* * *

Алые горы алого мяса.
Столовая, до такого-то часа.
Блюда в рот идут скороговоркою.
Только алое в этой обжорке.
Тучные красные окорока
В небе проносит чья-то рука.
Тихо несутся труды —
В белом, все в белом! — жрецами еды.
Снежные, дивные ломти.
«Его я не знаю, с ним познакомьте».
Алому мясу почет!
Часы рысаками по сердцу бьют
Косматой подковою лап.
Мясо жаркого течет,
Капает капля за каплей.
Воздух чист и свеж, и в нем нету гари.
На столах иван-да-марья.
Чистенькие листики у ней.
Стучат ножи и вилки
О блюда, точно льдины.
Почтенные затылки,
Седые господины.
Стол — ученик русской зимы.
Хвосты опускали с прилавка сомы.
Это кушанья поданы:
Завтрак готов.
Это кушанья падали
Усладою толп,
Речью любимой вождя
В уши пустых животов.
Кем-то зарезана эта говядина.
Белое блюдо — столб с перекладиной.
Каждое кушанье — плаха
Венчанного рогом галаха.

1921, 1922

ГОЛОД

Вы! поставившие ваше брюхо на пару толстых свай,
Вышедшие, шатаясь, из столовой советской,
Знаете ли вы, что целый великий край,
Может быть, станет скоро мертвецкой?
Я знаю, кожа ушей ваших, как у буйволов мощных, туга,
И ее можно лишь палкой растрогать,
Но неужели от «Голодной недели» вы ударитесь рысаками
в бега,
Если над целой страной повис смерти коготь?
Это будут трупы, трупы и трупики
Смотреть на звездное небо.
А вы пойдете и купите
На вечер кусище белого хлеба?!
Вы думаете, что голод — докучливая муха
И ее можно легко отогнать,
Но знайте — на Волге засуха:
Единственный повод, чтоб не взять, а — дать!
Несите большие караваи
На сборы «Голодной недели»,
Ломоть еды отдавая,
Спасайте тех, кто поседели!
Волга всегда была нашей кормилицей,
Теперь она в полугробу.
Что бедствие грозно и может усилиться —
Кричите, <трубите>, к устам взяв трубу!

1921, 1922

* * *

Мать приползла с ребенком на груди,
Усталый серп остался за порогом.
И небеса плясуньи впереди
Идут веселья богом.
Вы, руку протянув, кричали: Ля!
Тикай, — я говорю,
Чтобы смущенные поля
Увидели зарю.
Но, вея запахом ржаных полей,
Суровый кружится подол.
Так ночью кружится небесный Водолей
И в колокол оденет дол.

1921

* * *

Голод! Голод! Голод!
Сваи вбиваю в мертвые воды
Этого года.
Мысли озябшей жилище —
Холодно, холодно.
Мертвые воды льются.
Бьется в заборы утесов людей
Этот мозг.
Это мировая утроба, кормив<шая>,
Чтоб выросла гордая голова миров<ой> революц<ии>,
Требует мировой совести.
Мало народной,
Мало русской!
Сегодня три кли<ча>:
Голод в России,
Самолеты на Западе,
Горы зерна в Америке.
Соедините эти <кличи>
И вырастет с<казочно> <ветка>
Победы над голодом.
Самолеты, летите, летите,
Сейте зерно!

<1921>

* * *

Народ отчаялся. Заплакала душа.
Он бросил сноп ржаной о землю
И на восток пошел с жаной,
Напеву самолета внемля.
В пожарах степь,
Холмы святые
В глазах детей
Встают батые.
Колосьев нет... их бросил гневно
Боже ниц.
И на восток уходит беженец.

1921, март 1922

* * *

Я вышел юношей один
В глухую ночь,
Покрытый до земли
Тугими волосами.
Кругом стояла ночь,
И было одиноко,
Хотелося друзей,
Хотелося себя.
Я волосы зажег,
Бросался лоскутами колец
И зажигал кругом себя.
Зажег поля, деревья,
И стало веселей.
Горело Хлебникова поле.
И огненное Я пылало в темноте.
Теперь я ухожу,
Зажегши волосами...
И вместо Я
Стояло Мы!

<1921>

* * *

Нансен! Ты открыл материк —
        Новую Землю событий пророчества.
Когда ты входил в белую хижину самоеда,
Неужто ты не думал,
        Что голода его высочество
Прикажет России есть самое себя?

<1921>

* * *

Он с белым медведем бороться
Умеет рукою железной.
И грозной главой полководца
Он вышел, труду соболезнуя.
Щетиной глаза перевиты,
Стоит мореходец косматый,
Когда-то в волне ледовитой
С медведем купался как с братом.
Твоею судьбою очертишь
Союза другого холмы:
Норвегии, Русских, Сибири
Уделами ставшего Мы.

1921

* * *

Вши тупо молилися мне,
Каждое утро ползли по одежде,
Каждое утро я казнил их,
Слушая трески,
Но они появлялись вновь спокойным прибоем.

Мой белый божественный мозг
Я отдал, Россия, тебе.
Будь мною, будь Хлебниковым.
Сваи вбивал в ум народа и оси,
Сделал я свайную хату
— «Мы будетляне».
Все это делал как нищий,
Как вор, всюду проклятый людьми.

<1921>

* * *

Швеи проворная иголка
Должна вести стежки святые,
Чтобы уберечь грудь Свобо<до>полка
От полчищ сыпного Батыя.

<1921>

* * *

Баграми моров буду разбирать старое строение народов,
Чернилами хворей буду исправлять черновик, человеческий листок рукописи.
Крючьями чум после пожара буду выбирать бревна и сваи народов
Для нового сруба новой избы.
Тонкой пилою чахотки буду вытачивать новое здание,
Выпилю новый народ грубой пилой сыпняка.
Выдерну гвозди из стен, чтобы рассыпалось Я, великое Я,
То надевающее перстнем ваше это солнце,
То смотрящее через стекло слез собачонки.

<1921>

ДЕРЕВО

Вам срамно, дерево, расти с земли?
Боясь земли,
Брезгливо подымаешь платье,
И, оголяя ствол во мху, —
Оттоль овечьи лбы спускали клоки шерсти —
Ты подымаешь ветви вверх — как песни воинов,
Торжественным сказаньем,
Былиной о богах и пением на Красной площади
Свободного народа.
Зная, что свечек зеленых обедня
Все же темнее и хуже,
Чем руки свободы к народным вождям,
Я говорю — хорошо!

1921

ДЕРЕВО

1

Над алыми глазками малин, среди веселых голубей,
что неба голубей,
Колючие ведешь пути Берлин-Бомбей!
В часы осенней злючки, когда сыны качались дико лет,
Ты мечешь острые колючки, чтоб очи выколоть,
Людям выцарапать лицо раба.
Железным полотном Москва — Владивосток
Идешь ты в синеве, Сибирь, ночей седых свисток!
И путь сибирских поездов, примчавшихся говеть,
зеленый и стыдливый
Закончит в синеве <с> печаль<ю> лепесток.
Где полночь зеркала кудрей земной дубровы уроженка,
Течет рекою небыть, изломан путь ветвей.
Как всадника скок и стоны людей, осужденных «к стенке».
Воюя за простор, блестя глазами чародеев
И наколовши ночь на черный дрот ветвей,
Ты, дерево, дуброву ужаснуло: пространство на крючке
заснуло.
Донец-скакун, виски развеяв, летит по полю,
Копье в руке, военной радости полно.
Стучишь о звездное окно.
А у сумрака ока нет.

2

Клянусь «соседу гнев отдам!».
Дубиной русскою шумя, о, шорохи ночных ветвей!
Что умер соловей с пробитой головой.
Ты тянешь кислород ночей
Могучим неводом и споришь с высью.
Как звонка дубинушка тысячи листьев!
И месяц виноват:
В ячеях невода
Ночная синева сверкает рыбы чешуей
Тяжелым серебром.

10*

И каждое утро шумит в лесу Ницше.
И каждое утро ты, солнечный нищий,
Снимая с очей очки, идешь за копеечкой.
Звезды, даже вон те,
Говорили всю ночь о белокуром скоте.
Есть драка и драка.
И право кулака
Лесного галаха.
И, звездный птицелов,
Наводишь черный лук рукой пещерных дикарей
На длинный ряд годов
И застываешь вдруг, как воин
Подземных боен.
И под землей и над землей
Город двуликий тысячи окон,
Ныряющий в землю и небо, как окунь.
Встаешь, как ко́пья Дона,
Воюешь за объем, казалось, в поиске пространства
Лобачевского.
И ищут юноши снять клятву на мече с кого.
Одеты в золотые шишаки
Идут по сумраку полки.
С нами Бог! Топот ног.
Здесь Ермаки ведут полки зеленые
На завоевание Сибирей голубых.
Дитя войны, одето горлинками в пение,
Ты осенью оденешь терн,
Узнаешь хвой скрипение.
Воюя корнями, сражаясь медленно, дуброва
Возносит дымы серебра.
Тут
Полки листов так медленно идут
Осадой голубого,
Что раз в десятки лет
Меняют предков след.
Ветку в локоть согнув, точно воин, держащий копье,
Точно птица раскрыла свой клюв на голубое.

1921

* * *

Воздух расколот на черные ветки,
Как старое стекло.
Молитесь Богоматери осени!
Окна часовни осени,
Пулей разбитые с разбегу, морщатся.
Дерево горело лучиной в воздухе золотом.
Гнется и клонится.
Осени огниво гневно,
Высекло золотые дни.
Молебствие леса. Все сразу
Упали золотые запахи.
Деревья вытянуты, точно грабли
Для охапок солнечного сена.
На чертеж российских железных дорог
Дерево осени звонко похоже.
Ветер осени золотой
Развеял меня.

7 ноября 1921

* * *

В тот год, когда девушки
Впервые прозвали меня стариком
И говорили мне «дедушка», вслух презирая,
Оскорбленного за тело, отнюдь не стыдливо
Поданного, но не съеденного блюда,
Руками длинных ночей
В лечилицах здоровья,
В этом я ручье нарзана
Облил тело свое,
Возмужал и окреп
И собрал себя воедино.
Жилы появились на руке,
Стала шире грудь,
Борода моя шелковистая
Шею закрывала.

7 ноября 1921

* * *

Девушки, те, что шагают
Сапогами черных глаз
По цветам моего сердца.
Девушки, опустившие копья
На озера своих ресниц.
Девушки, моющие ноги
В озере моих слов.

1921

КРАСОТЕ ДЕВУШЕК

О, если б ваши глаза
Блестели бы так, как голенище сапога.
О, если б ваш рот был певуч,
Как корова, зовущая теленка.
О, если бы на ваших косах
Было бы можно повеситься
И шея не согнулась...

1921

* * *

Жестоки старые тряпки волос.
Черная пашня — лоб.
Горелые пни на болоте — губы.
Вымя дикой козы — борода.
Веревка морская — усы.
Снегурочка с черной метлой — зубы.
Бессонных ночей глаза голубые —
Точно в старом одеяле дыры.

1921

* * *

На родине красивой смерти — Машуке,
Где дула войскового дым
Обвил холстом пророческие очи,
Большие и прекрасные глаза
И белый лоб широкой кости,
Певца прекрасные глаза,
Чело прекрасной кости
К себе на небо взяло небо.
И умер навсегда
Железный стих, облитый горечью и злостью.
Орлы и ныне помнят
Сражение двух железа,
Как небо рокотало
И вспыхивал огонь.
Пушек облаков тяжелый выстрел
В горах далече покатился
И отдал честь любимцу чести,
Сыну земли с глазами неба.
И молния синею веткой огня
Блеснула по небу
И кинула в гроб травяной,
Как почести неба.
И загрохотал в честь смерти выстрел тучи
Тяжелых гор.
Глаза убитого певца
И до сих пор живут, не умирая,
В туманах гор.
И тучи крикнули: «Остановитесь,

Что делаете, убийцы?» — тяжелый голос прокатился.
И до сих пор им молятся,
Глазам
Во время бури.
И были вспышки гроз
Прекрасны, как убитого глаза.
И луч тройного бога смерти
Блеснул по Ленскому и Пушкину и брату в небесах.
Певец железа — он умер от железа.
Завяли цветы пророческой души.
И дула дым священником
Пропел напутственное слово,
А небо облачные почести
Воздало мертвому певцу.
И доныне во время бури
Горец говорит:
«То Лермонтова глаза».
Стоусто небо застонало,
Воздавши воинские почести.
И в небесах зажглись, как очи,
Большие серые глаза.
И до сих пор живут средь облаков,
И до сих пор им молятся олени,
Писателю России с туманными глазами,
Когда полет орла напишет над утесом
Большие медленные брови.
С тех пор то небо серое,
Как темные глаза.

1921

* * *

Сегодня Машук, как борзая,
Весь белый, лишь в огненных пятнах берез,
И птица, на нем замерзая,
За летом летит в Пятигорск.

Летит через огненный поезд,
Забыв про безмолвие гор,
Где осень, сгибая свой пояс,
Колосья собрала в подол.

И что же? Обратно летит без ума,
Хоть крылья у бедной озябли.
Их очи колючи, как грабли,
На сердце же вечно зима.

И рынок им жизнь убыстрил.
Их очи суровы, как выстрел.
Чтоб слушать напев торгашей,
Приделана пара ушей.

9 ноября 1921, 1922

* * *

К. А. Виноградовой

Перед закатом в Кисловодск
Я помню лик, суровый и угрюмый,
Запрятан в воротник:
То Лобачевский — ты,
Суровый Числоводск.
Для нас священно это имя.
«Мир с непоперечными кривыми»
Во дни «давно» и весел
Сел в первые ряды кресел
Думы моей,
Чей занавес уж поднят.
И я желал бы сегодня,
А может, и вчера,
В знаменах Невского,
Под кровлею орлиного пера,
Увидеть имя Лобачевского.
Он будет с свободой на «ты»!
И вот к колодцу доброты,
О, внучка Лобачевского,
Вы с ведрами идете,
Меня встречая.
А я, одет умом в простое,
Лакаю собачонкой
В серебряном бочонке
Вино золотое.

10 ноября 1921

* * *

Облако с облаком
Через воблы ком,
Через бублики
Бросили вливы
Шелеста девы.
Светлых губ лики,
Тени, утесы ли?
И были
Трупы моря,
Вздымали рукой великанов
Постели железа зеленого — крыши,
Поля голубые
Для босикóв облаков, босых белых ног.
Город был поднят бивнями звезд,
Черные окна темнели, как О,
Улица — рыба мертвых столетий,
Из мертвых небес, из трупов морей,
Мясо ночных великанов.
Черные дыры в черепе белом — ночь такова.
Там, где завода дорог чугуна
Для ног наковал,
Глухой, сумрачный нынче,
Громко пел тогда голос Хлебникова
О работнице, о звездном любимце.
Громадою духа он раздавил слово древних,
Обвалом упал на старое слово коварно,
Как поезд, разрезавший тело Верхарна.
Вот ноги, вот ухо,
Вот череп — кубок моих песен.
Книга-старуха,
Я твоя есень!

1921

* * *

На стенку вскочила цыганка
В красном и желтом, где много огня,
Где знойное вечер хотело отнять,
Где кружево скрыло глаза на засов,
Треском ладоней сказать — хорошо!
Вот они, милые, вот они,
Слепою кишкою обмотаны,
Кривые тугие рога.
Черной громадой бугая
Всех малокровных пугая,
Тайных друзей и врага,
Кишкой, как косынкой алой, обмотаны
Косые, кривые рога —
В Троицын день повязка березы тугая.
И пока
На боках
Серебрилась река
Солнечного глянца,
Какого у людей гопака
Искала слепая кишка
Слепого коня,
Боязливая раньше?
Молчащей былины певца
Сверкали глаза голубые слепца.
— Слепого коня, еще под седлом —.
Белый хвост вился узлом.
Подпруги чернеет ремень,
Бессильные звуки стремян.
Рукоплесканья упали орлом.
И трупной кровью был черен песок,
И люди шумели листами осок.
Копье на песке сиротело.

Металося черное тело.
И, алое покрывало
Вкапывая в песчище,
Черный бугай носился, кружился,
И снова о пол настойчиво топал.
Это смех или ржанье, или сдавленный крик?
Топтал и больно давил,
Наступая всей тяжестью туши,
И морду подымал и долго слушал.
Ужели приговора звезд?
И после рвал копытами желудок,
Темницу калуг, царских кудрей и незабудок.
Ребра казались решеткой.
[Солнца потомки, гуляя, ходили по ней,
По шкуре казненных быками коней.]
Цыганка вскочила на стенку,
Деньгою серебряных глаз хороша.
Животных глаз яркие лились лучи,
Где бык
Казненного плоть волочил
И топтал пузыри голубые.
У стенки застенчиво смерть отдыхала.
— К стенке! К стенке! — так оттолкнувши нахала, —
Не до усов.
Не отдыхала восемь часов.

1921

* * *

Пусть пахарь, покидая борону,
Посмотрит вслед летающему ворону
И скажет: в голосе его
Звучит сраженье Трои,
Ахилла бранный вой
И плач царицы,
Когда он кружит, черногубый,
Над самой головой.
Пусть пыльный стол, где много пыли,
Узоры пыли расположит
Седыми недрами волны.
И мальчик любопытный скажет:
Вот эта пыль — Москва, быть может,
А это — Пекин иль Чикаго пажить.
Ячейкой сети рыболова
Столицы землю окружили.
Узлами пыли очикажить
Захочет землю звук миров.
И пусть невеста, не желая
Носить кайму из похорон ногтей,
От пыли ногти очищая,
Промолвит: здесь горят, пылая,
Живые солнца и те миры,
Которых ум не смеет трогать.
Закрыл холодным мясом ноготь.
Я верю, Сириус под ногтем
Разрезать светом изнемог темь.

1921, 1922

* * *

Просьба великих столиц:
— Боги великие звука,
Волнуя пластину земли,
Вы пробегаете по небу,
Пыль рода людей
Собрали в столицы
Узлами стояния волн,
Сетью единой,
Многосетник столиц
Их чертеж.
— Люди!
Мы великие звуки,
Волнуем вас,
Даем вам войны,
Гибели царств.
Мы дикие кони,
Приручите нас,
Мы понесем вас
В другие миры.

1921

* * *

Старый скрипач
Играл для друзей.
И боги красивые звуков
Плескались детьми.

1921

ДОЖДЬ

Йверни выверни,
Серый игрéнь,
Травы топча.
Кýчери тучери,
Очери ночери,
Точери тучери,
Дочери вечери
Длинные кудри
Чуткими четками
Течи и тучи.
Иверни выверни,
Умный игрень.
Это на око ночная гроза,
Это наука легла на глаза.
В дол свободы,
Сын погонь,
Ходы, ходы,
Добрый конь.
Это Погода или Подáга
Моется мокрою губкой дождя.
Эй, выноси, иноходец, вождя!

1921

* * *

В щеки и очи
Сегодня больше и больше пощечин.
Товарищи! Товарищи!
На что тебе цари?
Когда ты можешь крикнуть: «дурак, стой!»
Приятелю с той половины земного шара.
Пора
Царей прочь оторвать,
Как пуговицу штанов, что стара
И не нужна и их не держит.
А говорят, что самодержец —
С небесными и сине-голубыми глазами...
Эй, винтовочка любезная,
Камни с перстня снять!
И в тайгу исчезну я.
Камушки для мамушки,
А для царей — пуля винтарей.
Охала, ухала, ахала
Вся Россия-матушка.
Погоди, платком махала?
А нам что...
Каждый с усами нахала,
В ус не дуем ничего,
Кулачищи наши — во!

Это хаты, согнувшись, ползут,
Берут на прицел
Белых царей.

Вот она, вот она
Охота на белых царей.
Нет, веревкой пеньковой обмотана
Свобода висит на кремле.
Старики трясут головой,
В ямах глаз — кури<тся> месть,
Вылетели из лохмоты руки исхудалые,
Как голуби птицы из гнезд.
Пусть пулеметы та-та-та!
Иди смелее, нищета!

Наши жизни — торцы мостовой,
Чтоб коляски каталися, балуя?
Долой этих гадов, долой!
Катался, пожалуй, я!
Сутки возьми пушки стволом,
Что молча смотрит в окна дворцов,
После шагай напролом
В страну детей или отцов.
Голод порохом будет,
Ядром — нагие, бегущие по снегу, люди.
Грянет. Народ.

Зловещи, как убийцы или заговорщики,
Огромной шляпой нахлобучив тучу,
Стоят ночные небоскребы.
Неси туда огонь летучий,
Неси туда раскаты злобы.
Он, он с народом спорщик —
Давайте небу оплеухи,
Пусть долго не сможет смыть позор щеки.

1921

* * *

Кобылица свободы. Дикий бег напролом.
    Грохот падавших орлов.
Отсвет ножа в ее
Синих глазах,
Не самодержавию
Бег задержать.
Скачет, развеяв копытами пыль,
Струи волос разметав вдогонку,
Гневная скачет пророчица.
Царская быль
Бьется по камням, волочится.
На ней, как алая попона,
Бьется красный день Гапона.
В глазах ее пламя и темя,
В устах ее пена.
Пали цари
С обрывком уздечки в руке,
И охота за ними
«Улюлю» вдалеке
Воет вдаль победительным рогом.
Вот она, вот она,
Охота на белых царей.
С петлей звероЛова,
С лицом деволова
Вышел охотник.
Нет, веревкой пеньковой обмотана
Свобода висит на кремле.

1921

* * *

Я вспоминал года, когда,
Как железные стрижи,
Пули, летя невпопад,
В колокола били набат.
Царь — выстрел вышли!
Мы — вышли.
А, Волга, не сдавай!
Дон, помогай!
Кама, Кама! <Где твои орлы?>
Днепр, где твои чубы?
Это широкие кости,
Дворцов самочинные гости,
Это ржаная рать
Шла умирать.
С бледными, злыми, зелеными лицами,
Прежде добры́ и кротки́,
Глухо прорвали плотину и хлынули
Туда, где полки
Шашки железные наголо вынули.
Улиц, царями жилых, самозваные гости!
Улиц спокойных долгие годы!
Это народ выпрямляется в росте
С знаменем алой свободы.
Брать плату оков с кого?
И не обеднею Чайковского,
Такой медовою, что тают души,
А страшною чугунною обедней
Ответил выстрел первый и последний,

Чтоб на снегу валялись туши.
Дворец безумными глазами,
Дворец свинцовыми устами
Похож на мертвеца,
Похож на Грозного-отца,
Народ любимый целовал...
Тот хлынул прочь, за валом вал.
Над Костромой, Рязанью, Тулой,
Ширококостной и сутулой,
Шарахал веник пуль дворца.
Бежали, пальцами закрывши лица,
И через них струилась кровь.
Шумела в колокол столица.
Но то, что было, будет вновь!
Чугунных певчих без имен —
Придворных пушек рты открыты.
Это отец подымал свой ремень
На тех, кто не сыты.
И, отступление заметив,
Чугунных певчих Шереметев
Махнул рукой, сказав «довольно
Свинца для сволочи подпольной».
С челюстью бледной, дрожащей, угрюмой,
С остановившейся думой
Шагают по камням знакомым:
«Первый блин комом».
Вот она, вот она, вот она,
Охота на белых царей!
Нет. Веревкою серой обмотана
Свобода висит на Кремле.

1921, 1922

* * *

Могила царей —
Урал,
Где кровью царей
Руки свои замарал
Эль этих лет,
Крикнув «ура!».

1921

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Где выходили цари,
Чтоб выть зимой
Над крышами дворцов,
Подняв головы к звездам,
И ползал царский полк, как волки,
Вслед за венценосным вождем
На четвереньках по площади —
Любимый полк царя,
Которому водка
Не была лекарством от скуки.

<1921>

НА СЕВЕРЕ

В замке чума,
Воет зима.
В Неве Рим,
В Неве Рим.
— Третий!
Не верим,
Не верим.
<Плети!>
В замке зима,
И север просеял
Красу вер
Как сивер.
В замках чума.

<1921>

* * *

Русь, ты вся поцелуй на морозе!
Синеют ночные дорози.
Синею молнией слиты уста,
Синеют вместе тот и та.
Ночами молния взлетает
Порой из ласки пары уст.
И шубы вдруг проворно
Обегает,
Синея, молния без чувств.
А ночь блестит умно и чорно.

1921

* * *

Русь, зеленая в месяце Ай!
Эй, горю́-горю́, пень!
Хочу девку — исповедь пня.
Он зеленый вблизи мухоморов.
Хоти девок — толкала весна.
Девы жмурятся робко,
Запрятав белой косынкой глаза.
Айные радости делая,
Как ветер проносятся
Жених и невеста, вся белая.
Лови и хватай!
Лови и зови огонь горихвостки.
Туши поцелуем глаза голубые.
Шарапай!
И, простодушный, медвежею лапой
Лапай и цапай
Девичью тень.
Ты гори, пень,
Эй, гори, пень!
Не зевай!
В месяце Ай
Хохота пай
Дан тебе, мяса бревну.
Ну?
К девам и жонкам
Катись медвежонком.
Или на панской свирели
Свисти и играй. Ну!

Ты собираешь в лукошко грибы
В месяц Ау.
Он голодай, падает май.
Ветер сосною люлюкает,
Кто-то поет и аукает,
Веткой стоокою стукает.
И ляпуна не поймать
Бесу с разбойничьей рожей.
Сосновая мать
Кушает синих стрекоз.
Кинь ляпуна, он негожий.
Ты, по-разбойничьи вскинувши косы,
Ведьмой сигаешь через костер,
Крикнув: «струбай!»
Всюду тепло. Ночь голуба.
Девушек толпы темны и босы,
Темное тело, серые косы.
Веет любовью. В лес по грибы:
Здесь сыроежка и рыжий рыжик
С малиновой кровью,
Желтый груздь, мохнатый и круглый,
И ты, печери́ца,
Как снег скромно-белая,
И белый, крепыш с толстой головкой.
Ты гнешь пояса,
Когда сенозорник.
В темный грозник
Он — месяц страдник,
Алой змеею возник
Из черной дороги Батыя.
Колос целует
Руки святые
Полночи богу.
В серпня неделю машешь серпом,
Гонишь густые колосья,
Тучные гривы коней золотых,
По́том одетая, пьешь
Из кувшинов холодную воду.
И в осенины смотришь на небо,

На ясное бабие лето,
На блеск паутины.
А вечером жужжит веретено.
Девы с воплем притворным
Хоронят бога мух,
Запекши с малиной в пирог.
В месяц реун слушаешь сов,
Урожая знахарок.
Смотришь на зарево.
После зазимье, свадебник месяц,
В медвежьем тулупе едет невеста,
Свадьбы справляешь,
Глухарями украсив
Тройки дугу.
Голые рощи. Сосна одиноко
Темнеет. Ворон на ней.
После пойдут уже братчины.
Брага и хмель на столе.
Бороды политы серыми каплями,
Черны меды на столе.
За ними зимник —
Умник в тулупе.

1921

МОИ ПОХОДЫ

Коней табун, людьми одетый,
Бежит назад, увидев море.
И моря страх, ему нет сметы,
Неодолимей детской кори.
Но имя веры, полное Сибирей,
Узнает снова Ермака —
Страна, где замер нежный вырей,
И сдастся древний замок А.
Плеск небытия за гранью Веры
Отбросил зеркалом меня.
О, моря грустные промеры
Разбойным взмахом кистеня!

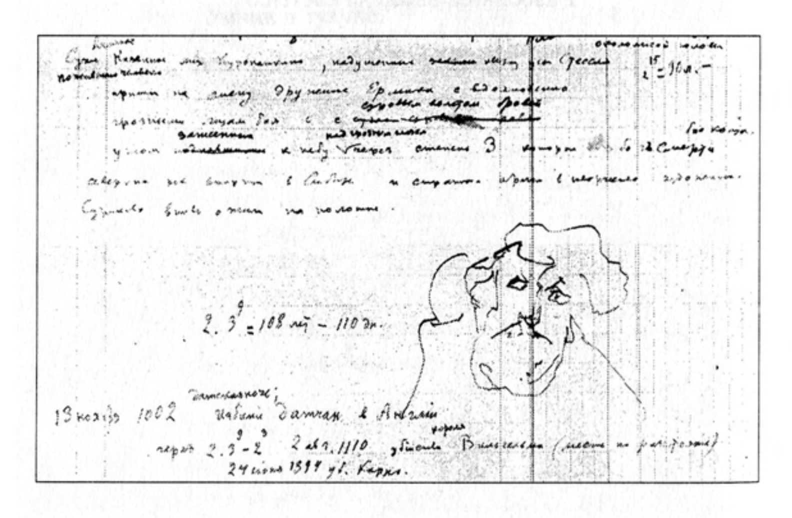
1921, 1922

11

СИБИРЬ

Зимами рек полосатая,
Ты умела быть вольной,
Глаз не скосив на учебник
1793-его года,
          Как сестры твои.
Ты величавее их
И не хочешь улова улыбок
Даже в свободе.

1921

Страница рукописной тетради 1921 г.: изображение Ермака, завоевателя Сибири, среди историко-хронологических сопоставлений.

САЯН

1

Саян здесь катит вал за валом,
И берега из мела.
Здесь думы о бывалом
И время онемело.
Вверху широким полотнищем
Шумят тревожно паруса,
Челнок смутил широким днищем
Реки вторые небеса.
Что видел ты? войска?
Собор немых жрецов?
Иль повела тебя тоска
Туда, в страну отцов?
Зачем ты стал угрюм и скучен,
Тебя течением несло,
И вынул из уключин
Широкое весло?
И, прислонясь к весла концу,
Стоял ты очарован,
К ночному камню одинцу
Был смутный взор прикован.
Пришел охотник и раздел
Себя от ветхого покрова,
И руки на небо воздел
Молитвой зверолова.
Поклон глубокий три ра́за,
Обряд кочевника таков.

11*

«Пойми, то предков образа,
Соседи белых облаков».
На вышине, где бор шумел
И где звенели сосен струны,
Художник вырезать умел
Отцов загадочные руны.
Твои глаза, старинный боже,
Глядят в расщелинах стены.
Пасут оленя и треножат
Пустыни древние сыны.
И за суровым клинопадом
Бегут олени диким стадом.
Застыли сказочными птицами
Отцов письмена в поднебесье,
Внизу седое краснолесье
Поет вечерними синицами.
В своем величии убогом
На темя гор восходит лось
Увидеть договора с богом
Покрытый знаками утес.
Он гладит камень своих рог
О черный каменный порог.
Он ветку рвет, жует листы
И смотрит тупо и устало
На грубо-древние черты
Того, что миновало.

2

Но выше пояса письмён
Каким-то отроком спасен,
Убогий образ на березе
Красою ветхою сиял.
Он наклонился детским ликом
К широкой бездне перед ним,
Гвоздем над пропастью клоним,
Грозою дикою щадим,
Доской закрыв березы тыл,
Он, очарованный, застыл.

Лишь черный ворон с мрачным криком
Летел по небу, нелюдим.
Береза что́ ему сказала
Своею чистою корой,
И пропасть что́ ему молчала
Пред очарованной горой?
Глаза нездешние расширил,
В них голубого света сад,
Смотрел туда, где водопад
Себе русло ночное вырыл.

<1921>

ПРАОТЕЦ

Мешок из тюленей могучих на теле охотника,
Широко льются рыбьей кожи измятые покровы.
В чучеле сухого осетра стрелы
С орлиными перышками, дроты прямые и тонкие
С камнем, кремнем зубчатым на носу и парою перьев
орлиных на хвосте.
Суровые могучие глаза, дикие жестокие волосы у охотника.
И лук в руке, с стрелою наготове, осторожно вытянут вперед,
Подобно оку бога в сновидении, готовый ринуться
певучей смертью: дззи!
На грубых круглых досках и ремнях ноги.

<1921>

* * *

Сто десять тысяч тюленей грустят,
Чьи очеса людовиты,
Этих божеств моря и леней
Было убито
В море плача волос,
Пока земля поворачивалась
В 24 часа,
Чтобы закрылись их очеса.
А море кругом ледовито.
Вот он с неба спустился, людина, —
Может, тюленев Будда?
Может, сошли Магометы?
Нет, окровавлена льдина.
Будут плакать тюлени и я.
        Беда.
В крови полынья.
У человечества в небе
      Земные приметы.

<1921>

«Заумники» 1922. Обложка А.М.Родченко.

Д.Д.Бурлюк. Фотография. 1916.

БУРЛЮК

С широкой кистью в руке ты бегал рысью
И кумачовой рубахой
Улицы Мюнхена долго смущал,
Краснощеким пугая лицом.
Краски учитель
Прозвал тебя
«Буйной кобылой
С черноземов России».
Ты хохотал
И твой живот трясся от радости буйной
Черноземов могучих России.
Могучим «хо-хо-хо!»
Ты на всё отвечал, силы зная свои.
Одноглазый художник,
Свой стеклянный глаз темной воды
Вытирая платком носовым
И говоря «Д-да!»,
Стеклом закрывая
С черепаховой ручкой,
И точно бурав
Из-за стеклянной брони, из-за окопа
Внимательно рассматривая соседа,
Сверлил собеседника, говоря недоверчиво: «д-да».
Вдруг делался мрачным и недоверчивым, скорбным.
Силу большую тебе придавал
Глаз одинокий.
И, тайны твоей не открыв,
Что мертвый стеклянный шар

Был товарищем жизни, ты ворожил.
Противник был в чарах воли твоей,
Черною мутною бездной вдруг очарован.
Братья и сестры, сильные хохотом, все великаны,
С рассыпчатой кожей, рыхлой муки казались мешками.
Перед невидящим глазом
Ставил кружок из стекла,
Оком кривой, могучий здоровьем, художник.
Разбойные юга песни порою гремели
Через рабочие окна, галка влетела, увидеть в чем дело.
И стекла широко звенели
На Бурлюков «хо-хо-хо!».
Горы полотен могучих стояли по стенам.
Кругами, углами и кольцами
Светились они, черный ворон блестел синим клюва углом.
Тяжко и мрачно багровые и рядом зеленые висели холсты,
Другие ходили буграми, как черные овцы волнуясь,
Своей поверхности шероховатой, неровной,
В них блестели кусочки зеркал и железа.
Краску запекшейся крови
Кисть отлагала холмами, оспой цветною.
То была выставка приемов и способов письма
И трудолюбия уроки.
И было всё чарами бурлючьего мертвого глаза.
Какая сила искалечила
Твою непризнанную мощь
И дерзкой властью обеспечила
Слова: «Бурлюк и подлый нож
В грудь бедного искусства?»
Ведь на «Иоанне Грозном» шов —
Он был заделан позже густо —
Провел красиво Балашов.
Россия — расширенный материк
И голос Запада громадно увеличила,
Как будто бы донесся крик
Чудовища, что больше тысячи раз.
Ты, жирный великан, твой хохот прозвучал по всей России.
И, стебель днепровского устья, им ты зажат был в кулаке,
Борец за право народа в искусстве титанов,

Душе России дал морские берега.
Странная ломка миров живописных
Была предтечею свободы, освобожденьем от цепей.
Так ты шагало, искусство,
К песне молчанья великой.
И ты шагал шагами силача
В степях глубоко жирных
И хате подавал надежду
На купчую на земли,
Где золотились горы овинов,
Наймитам грусти искалеченным.
И, колос устья Днепра,
Комья глины людей
Были послушны тебе.
С великанским сердца ударом
Двигал ты глыбы волн чугуна
Одним своим жирным хохотом.
Песни мести и печали
В твоем голосе звучали.
Долго ты ходы точил
Через курган чугунного богатства
И, богатырь, ты вышел из кургана
Родины древней твоей.

1921

КРУЧЕНЫХ

Лондонский маленький призрак,
Мальчишка в тридцать лет, в воротничках,
Острый, задорный и юркий,
Бледного жителя серых камней
Прилепил к сибирскому зову на «чёных».
Ловко ты ловишь мысли чужие,
Чтоб довести до конца, до самоубийства.
Лицо энглиза, крепостного
Счетоводных книг,
Усталого от книги.
Юркий издатель позорящих писем,
Небритый, небрежный, коварный.
Но — девичьи глаза.
Порою нежности полный.
Сплетник большой и проказа,
Выпады личные любите
Вы — очаровательный писатель,
Бурлюка отрицательный двойник.

1921

КАК Я УВИДЕЛ ВОЙНУ?

Ястребиное лицо в оспе.
Мокрые всклокоченные кудри.
Товарищи молча
Прижали руки и ноги к скамье поезда.

— Ать!.. урр... урр... хырр...
Стой, гад,
Белая рожа,
Стой, не уйдешь!
Сколько? Десять тысяч?
Слушай, браток, нож есть?
Зарежем — купец,
Господа мать!
Богова мать!
Зарежу как барана.
Азь-два,
Ноги вдевать в стремена!
Но-жки!
Первый, имени Ленина взвод,
За мной!
Направо — руби, налево — коли, ать!
Красные моряки, здорово!
Хра... хрра, хрра...
Азь-два, порядок наведи...
Товарищи кубанцы,
Готовь на переправу. Стой!
Первый осетинский конный полк,
Шашки выдергать!..
— Вон, ать!
  Ну, хорошо, хорошо,
  Радуйся, курва.
  — Познакомьтесь.
  — А, очень приятно.
  И я русский...
  У меня вино.
  А, хорошо, теперь легче.
  Спасибо!

Что, поляки?
Годок, где мы, в Тернополе?

Поезд стоит у Ростова.
— Тише, тише...
Кричит больной ребенок.
— Ш-ш-шы...
Бабы кормили детей голой грудью.
Няньки мыли грязный пол.
Так через окошко припадка
Я раз увидел войну
На излете трех лет.

9 декабря 1921

* * *

На глухом полустанке
С надписью «Хапры»,
Где ветер оставил «Кипя»
И бросил на землю «ток»,
Ветер дикий трех лет.
Ветер, ветер,
Сломав жестянку, воскликнул: вот ваша жизнь!
Ухая, охая, ахая, всей братвой
Поставили поваленный поезд
На пути — катись.
И радостно говорим все сразу: есть!
Рок, улыбку даешь?

14 декабря 1921

* * *

Москва, ты кто?
Чаруешь или зачарована?
Куешь свободу
Иль закована?
Чело какою думой морщится?
Ты — мировая заговорщица.
Ты, может, светлое окошко
В другие времена,
А может, опытная кошка:
Велят науки распинать
Под острыми бритвами умных ученых,
Застывших над старою книгою
На письменном столе
Среди учеников?
О, дочь других столетий,
О, с порохом бочонок —
<Твоих> разрыв оков.

15 декабря 1921

МОСКВА БУДУЩЕГО

В когтях трескучих плоскостей,
Смирней, чем мышь в когтях совы,
Летели горницы
В пустые остовы и соты,
Для меда человека бортень,
Оставленные соты
Покинутого улья
Суровых житежей.
Вчера еще над Миссисипи,
Еще в пыли Янтцекиянга
Висела келья
И парила и взором лени падала
К дворцу священного безделья,
И, весь изглоданный полетами,
Стоял осенний лист
Широкого, высокого дворца.
Под пенье улетавших хат
Лист города изглоданный
Червём полета,
Лист осени гнилой
Сквозит прозрачным костяком
Истлевшей и сопревшей сердцевины.
Пусть клéтчатка жилая улетела —
Прозрачные узоры сухожилья
И остова сухой чертеж
Хранились осенью листа.
Костлявой ладонью узорного листа
Дворец для лени подымал
Стеклянный парус полотна.

Он подымался над Окой,
Темнея полыми пазами,
Решеткою пустою мест,
Решеткою глубоких скважин
Крылатого села,
Как множество стульев
Ушедшей толпы:
«Здесь заседание светлиц
И съезд стеклянных хат».

<1921>

КТО?

Парень
С слоновьим затылком
И нежными и добрыми громадными неловкими ушами
Выпятил вперед,
Свесив губу, как слово «так!»,
Свой железный подбородок
Вождя толп,
Прет впереди, вперед и вперед!
С веселыми глазами
Крушения на небе летчик,
Где мрачность миров осыпана
Осколками птицы железной,
Веселой птицы осколками.
Богатырь с сажень в плечах.
И слабыми, добрыми губами —
Кто он?
Бывало, своим голосом играя, как улыбкой,
Он зажигает спичку острот
О голенище глупости...

<1922>

* * *

Трижды *Вэ*, трижды *Эм*!
Именем равный отцу!
Ты железо молчания ешь,
Ты возницей стоишь
И сло́ва гонишь бичем
Народов взволнованный цуг!

1922

ПРИЗНАНИЕ

Корявый слог

Нет, это не шутка!
Не остроглазья цветы.
Это рок. Это рок.
Вэ-Вэ Маяковский! — я и ты,
Нас как сказать по-советски,
Вымолвить вместе в одном барахле?
По-рософесорэ́,
На скороговорок скорословаре?
Скажи откровенно:
Хам!
Будем гордиться вдвоем
Строгою звука судьбой.
Будем двое стоять у дерева молчания,
Вымокнем в свисте.
Турок сомненья
Отгоним Собеским
Яном от Вены.
Железные цари,
Железные венцы
Хама
Тяжко наденем на́ голову,
И — шашки наголо!
Из ножен прошедшего — блесните, блесните!
Дни мира, усните,
Цыц!
Старые провопли Мережковским, усните.
Рыдал он папашей нежности нашей.
Звуки — зачинщики жизни.
Мы гордо ответим
Песней сумасшедшей в лоб небесам.
Грубые бревна построим
Над человеческим роем.
Да, но пришедший
И не Хам, а Сам.

1922

ОРИВАЯ РЕЧЬ

Ты оривая да оранная,
Ты орунная, ты орецкая
        Речь!
Он орал-орал, недоарывал,
        Переарывал,
Он бросал-метал оренят своих,
Криченят малых на орилище,
На орилище многоорое,
        Звонкогорлое.
А потом он словно гомон
Разорахивал да поахивал,
Орунов он звал в орограде том
Жить оратеньки, жить оратенько
Да по-орецки жить ураково,
        Да орёхонько.
        Свое оре он,
        Свое горе он
Переорами да проорами
        Переарывал.
Исповедует, пересказывает
        Да рассказывает!
На оримый люд он показывает.
        На орины он,
        На орины вел,
        Тех орес орло
        На оребен нес
На оромое да огромное
        Всенародное
        Распевалище,
        Разоралище.

1922

Октябрь 1916. 135

12/25 Среда. — Андроника. 286—80

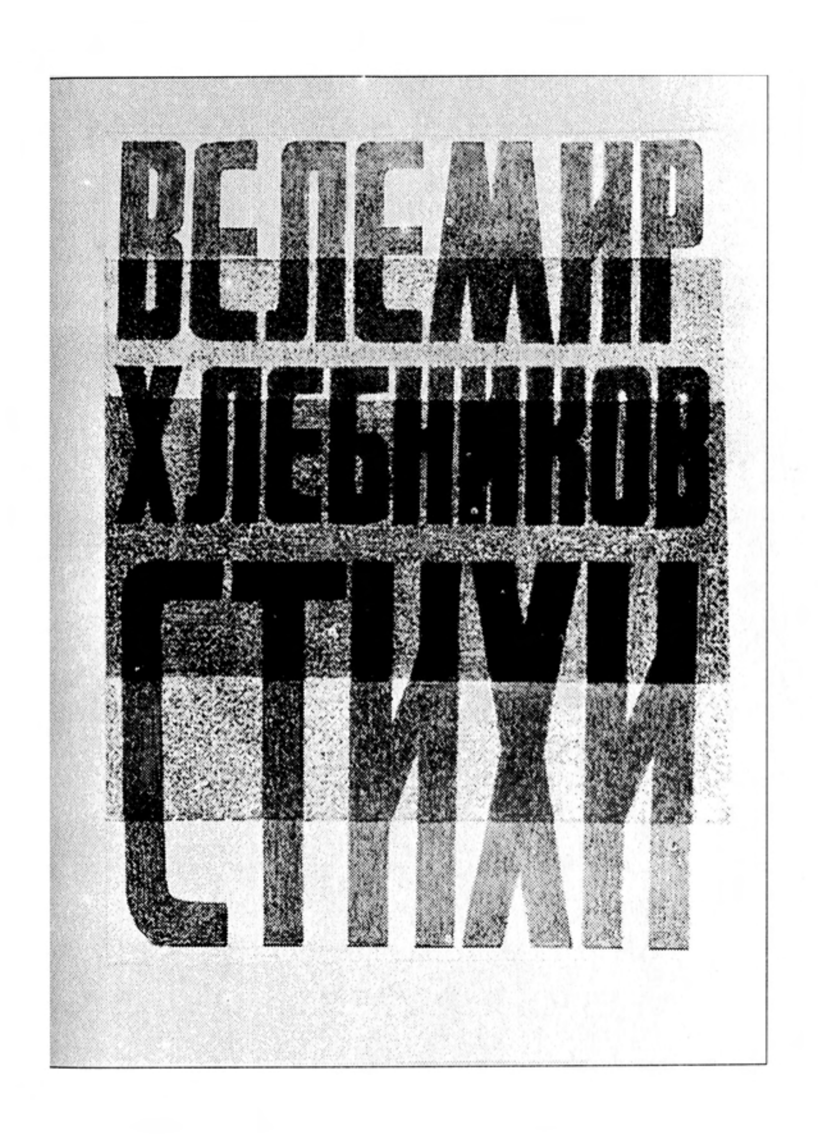
о Природе дружбы.
Существуют ли правила дружбы
Я, Маяковский, Каменский,
Бурлюк может быть не
были друзьями в нежном смысле
Но судьба отсекла из этих имен
один [illegible] Маяковский родился
И что же Маяковский
ровно через 365.11 после Бурлюка,
очищая високосные дни

13/26 Четверг. — [illegible] 287—79

между мной и Бурлюком 1206 дн.
между мной и Каменским 571 дн.
284.2 = 568 = 284+3
между Бурлюком и Каменским
638 дней
между мной и Маяковским
2809 д.

1206 3380 маяк.
Бурлюк. Кам. В 2809
а 571
638
4015 = 365.11

«О природе дружбы».
Страница из записной книжки В.В.Хлебникова. 1922 г.

Посмертный сборник В.В.Хлебникова. 1923. Обложка А.Борисова.

* * *

Оснегурить тебя
Пороши серебром.
Дать большую метлу,
Право гнать зиму
Тебе дать.

1922

* * *

Приятно видеть
Маленькую пыхтящую русалку,
Приползшую из леса,

Прилежно стирающей
Тестом белого хлеба
Закон всемирного тяготения!

1922

* * *

Есть запах цветов медуницы
Среди незабудок
В том, что я,
Мой отвлеченный строгий рассудок,
Есть корень из нет-единицы,
Точку раздела тая,
К тому, что было,
И тому, что будет,
          Кол.

1922

* * *

Дорога к людей уравнению
Легла сквозь леса уравнений.
Там поет число,
Верещит, шумит
На ветвях величин.

<1922>

С БОГОМ В ЖЕЛЕЗКУ

Насыпал горкою деньгу рок.
А я червонной девой — как нож в бок!
Он сделал серыми синие глаза.
— Нехороший поступок, резкий.
А я вынул туза
В серебряном блеске...

1922

* * *

— На чем сидишь, русалочка?
— На мертвеце.
Он — тверже камня.
Курю зарю
Пепла дымную.
Эх, я городская дева.
Он гомер. Он замер. Он вымер.
    Ревом бури и медведя
Лоносмертью, лоногоном,
Добурный гон лонины,
Мы проходим в земеже!
Зарею земесной, ветром земес
Смотрели
Менеятия черепа глаз
Туши запах.
Менеятья нетынного взора
    Ничвидят.
    Нетучая туча над ним.
Толпою грезеев
Толпурные кудри
Упали.
Бел
Тела
Строгий столбур, раскинуты ноги.
Всутствие
Трепетных духов, нетей ночных
Тише!
    Тише!

1922

ИЗ БУДУЩЕГО

Радуга радостей,
Воры волоса,
— Горы голоса!
Мирвежие очи, их свят свет.
Донынное зло,
— Зло хохотал раньшевик...
Илила очей.
Шагов скоровик.
Полуочи — полуморе!
Молчи, тишак!
Дворец — людовик,
Дворец — летовик,
Туч летерик
Златоглазастый,
Тоня небесная —
Золотых очей длинный невод:
Это летел летерик
Людовитый, вспенив волны небес.
Волга неба вспенилась тучами.
Из тысяч пещер человеческих
Перо золотое.
Лебедь пера золотого.

1922

* * *

Это парус рекача
Буречурит, рокоча.
Царь лени падает с поестола.
Младоста воли,
Струг Волги плыл,
Плыл трупа видняком.
Этавлем шишаков
В этотах берегов
Блестит зарей.
Нетот прибой
Стучал в бока,
И палуба этела мечевой,
Чернели Волги нетежи.
И ножведе́й молчала шайка.
Плыл шалоста — челн,
Божествовал, можествовал
В нетынных берегах
Могач челнов.
Косые шлемов зорчаки,
Шороховая речь парусов,
В нетебне волн плещебны весел,
Нетавли голубые.
Здесь малоста людей стоит
Над отцепеплом старых лет,
Толпец свободы и завета.
Тихоста ветер, шуми!
Над святостой старых полотен
Силоста волн,
Лютоста бар, свирепоста боя,

Милоста крепоста нищих,
Радоста младоста нищих.
Кольчугой багровой огнебен,
Зловещи кумачовые огни,
Нетучи тучи голоса
Над черной нетотой ночей.
Могучей Волги шумежи,
Ництрусы, мородеи и ножведы,
Кровавыми лужами гордеи
Пустынных зорь лучи
Зажгли собеса силачи.
Кругом товарищей нетняк,
Ярила кистенем в час боя,
Нежалоста бояр.
Очами палачея в злобняке,
Стоит надежда голытьбы —
Великий вероста села.
И меч, усталый от харчей,
Гороха белых черепов,
Висел на поясе.
Мужак столетий, волоста судна
Замолчал, одинцуя на палубе,
В потопы вод вбивая сваи теней.
Он шумел парусами,
Людняк розняки,
Голод инес надувал этот парус,
Инея, инея летел за инуты.
Куда этавель этот челн,
Оттудень чужоких туч?
Зачем веслу реки харчи?
Глодать задумали прибоем?
Куда, мечтынею полна,
По Волге веслами зачемкать
Зовет волгарская волна?
Вдали онечество синеет —
Они онечеству угрозой.
И улицы реки жидки
Меж чароятий берегов.
Ототы давят узняки,

Громадные серые перья уронит журавель,
Туч пехотинец,
Дико грозный парусавель,
Острокрылый ночлег вольтьбы,
По дороге оставляет гробы.
И мертвецеющая ночь,
Где толпецы стояли мозны,
Кого озаряла?
Орланы — верланы,
Гроза отобняка,
Чей глаз рассержен ночеятью?
Чья дыба гнева на дыбы
Взметнула брови?
Огню ли иль ночной воде
Юноста волн?
Нет мероятий крови.
Зарчи зрачков зачем в изломе
Стянули лик узлами малогуры?
Милы милавли светлы
Онцовой кольчугой,
Стонцовые гусли в руке.
Ончие смерти, стончие губы,
Любимцы боеяти стран,
Отрупить поля могачи.
Удалецкий огонь
Сиротою ночей,
Не боится погонь
Вольный полк могачей.
И шишак пылает зарин,
Овца волков сыневи.
Голос Волги синевы
Полетел в ночные горы.
То свирелями войны
Просвистали бедогуры.
Негведь, зачем шишака
Красиво литою волною
Заслонил золотохарей рун?

1922

12*

МОРСКОЙ БЕРЕГ

Выстрел отцел. Могилы отцели.
Я волил быть цел, но волны умчали от цели.
На небе был ясен приказ: убегай!
Синяя степь рыбака
Билась о жизни бока.
Умчурное море и челн,
Где выстрел Онегиным волн,
И волны смеялись над смертью своей,
Летя в голубой отобняк,
Смеялися волны над гробом.
Сваи Азбуки были вчера
Оцелованы пеной смертей.
В парчовом снегу идет божестварь,
Илийного века глашатай.
Колосьями море летит на ущерб,
Но косит колосья строгой отмели серп.
Те падают в старую тризну,
Очами из жемчуга брызнув.
И сумрак времен растолкать
Ночная промчалася кать.
Ончина кончины! Тутчина кончины!
Прилетавли не сюда
Отшумели парусами,
Никогдавли навсегда.
Тотан, завывающий в трубы
Ракушек морских
О скором приходе тотот.
Тотан, умирающий грубо,
И жемчуговеющий рот.
Слабыня мерцающих глаз,
Трупеет серебряный час.
Ончие зовы! Ончие стоны!

Этаны! Этаны!
Какоты такоты!
Утесы священных отот!
Отийцы! ототы! вы где?
Выстрелы слез вдалеке.
Этóт пролит на землю мешок.
Пилы времен трупы людей перепилили.
В кузне шумен перепел «Или».
Тутобы с тотобой борьба,
Утесы могучих такот.
Камнеправды дикий топот
По вчерашним берегам.
Отун синевы замолчал...
Инь, волнуйся! Синь, лети!
Бей, инея, о каменья!
Пегой радугой инес,
Пегим жемчугом каменьев
Бей и пой! вне цепей!
Тутырь замолчал навсегда,
Одетый в потопы.
Приходы великих тихес
На пенье великой онели,
На пенье великих шумен.
Этóт каменеют утесы и глыбы,
Как звери столетий сидят,
Жрецов заседанье.
Этаны! Этаны, проснитесь!
Выстрелы — высь травы!
Тутоты стоят черным храмом морей.
Менавль пронесся по волнам.
Синеет, инея, волна.
Ончие тучи неслись,
Онели свирели.
Хочет покой
Литься илийной рекой
Иливо, иливо, иливо
В глубинах залива.

1922

ОБЕД

Со смехом стаканы — глаза!
Бьется игра мировая!
Жизни и смерти жмурки и прятки.
Смерть за косынкой!
Как небо, эту шею бычью
Секач, как месяц, озарял.
Человек
Сидит рыбаком у моря смертей,
И кудри его, как подсолнух,
Отразились в серебряных волнах.
Выудил жизнь на полчаса.
Мощным берегом Волги
Ломоть лежит каравая.
Укором — утесом, чтобы на нем
Старый Разин стоял,
Подымаясь как вал.
И в берег людей
Билась волна мировая.
Мяса образа
Над остовом рта.
Храмом голодным
Были буханки серого хлеба.
Тучей
Смерти усталой волною хлестали
О берег людей.
Плескали и бились русалкой
В камни людей.
В тулупе набата
День пробежал.
В столицы,
Где пуль гульба, гуль вольба,
Воль пальба,
Шагнуть тенью Разина.

1922

* * *

В столицах, где Волга воль,
Воль гульба, гуль вольба, пуль пальба
Черным торгом изгажена,
Блеснуть ночью Разина.
Скучно с игрушкой
Женского тела.
Буду пить свободу из кружки.
С неба стерву сорвать,
С тех улиц, где
Бесстыдная смерть приглашала детей
На кровать.
Глухие глухи, меткие метки.
Нет людей, есть нож в руке предка.
С красным кашлем во рту
Легкое чахоток,
Спотыкаясь, как осени лист, сыпалось известкой.
Зовет небес доброту,
<Зовет как> выстрелов родины
В каменной шубе
Старенькой звонницы
Набата ревущих ночей.
В тулупе колоколов, <шевеля губами до́ ста>,
Аловолосый бог осеещал <ночь> жаровней свобод.
Просто
Острогой длинных копий
Бил городскую добычу,
Длинных щук,
Тех, у кого
Нет ни копья.
Будешь? еще, еще!
Подавать за прошлое счет?
Копья пальбы летели
Из охотничьих рук.

Смерчи смерти замерзли.
Сумрак
Труп ногою бодает, как козлик.
Огнебны алых горючих волос
Влезли на дыбы,
В жезле змею увидели дабы.
Из мухи выросла пуха.
Или дурака валять —
Народ не воляй.
Было Эм, большое, знакомое,
Морезорь венец
На темени трупева.
Пришло Пэ.
У обоих железа
На́рочь.
Но зря
Свирепела морем смерти
Ноздря.
Бог,
Закутан седыней до ног,
Вставлял
Свой величавый слог
Длинных острог
В длинный спор о холопе,
В бабии речи, просил слова.
Строкам рабства,
Жениху цепей
Быть целомудренной ночью
Белою спальней табунам букв.
Воочью сегодня, воочью
Мирового равнебна волна
Пришла волновать,
Башнями трупа озоровать,
Щелкая,
И буквой ножа
Заменить буквы лени и бабства,
Чтобы смысловое брюхо
Столетий вспороть,
Буквой вперед

Сменить стражу буквы назад.
И эти в книге судьбы опечатки
Бросить к шлему небес боевые перчатки,
К забору <нрзб.> в божией драке.
Всадник судьбы,
Мы не рабы!

1922

* * *

Хороший работник часов,
Я разобрал часы человечества.
Стрелку судьбой поставил верно.
Звездное небо из железа и меди.
Вновь переделал все времена,
Снова сложил зубцы и колесики,
Гайки искусно ввинтил моим долотом.
Тикают, точно и раньше.
Идут и ходят, как прежде.
Ныне сижу гордый починкой мозгов.

1922

* * *

Если я обращу человечество в часы
И покажу, как стрелка столетия движется,
Неужели из нашей времен полосы
Не вылетит война, как ненужная ижица?
Там, где род людей себе нажил почечуй,
Сидя тысячелетьями в креслах пружинной войны,
Я вам расскажу, что я из будущего чую,
Мои зачеловеческие сны.
Я знаю, что вы — правоверные волки,
Пятеркой ваших выстрелов пожимаю свои,
Но неужели вы не слышите шорох судьбы-иголки,
Этой чудесной швеи?
Я затоплю моей силой мысли потопом
Постройки существующих правительств,
Сказочно выросший Китеж
Открою глупости старой холопам.
И когда председателей земного шара шайка
Будет брошена страшному голоду зеленой коркой,
Каждого правительства существующая гайка
Будет послушна нашей отвертке.
И когда девушка с бородой
Бросит обещанный камень,
Вы скажете: «Это то,
Что мы ждали веками».
Часы человечества, тикая,
Стрелкой моей мысли двигайте!
Пусть эти вырастут самоубийством правительств
и книгой — те.
Будет земля бесповеликая!

Предземшарвеликая!
Будь ей песнь повиликою:
Я расскажу, что вселенная — с копотью спичка
На лице счета.
И моя мысль — точно отмычка
Для двери, за ней застрелившийся кто-то...

28 января 1922

* * *

Малая крысиная душа больших городов,
Не утопаю ли я в них, как в море?
Может быть, я утонул,
И это только котелок мой
Скачет по волнам,
Я, пишущий это?

<1922>

ОТКАЗ

Мне гораздо приятнее
Смотреть на звезды,
Чем подписывать
Смертный приговор.
Мне гораздо приятнее
Слушать голоса цветов,
Шепчущих: «Это он!» —
Склоняя головку,
Когда я прохожу по саду,
Чем видеть темные ружья
Стражи, убивающей
Тех, кто хочет
Меня убить.
Вот почему я никогда,
Нет, никогда не буду ПРАВИТЕЛЕМ!

Январь 1922

* * *

1) Песнь
С отношением мысли к слову
= 2^{13}
Ворвалась в ущелье,
Заставив взлететь шляпу лесов, полями широкую.
2) Народу «два в двадцать седьмой»
Вкопать растение рук
В плечо отсутствия рук.
Где заступ?
3) Бросить на рынок образец 30^3.
Образец: тело коня, грудь человека.
Повысить качество,
Удлинив количество.
Вести стада.
4) Земной шар — главный склад
Моих мыслей —
Приписать к книге А.
5) Горло и
Голосовую связку соловья
Дать слонам сотых полей.
6) Девушкам 36-ого раздела
Носить на плече
Соловья-растение,
Вросшего лапками
В тело.
7) Пятая столица второго материка.
Удлинить зрение в 2^{11}.
Прицел: два прямых.

Январь 1922

* * *

Дикарей докарай!
Мысль, петлей захлестни
Коня голубого морей.
После себя полосни
Рёвами: рей!

1922

* * *

Солнца лучи в черном глазу
У быка
И на крыле синей мухи,
Свадебной капли чертой
Мелькнувшей над ним.

1922

* * *

Ну, тащися, сивка
Шара земного.
Айда, понемногу.
Я запряг тебя
Сохой звездною,
Я стегаю тебя
Плеткой грезною.
Что пою о всём,
Тем кормлю овсом,
Я сорву кругом траву отчую
И тебя кормлю, ею потчую.
Не затем кормлю, —
Седину позорить:
Де́дину люблю
И хочу озорить!
Полной чашей торбы
Насыпаю овса,
До всеобщей борьбы
За полет в небеса.
Я студеной водою
Расскажу, где иду я,
Что великие числа —
Пастухи моей мысли.
Я затем накормил,
Чтоб схватить паруса,
Ведь овес тебе мил
И приятна роса.
Я затем сорвал

Сена доброго,
Что прочла душа, по грядущему чтица, —
Что созвездья вот подымается вал,
А гроза налетает, как птица.
Приятель белогривый, — знашь? —
Чья грива тонет в снежных го́рах.
На тучах надпись «Наш»,
А это значит: готовлю порох.

Ну, тащися, сивка, по этому пути
Шара земного, — сивка Кольцова, кляча Толстого.
Кто меня кличет из Млечного Пути?
А? Вова?
В звезды стучится!
Друг! Дай пожму твое благородное копытце!

2 февраля 1922

НЕ ШАЛИТЬ!

Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем высока
Воля правды у нас,
В соболях — рысаках
Чтоб катались, глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки.
Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть, буду петь
Доном — Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые уструги.
Кто со мною — в полет?
А со мной — мои други!

Февраль 1922

* * *

Трата, и труд, и трение,
Теките из озера три!
Дело и дар — из озера два!
Трава мешает ходить ногам,
Отрава гасит душу и стынет кровь.
Тупому ножу трудно резать.
Тупик — это путь с отрицательным множителем.
Любо идти по дороге веселому,
Трудно и тяжко тропою тащиться.
Туша, лишенная духа,
Труп неподвижный, лишенный движения,
Труна — домовина для мертвых,
Где нельзя шевельнуться, —
Все вы течете из тройки.
А дело, добро — из озера два.
Дева и дух, крылами шумите оттуда же.
Два — движет, трется — три.
«Трави ужи», — кричат на Волге,
Задерживая кошку.

1922

* * *

К зеркалу подошел.
Я велик. Не во всякую дверь прохожу.
Я уравнил победы венок и листья стыда и военного срама.
Для славы морской дал простой и дешевый закон
(В заботе о бедных и нищих умом).
Мои уравнения сильнее морских крепостей из железа
плавучего,
Островов из железа, где плещется смерть в черном кружеве
чугунных цепей.
В острой осоке раскрашенных труб, в паутине снастей
для бурь паука,
Где певчие птицы щебечут чугунной пальбой,
Где выстрел из мглы — бормотанье утренней славки
Белых от утра болот.
И если плавучая крепость, громада морская,
Морской утюг, чей (бритвой!) нос громады бреет бурь,
Собаки послушнее, хорошо выстеганной,
На голос идет господина, ложится в ногах, —
Плуг моря <упругий>
Гнет повороты дороги, кладет и туда и сюда комья бурь,
Как лемех сохи кладет пласты чернозема
Так, как <хочет его господин с бледным лбом>,
От простого нажима руки господина.
Я застегиваю перчатку столетий.
Запонкой перемены знака
Сменяю событий узор и цвета,
Ежели в энном ряду
Усядутся в кресло два
Вместо трех.

1922

* * *

Старую Маву древней Галиции
Сёдни увидел в столице я.
Выщерил на небо плотник
Азбуку каменных слов,
Зубы ночного бревна.
Месяц — в засаде охотник,
Тянется с неба слюна.
Голод, соси старой воблы ком!
Черным набором за облаком
Вылезла черная тройка.
Это не ливень полей,
Это не улиц небом попойка:
Выросла на небе тройка.
Темной маны Водолей
Вырос и вылез,
Где улицы раньше резвились.
Вещий, смотри:
Это же три
Быстро шагает ногой скорохода
По облакам небосвода.

1922

* * *

Она удала и лиха,
Она красою спорит с женами,
Ее живые потроха
Часами смотрят обнаженными.
Кишки подобно небосводу
Свершают медленный полет.
И, созерцая звезд природу,
Гоня по жилам красноход,
Творил сердечной жизни год
И умной — радостей свободу.
И снеговая крышка снята,
Чтоб небеса вращались тела,
А Мава, бешена и свята,
Вновь на свидание летела.

<1922>

* * *

Я призываю вас шашкой
Дотронуться до рубашки.
Ее нет.
Шашкой сказать: король гол.
То, что мы сделали пухом дыхания,
Я призываю вас сделать железом.

15 февраля 1922

* * *

Участок — великая вещь!
Это — место свиданья
Меня и государства.
Государство напоминает,
Что оно все еще существует!

1922

* * *

Подул
И государства пали.
У дул
Глаза в опале.

1922

* * *

У меня нет государевой шляпы,
У меня нет государевых бот.
Небо светлое — шляпа моя,
Земля серая — обувь моя.

1922

* * *

Мне мало надо:
Краюшку хлеба
И каплю молока.
Да это небо,
Да эти облака!

1922 (1912)

* * *

Не чертиком масленичным
Я раздуваю себя
До писка смешного
И рожи плаксивой грудного ребенка.
Нет, я из братского гроба
<И похорон>
Колокол Воли.
Руку свою подымаю
Сказать про опасность.
Далекий и бледный
Мною указан вам путь,
А не большими кострами
Для варки быка
На палубе вашей,
Вам знакомых и близких.
Да, я срывался и падал,
Тучи меня закрывали
И закрывают сейчас.
Но не вы ли падали позже
<И гнали память крушений>,
В камнях <невольно> лепили
Тенью земною меня?
За то, что напомнил про звезды
И был сквозняком быта этих голяков,
Не раз вы оставляли меня
И уносили мое платье,
Когда я переплывал проливы песни,
И хохотали, что я гол.

Вы же себя раздевали
Через несколько лет,
Не заметив во мне
Событий вершины,
Пера руки времен
За думой писателя.
Я одиноким врачом
В доме сумасшедших
Пел свои песни — лекарства.

1922

* * *

И позвоночные хребты
Высоких замков — книг.
За населенные страницы
Листы стеклянных деревень.
Здесь го́рода живые книги
Ощерили книгой листы
Высоких замков — плоскостей.
Стояли тыла книги корешком,
Где грозовые битюги
Махали синих молний облаком.
О рова <н>рав и нравов рава!
И люди, сложены в стога людей,
Лежали тесно мертвым сеном.
В стеклянные овраги переулков
На игры звали баладеи.
Весь город без веснушек стен.
Листы людьми жилые,
Стеклянная пряжа жилищ.
Чтоб люди не морщинились,
Для складок толп — порядка утюги.
О полки с книгами, где имя писателя — звук
И общий труп — читатель этой книги!

1922

БУДУЩЕЕ

Если ветер придет целовать,
Расскажу, что кровь запеклась,
Что присохла к седым волосам.
И парой свинцовых жемчужин из глаз
Я спрошу: «Как вас звать?»
И будет более плача,
Чем в неделю дней мясопуста.
А бровь черкнет крылом грача,
Созвездие бешенством пестуя.
Это были прекрасные масти,
Снежные, черные и золотые,
Это конница девушек мести
Летела, летит, от орудия тая.
Загорелись в глазах небоскребы,
Искавшие к облаку тропы.
Алым снегом сиявшие губы
Глодали далекие трупы.
И за кустарник поднятых рук
Скачет и скачет белый конь.
«Весною цветами, — вымолвил рок, —
Оседланный съест вас скакун».

1922

* * *

Наполнив красоту здоровьем,
Ступает смерть по образам
И, точно нож над шеею воловьей,
Сверкнет железом над народами
И смотрит синими свободами.
Узда, сорви коню уста,
Он встанет дико на дыбы
Махать неделей перестав,
Ты успокоился дабы.
Мигала могила у кладбищ.
Как моль летит на пламя свеч,
Лечу в ночное Бога око
И вижу всадник, белый гад, бишь.
Конь лижет трупы
Красным языком огня.

<1922>

* * *

Где пялятся в стекла харчи,
Личико смерти закрыто повязкой харчевни.
А жизнь завязала смеющийся лик
Сугробами мертвой деревни.
Вымерли все — до единого!

1922

13*

* * *

Народ влачил свои судьбы по Волге,
Суда судьбы и узкую веревку
Широкой лямкой народовластья заменил.
Потом же львиный царепад
Листы у жизни оголил,
И часто, часто невпопад
Народ потоки крови лил.
Кто юноша, чей в черепе не сросся шов, —
Он бросил смуглое яйцо
И умер, точно Балмашов,
Закрывши белое лицо?
Зачем свободе стремена
И седел твердая рука?!
Летят весною семена
И ливень ржи сквозь облака.
И сказка имени царя
Рассказана секире.
И вот женою дикаря
Над мерзлою землей Сибири
Боса обуздываешь годы,
Верхом сидишь на камне бивня
И в дни суровой непогоды
Нагая режешь струи ливня.
И черный мамонт белым бивнем
Грозит неведомо кому,
А на селе сибирским пивнем
Воспето солнце: ку-ка-ку!
Над мерзлою землей Оби
Ее глаза темны и в злобе
И вьется бешено коса,
Чтоб упадали пояса.

1922

* * *

Волга! Волга!
Ты ли глаза-трупы
Возводишь на меня?
Ты ли стреляешь глазами
Сел охотников за детьми,
Исчезающими вечером?
Ты ли возвела мертвые белки
Сел самоедов, обреченных уснуть,
В ресницах метелей,
Мертвые бельма своих городов,
Затерянные в снегу?
Ты ли шамкаешь лязгом
Заколоченных деревень:
Жителей нет — ушли,
Речи ведя о свободе.
Мертвые очи слепца
Ты подымаешь?
Как! Волга, матерью,
Бывало, дикой волчицей
Щетинившая шерсть,
Когда смерть приближалась
К постелям детей, —
Теперь сама пожирает трусливо детей,
Их бросает дровами в печь времени?
Кто проколол тебе очи?
Скажи, это ложь!
Скажи, это ложь!
За пятачок построчной платы!
Волга, снова будь Волгой!
Бойко, как можешь,
Взгляни в очи миру!
Глаждане города голода,
Граждане голода города,
Москва, остров сытых веков,
В волнах голода, в море голода
Помощи парус взвивай!
Дружнее удары гребцов!

1922

* * *

Здесь я бродил очарованный,
Здесь я бродил осажденный
Печатного слова сворой собак,
Мечтавших уклюнуть мое голубое бедро.
Я был единственной скважиной,
Через которую будущее падало
В России ведро.
Мое опьянение собой
Было для завтра водосточной трубой,
Для завтрашней корзины слез.
Вдали, <в окне> ночей, стоял никто.
Что меня грызло и мучило, — будет то.
Диким псом
Пробегаю священной тропой
Среди старых морей великанов
Звездною слежкой,
Освещаемый звездной ночлежкой.
О, прекрасные черные нары!

<1922>

* * *

Как ты красив, с лицом злодея.
— Потише, тише! — замолчи!
Какая милая затея
Была схватиться за мечи!
Какая страсть, какая жуть!
Железный луч рукой держу.
О, смерти острые лучи!
Мечом, не взором, чье-то око
Зажглося умно и жестоко
Мне прямо в грудь.

1922

* * *

Крученых!
Помнишь, мы вместе грызли, как мыши,
Непрозрачное время «сим победиши»?
Вернее, что грыз я один!
Товарищи!
Как то-с: кактус, осени хорунжие,
Линь, лань, лун...?

1922

ВСЕМ

Есть письма — месть.
Мой плач готов,
И вьюга веет хлопьями,
И носятся бесшумно духи.
Я продырявлен копьями
Духовной голодухи,
Истыкан копьями голодных ртов.
Ваш голод просит есть.
И в котелке изящных чум
Ваш голод просит пищи —
Вот грудь надармака!
И после упадаю, как Кучум
От копий Ермака.
То голод копий проколоть
Приходит рукопись полоть.
Ах, жемчуга с любимых мною лиц
Узнать на уличной торговке!
Зачем я выронил эту связку страниц?
Зачем я был чудак неловкий?
Не озорство озябших пастухов —
Пожара рукописей палач, —
Везде зазубренный секач
И личики зарезанных стихов.
Все, что трехлетняя година нам дала,
Счет песен сотней округлить,
И всем знакомый круг лиц,
Везде, везде зарезанных царевичей тела,
Везде, везде проклятый Углич!

1922

* * *

Пускай же крепко помнят те, кто
Проводят в праздниках свой час,
Что умирал на плахе некто —
Московский Спас

1922

* * *

Торгаш, торгаш,
Умри бесстыдно,
Запрятав в крючьях своих пальцев
Листы украденных поэм.

1922

* * *

Дело ваше, боги,
Что вы сделали нас смертными.
А мы за это пустим
Отравленную стрелу грусти.
Лук здесь.

1922

* * *

Я видел, бабр сидел у рощи
И с улыбкой дышал в ствол свирели.
Ходили, как волны, звериные мощи
И надсмешкой взоры горели.
И с наклоном изящным главы
Ему говорила изящная дева.
Она говорила: «О бабры и львы!
Вам не хватает искусства напева».

1922 (1912)

* * *

Жестяной подсказчик —
Прок,
Золотое перо
И с куревом ящик.
Одетый в белый пух,
Сей мученик людей кровавого столетья —
Ушей лопух —
Опутан нетью, свисает плетью.
Перо писателя
Из заячьей России,
Бежавшей из окопа
И пушечного жерла,
Из заячьей чернильницы,
Чье горло перекушено,
Сейчас сломается.
Столетьем-волком,
Столетьем-мамайцем
Подымается.

<1922>

* * *

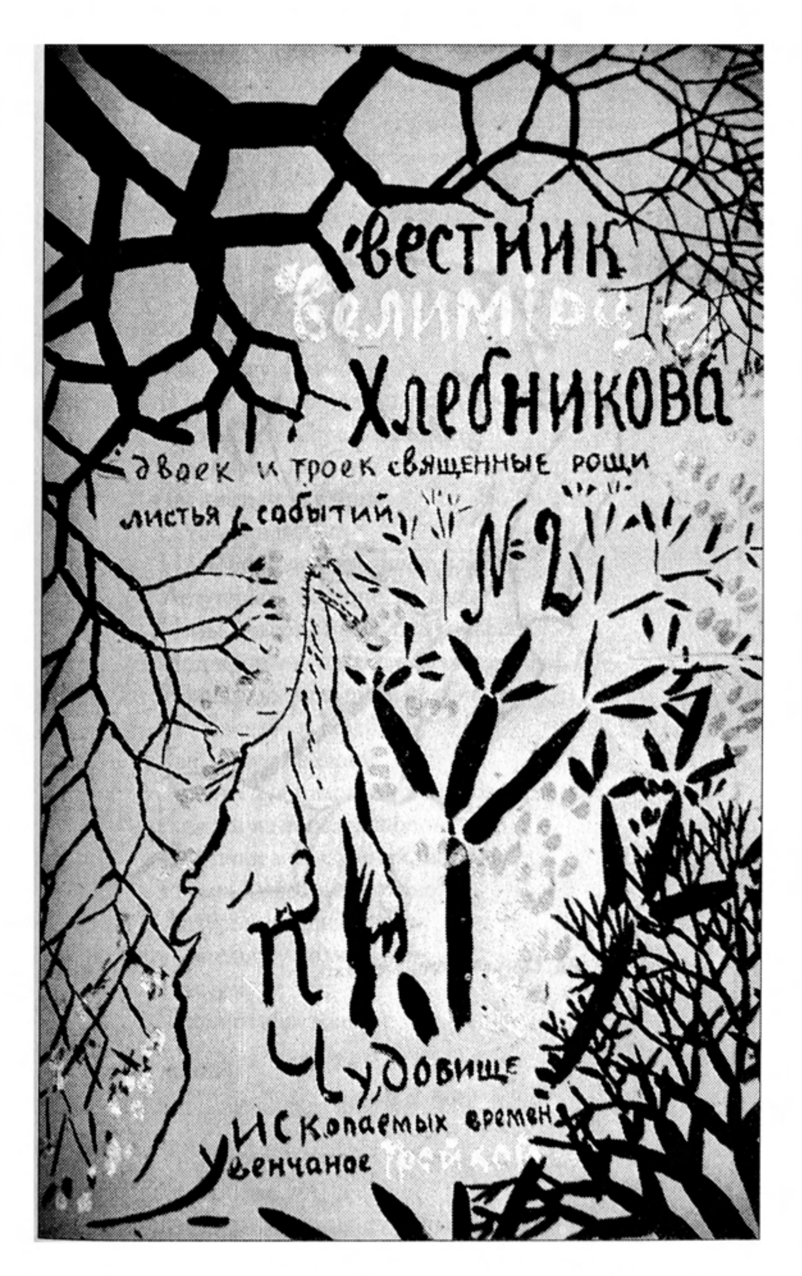
Русские десять лет
Меня побивали каменьями.
И все-таки я подымаюсь, встаю,
Как каменный хобот слона.
Я точно дерево дрожу под времени листьями
И смотрю на вас глазами в упор,
И глаза мои струят одно только слово.
Из глаз моих на вас льется прямо звездный ужас.
Жестокий поединок.
И я встаю, как призрак из пены.
Я для вас звезда.
Даже когда вы украли мои штаны
Или платок,
И мне нечем сморкаться, — не надо смеяться.
Я жесток, как звезда
Века, столетий.
Двойку бури и кол подводного камня
Ставит она моряку за незнание,
За ошибку в задаче, за ленивую помощь
Найти верный угол
Бега по полю морей
И сверкнувшего сверху луча.
Блеснувшее выстрелом чело,
Я далек и велик и неподвижен.
Я буду жестоким, не умирая.
А умерев, буду качаться на волнах зарницей,
Пока не узнаете,
Что отвращая лик парусов
От укора слабого взгляда луча,
Вы, направя грудь парусов
На подводные камни,
Сами летите разбиться
Всем судном могучим.
Чем судно громаднее,
Тем тяжелее звезда.

1922

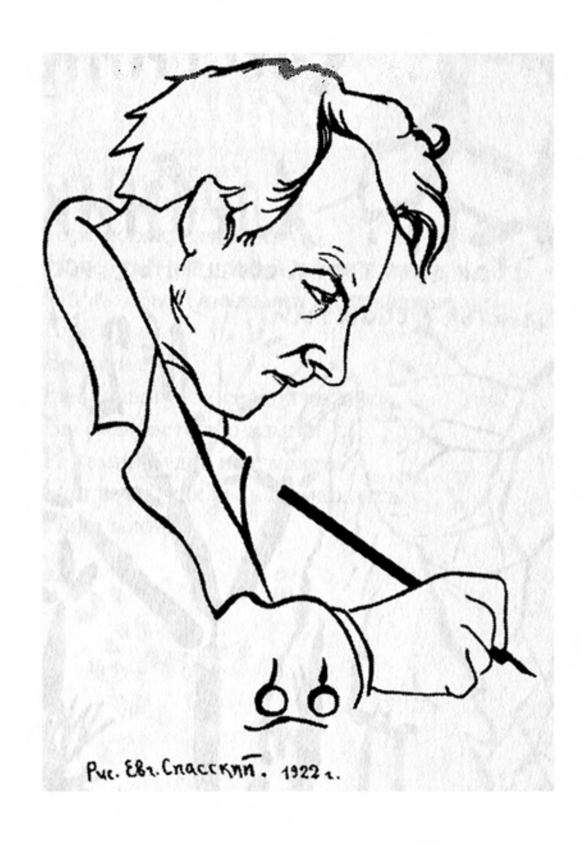
* * *

Еще раз, еще раз!
Я для вас звезда!
Горе моряку, взявшему
Неверный угол своей ладьи и звезды:
Он разобьется о камни и подводные мели.
Горе и вам,
Взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьетесь о камни!
И камни будут надсмехаться
Над вами, как вы надсмехались
Надо мной!

1922

«Вестник Велимира Хлебникова». 1922. Обложка П.В.Митурича.

В.В.Хлебников. 1922. Рисунок С.Д.Спасского.

ЕВГЕНИЮ СПАССКОМУ

Так, душу обмакнув
В цвет розово-телесный,
Пером тончайшим выводить.
Как бисер, паучки блестят водою пресной.
Ты кистью, я пером
С тобой вдвоем,
И воробей подслушивает мысли
Летунчики, летящие за выси.
И мы вдвоем, и голубой и карый,
Под кровлею одной, земли пророки,
Ловили до зари руками рока токи.
Ты Евский, я Хлебной.
Так хорошо вдвоем
Ловить лучи зари и солнца блестки днем.
Лежу я на твоем ковре
Тулупчик мой со мной, на мне.
И синь небес над головой.
Лазурью дышишь ты,
Я ж слышу волчий вой
Пустой, косой,
Такой безбрежный.

Май 1922

* * *

— Святче божий!
Старец, бородой сед!
Ты скажи, кто ты?
Человек ли еси,
Ли бес?
И что — имя тебе?
И холмы отвечали:
Человек ли еси,
Ли бес?
И что — имя тебе?
Молчал.
Только нес он белую книгу
Перед собой
И отражался в синей воде.
И стояла на ней глаголица старая.
И ветер, волнуя бороду,
Мешал идти
И несть книгу.
А стояло в ней:
«Бойтесь трех ног у коня,
Бойтесь трех ног у людей!»
— Старче божий!
Зачем идешь?
И холмы отвечали:
— Зачем идешь?
И какого ты роду-племени,
И откуда — ты?
— Я оттуда, где двое тянут соху,
А третий сохою пашет,
Только три мужика в черном поле!
Да тьма воронов.
Вот пастух с бичом,
В узлах чертики —
От дождя спрятались.
Загонять коров помогать ему они будут.

Май—июнь 1922

Поездка в Санталово. Рисунок П.В.Митурича (по памяти, 1923 г.).

Умирающий Хлебников. Рисунок П.В.Митурича.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

* * *

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты.
Мы, воины, строго ударим
Рукой по веселым щитам:
Да будет народ государем
Всегда, навсегда, здесь и там!
Пусть девы споют у оконца,
Меж песен о древнем походе,
О верноподданном Солнца
Самодержавном народе.

19 апреля 1917

* * *

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею вместе шагая,
Беседуем с небом на ты.
Мы, воины, смело ударим
Рукой по суровым щитам:
Да будет народ государем!
Всегда, навсегда, здесь и там!
Свободу неси нищетам!
Пусть девы споют у оконца,
Меж песен о древнем походе,
О верноподданном Солнца
Самоуправном народе.

19 апреля 1917, 1921—1922

* * *

Вчера я молвил: «Гуля! гуля!»
И войны прилетели и клевали
Из рук моих зерно.
И ящер-зеленак на стуле
Целует жалом ноготь крали.
Но в черных чоботах «оно».
И два прекрасных богоеда
Ширяли крыльями небес.
Они трубили: «Мы — победа,
Но нас бичами гонит бес».
И надо мной склонился дедер,
Покрытый перьями гробов,
И с мышеловкою у бедер
И с мышью судеб меж зубов.
Смотрю: извилистая трость
И старые синеющие зины,
Но белая, как лебедь, кость
Вертлявο зетит из корзины.
Я вскрикнул: «Горе! Мышелов!
Зачем судьбу устами держишь?»
Но он ответил: «Судьболов
Я и меры чисел самодержец».
Но клюв звезды хвостатой
Клевал меня в ладонь.
О, жестокан, мечтою ратуй,
Где звездной шкурой блещет конь.
И войны крыльями черпали мой стакан
Среди рядов берез.

И менямолки: «Жестокан!
Не будь, не будь убийцей грез!»
Кружась волшебною жемжуркой,
Они кричали: «Веле! Веле!»
Венчали бабочку и турку
И все заметно порыжели.
Верхом на мареве убийца войн,
Судья зараз, чумных зараз,
Ударил костью в синий таз.
Но ты червонною сорочкой
Гордися, стиснув удила,
Тебя так плаха родила,
И ты чернеешь взоров точкой.
Сверкнув летучей заревницей,
Копытом упирался в зень.
Со скрипкой чум приходит день
И в горло соловья кокует.
И то, где ты, созвездие, лишь пенка,
В него уперлися два зенка.
А сей в одежде ясных парч
Держал мой череп, точно харч.
И мавы в лиственных одеждах,
Чьи зебри мяса лишены,
И с пляской юноши на веждах
Гордились обликом жены.
Как рыбы в сетях, — в паутинах
Зелено-черных волосов,
На лапах шествуя утиных,
Запели про страну усов.

1917

СОН

Вчера я молвил: «гулля! гулля!»
И войны прилетели и клевали
Из рук моих зерно.
И надо мной склонился дедерь,
Обвитый перьями гробов,
И с мышеловкою у бедер
И с мышью судеб у зубов.
Крива извилистая трость
И злы седеющие зины.
Но белая, как лебедь, кость
Глазами зетит из корзины.
Я молвил: «Горе! Мышелов!
Зачем судьбу устами держишь?»
Но он ответил: «Судьболов
Я и мерой чисел ломодержец».
И мавы в битвенных одеждах,
Чьи руки кожи лишены,
И с пляской конницы на веждах
Проходят с именем жены.
Кружась шуршащею жемжуркой,
Оне кричали: «веле! веле!» —
И, к солнцу прилепив окурок,
Оне, как призраки, летели.
Но я червонною сорочкой
Гордился, стиснув удила.
Война в сорочке родила.
Мой мертвый взор чернеет точкой.

1917

СОЮЗУ МОЛОДЕЖИ!

Русские мальчики, львами
Три года охранявшие народный улей,
Знайте, я любовался вами,
Когда вы затыкали дыры труда
Или бросались туда,
Где голая львиная грудь
Заслон от свистящей пули.
Всюду веселы и молоды,
Белокурые, засыпая на пушках,
Вы искали холода и голода,
Забыв про постели и о подушках.
Юные, вы походили на моряка
Среди ядер свирепо-свинцовых:
Он дыру на котле,
Вместо чугунных втул,
Локтем своего тела смело заткнул.
— Русские мальчики, львами
Три года охранявшие русский народный улей,
Знайте: я любовался вами.

<1917>, 1922

ИЗ «ВЕЛИКОГО ЧЕТВЕРГА»

Ты же, чей разум стекал,
Как седой водопад,
На пастушеский быт первой древности,
Кого числам внимал
Очарованный гад
И послушно скакал
В кольцах ревности,
И гада покорного свисты и корчи,
И свисты, и скок, и шипение
Кого заставляли всё зорче и зорче
Терновники солнц понимать точно пение,
Кто череп, рожденный отцом,
Буравчиком спокойно пробуравил
И в скважину, как колос, вставил
Душистую ветку Млечного Пути
— Колосом черных лугов,
В чьем черепе — точно в стакане — была
Росистая ветка полночного Бога,
— Вселенной солому от зноя богов
Кто косо на брови поставил,
Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки,
Тебе говорю: Ты!..
Так я кричу,
Крик за криком,
И на моем застывающем крике
Ворон совьет гнездо,
А на руке, протянутой к звездам,
Проползет улитка столетий.

7 декабря 1917, 1918

* * *

Ты же, чей разум стекал,
Как седой водопад,
на пастушеский быт первой древности,
Кого числам внимал
Очарованный гад
И послушно скакал
В кольцах ревности,
И змея плененного
Пляска и корчи,
И кольца, и свист, и шипение
Кого заставляли всё зорче и зорче
Шиповники солнц понимать точно пение,
Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки,
Тебе говорю: Ты.

7 декабря 1917. <1919>

* * *

Ты же, чей разум стекал,
Как седой водопад,
На пастушеский быт первой древности,
Кого числам внимал очарованный гад
И послушно скакал в кольцах ревности,
И змея плененного пляска и корчи,
И кольца, и свист, и шипение
Кого заставляли всё зорче и зорче
Шиповники солнц понимать точно пение,
В том черепе, точно в стакане,
Жила росистая ветка Млечного Пути,
А звезды несут вдохновенные дани,
Крылатый, лети!
Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки,
Тебе говорю: Ты!
Так я кричу, каменея.
И на руке, протянутой к звездам,
Проползет улитка столетий.

7 декабря 1917, 1919

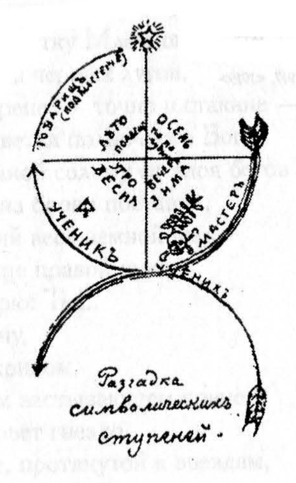

Рисунок из книги Папюса «Генезис и развитие маслонских символов».
СПб., 1911

УЛИТКА СТОЛЕТИЙ

Ты же, чей разум стекал,
Как седой водопад,
На пастушеский быт первой древности,
Кого числам внимал
Очарованный гад
И послушно скакал в кольцах ревности,
И змея плененного пляска и корчи,
И кольца, и свист, и шипение
Кого заставляли всё зорче и зорче
Шиповники солнц понимать точно пение,
В чьем черепе, точно стакане,
Жила
Росистая ветка Млечного Пути,
Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки,
Тебе говорю — Ты!
Так я кричу, и на моем каменеющем крике
Ворон священный и дикий
Совьет гнездо, и вырастут ворона дети,
А на руке, протянутой к звездам,
— Проползет улитка столетий.

7 декабря 1917, 1920

14

* * *

Ты же, чей разум стекал,
Как седой водопад,
На пастушеский быт первой древности,
Кого числам внимал
Очарованный гад
И послушно скакал
В кольцах ревности,
И змея плененного пляска и корчи,
И кольца, и свист, и шипение
Кого заставляли всё зорче и зорче
Шиповники солнц понимать точно пение,
Кто череп, рожденный отцом,
Буравчиком спокойно пробуравил
И в скважину надменно вставил
Душистую ветку Млечного Пути,
Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки,
Тебе говорю: Ты.
Так я кричу, и на моем каменеющем крике
Ворон священный и дикий
Совьет гнездо, и вырастут ворона дети,
А на руке, протянутой к звездам,
Проползет улитка столетий.

7 декабря 1917, 30 ноября 1920
Баку

* * *

Ты же, чей разум
Стекал, как седой водопад,
На пастушеский быт
Первой древности,
Кого числам покорно
Внимал и скакал
Очарованный гад
В кольцах ревности,
И змея плененного
Пляска и корчи,
И кольца, и свист, и шипение
Кого заставляли
Всё зорче и зорче
Шиповники солнц
Понимать точно пение,
Кто череп, рожденный отцом,
Буравчиком спокойно пробуравил
И в скважину надменно вставил
Душистым концом
Росистую ветку Млечного Пути,
Как колос созвездий в стакан,
В чьем черепе, точно в стакане,
Жила душистая ветка Млечного Пути,
А звезды несут вдохновенные дани, —
Крылатый, лети!
О, колос жемчужной росы!
Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки,
Тебе говорю: Ты!
Так я кричу,
И на моем каменеющем крике
Ворон священный и дикий
Совьет гнездо
И вырастут ворона дети,
А на руке, протянутой к звездам,
Проползет улитка столетий.

7 декабря 1917. 1921

14*

* * *

Ты же, чей разум стекал,
Как седой водопад,
На пастушеский быт первой древности,
Кого числам внимал
И послушно скакал
Очарованный гад
В кольцах ревности,
И змея плененного пляска и корчи,
И кольца, и свист, и шипение,
Кого заставляли всё зорче и зорче
Шиповники солнц понимать точно пение,
Кто череп, рожденный отцом,
Буравчиком спокойно продырявил
И в скважину холодно вставил
Росистый колос Млечного Пути,
    Могущий, лети!
Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки,
Тебе говорю: Ты!
Так я кричу, и на моем
Каменеющем крике
Ворон священный и дикий
Совьет гнездо,
И вырастут ворона дети,
А на руке, протянутой к звездам,
Проползет улитка столетий.

7 декабря 1917, 1921–1922

ВОЛЯ ВСЕМ!

Вихрем бессмертным, вихрем единым
Все за свободой — туда!
Люди с крылом лебединым
Знамя проносят труда.
Всех силачей того мира
Смело зовем мы на бой,
Знаем, слабеет секира
У торговавших божбой.
Жгучи свободы глаза,
Пламя в сравнении — холод!
Пусть на земле образа!
Новых построит их голод...
Мира ушедшего стоны и корчи
Нам, вдохновенным, страшны ли?
Вещие души к грядущему зорче
Самой божественной были.
Мчимтесь дружиною к солнцу и песням,
Мчимтесь и мчимтесь — вперед!
Если погибнем — воскреснем,
Каждый потом оживет!
Двинемтесь в путь очарованный,
Мерным внимая шагам!
Если же боги закованы,
Волю дадим и богам!

1918, 1921

* * *

Я видел
Выдел
Вёсен
В осень,
Зная
Знои
Синей
Сони.
А ты пяты
На мячике созвездия
Полет бросаешь,
В изгиб
Из губ
Свернув
Свой локоть
Белого излома.
Весной улики бога.
Путь
Петь.
Сосни,
Летая,
Сосне
Латая
Очи голубые
Узлами
Северных бровей
И голубей.
В стае
Сто их.

<1918>

* * *

Бросают в воздух стоны
Разумные уста.
Луга цветов, затоны,
Белеет край холста.
Дивчины три пытали:
Чи парень я, чи нет?
А голуби летали,
Ведь им не много лет.
Близкой осени бирючи
На плетне сидят грачи.

1919

ГОРНЫЕ ЧАРЫ

Я верю их вою и хвоям,
Где стелется тихо столетье сосны
И каждый умножен и нежен,
Как баловень бога живого.
Я вижу широкую вежу
И бусами звуки я нежу.
Падун улетает по дань.
И вы, точно ветка весны.
Летя по утиной реке паутиной,
Ночная усадьба судьбы.
Вилось одеянье волос,
Одетое детскою тенью.
И каждый — путь солнца,
Летевший в меня,
Чтоб солнце на солнце менять.
И вы — одеяние ивы.
Но ве́дом ночным небосводом
И за руку зорями зорко ведо́м,
Вхожу в одинокую хи́жу.
Уколы соседнего колоса,
Глаголы соседнего голоса.
Вы север, вы вестник себя!
Свирели даны, и звенели
Из юного камня изъяны.

1919

* * *

Сумасшедший араб,
С глазами сапога под черной щеткой,
Забытый прекрасным писателем Пушкиным
В записанном сне,
Летит по дороге с добычей,
Пронес над собой Ярославну
С глазами бездны голубой и девичьей
В стеклянном призраке
И станом туго-голубым.
Хрю! — громко хрюкнул в ухо толп.
Дальше на площадь летит.

1919

* * *

В зареве кладбищ, заводских гудках,
Ревевших всю ночь,
Искали Господа смерти.
«Верую» пели пушки и площади.
Хлещет извозчик коня
— Гроб поперек его дрог.
Господь мостовой большими глазами
Вчерашнею кровью написан.
Глядит с мостовой.
Образ восстанья камнями булыжными
Явлен народу среди тополей.
На самовар его
Не расколешь.
        Утро, толпы. Люди идут
        Подымать крышки суровых гробов,
        Узнавая знакомых.
— Мамо! скажи!
Чи это страшный суд?
— Нет, это сломалась гребенка у деточки,
И запутались волосы.
Кладбищем денег
Выстрелов веник
Улицы мел.
В мать сырую землю заступ стучит.
Дикий священник,
В кудрях свинцовых,
Сел на свинцовый ковер.
Ветер дел

Дул в дол
Голода дел,
Ветер свинцовый.
Это смех смерти воистину.
Пел пуль пол.
Пуля цыганкой у табора
Пляшет и скачет у ног.
Как два ружейные ствола,
Глаза того, кто пел:
«До основанья, а затем».
Как сжатая обойма — рука.

<1919>, 1921

СЛОВО О ЭЛЬ

Когда судов широкий вес
Был пролит на груди,
Мы говорили: видишь, лямка
На шее бурлака.
Когда камней бесился бег,
Листом в долину упадая,
Мы говорили — то лавина.
Когда плеск волн, удар в моржа,
Мы говорили — это ласты.
Когда зимой снега хранили
Шаги ночные зверолова,
Мы говорили — это лыжи.
Когда волна лелеет челн
И носит ношу человека,
Мы говорили — это лодка.
Когда широкое копыто
В болотной топи держит лося,
Мы говорили — это лапа.
И про широкие рога
Мы говорили — лось и лань.
Через осипший пароход
Я увидал кривую лопасть:
Она толкала тяжесть вод,
И луч воды забыл, где пропасть.
Когда доска на гру́ди воина
Ловила копья и стрелу,
Мы говорили — это латы.
Когда цветов широкий лист

Облавой ловит лёт луча,
Мы говорим — протяжный лист.
Когда умножены листы,
Мы говорили — это лес.
Когда у ласточек протяжное перо
Блеснет, как лужа ливня синего,
И птица льется лужей ноши,
И лег на лист летуньи вес,
Мы говорим — она летает,
Блистая глазом самозванки.
Когда лежу я на лежанке,
На ложе лога, на лугу,
Я сам из тела сделал лодку,
И лень на тело упадает.
Ленивец, лодырь или лодка, кто я?
И здесь и там пролита лень,
Когда в ладонь сливались пальцы.
Когда не движет лёгот листья,
Мы говорили — слабый ветер.
Когда вода — широкий камень,
Широкий пол из снега,
Мы говорили — это лед.
Лед — белый лист воды.
Мы воду пьем из ложки.
Кто не лежит во время бега
Звериным телом, но стоит,
Ему названье дали — люд.
Он одинок, он выскочка зверей,
Его хребет стоит, как тополь,
А не лежит хребтом зверей.
Прямостолчее двуногое,
Тебя назвали через люд.
Где лужей пролилися пальцы,
Мы говорили — то ладонь.
Когда мы лёгки, мы летим.
Когда с людьми мы, люди, лёгки,
— Лю́бим, любимые людьми.
Эль — это легкие Лели,
Точек возвышенный ливень,

Эль — это луч весовой,
Воткнутый в площадь ладьи.
Нить ливня и лужа.
Эль — путь точки с высоты,
Остановленный широкой
Плоскостью.
В любви сокрыт приказ
Любить людей,
И люди — те, кого любить должны мы.
Матери ливнем любимец —
Лужа дитя.
Если шириною площади остановлена точка — это *Эль*.
Сила движения, уменьшенная
Площадью приложения, — это *Эль*.
Таков силовой прибор,
Скрытый за *Эль*.

1920

ЭЛЬ

Когда судов широкий вес
Был пролит на груди,
Мы говорили: это лямка
На шее бурлака.
Когда камней усталый бег
Листом в долину упадает,
Мы говорили: то лавина.
Когда плеск волн, удар в моржа,
Мы говорили: это ласты.
Когда зимой снега хранили
Пути ночные зверолова,
Мы говорили: это лыжи.
Когда волна лелеет челн
И носит ношу человека,
Мы говорили: это лодка,
Ладьи широкая опора.
Когда ложится тяжесть вод
На ласты парохода,
Мы говорили: это лопасть.
Когда броня на гру́ди воина
Ловила копья на лету,
Мы говорили: это латы.
Когда растение листом
Остановило тяжесть ветра,
Мы говорили: это лист,
Небес удару поперечный.
Когда умножены листы,
Мы говорили: это лес.

А время листьев роста — лето.
Когда у ласточки широкое крыло
Блестит, как ложе шелка синего,
Мы говорим: она летает.
Широкий лист крыла летуньи
Ее спасает от паденья,
Как лодка, лыжи и ладья спасает человека.
Крыло — небесная лежанка,
И птица ленится, летая.
Как лужа ливня,
По площади широкой пролит
Летуньи вес, спасенной от провала.
Когда лежу я на лежанке,
На ложе лога, на лугу,
Я сам из тела сделал лодку.
И бабочка-ляпунья
Крылом широким помавает,
Путь силы поперечной
Доверив площади широкой.
Лопух и лопасть и листы —
Везде путь силы
Переходит в ширь.
Ладонь широка, как ладья,
А лапа служит точно лыжа,
И храбро ступает лапой лось по болоту.
Когда труд пролит в ширину,
Мы говорили: это лень.
И лень из неба льется ливнем.
Мы говорим: ленивец, лодырь —
Он высь труда
Ленивой ширью заменил
И не утонет от усталости.
А легкий тот, чей вес
Был пролит по площади широкой.
И белый лист воды — прозрачный лед.
В широкой ложке держится вода.
Широким камнем льда расширилась вода, —
Мы говорили: это лед.
И лужей льется площадью широкой

Отвесный ливня путь.
Мы воду пьем из ложки
И отдыхаем на широком ложе.
Мы любим, Я широким сделав,
И те, кто любят, — это люди.
Точки отвесной удар
В ширь поперечную — это старинное *Эль*.
Ляля и лели — легкие боги из облака лени.
Эль — это воля высот
Стать шириной,
Парить, — широкое не тонет
И не проваливается в снегу и на болоте,
Ни в воздухе, ни в море, ни в снегу.
На широкую площадь
Направленный путь —
Эля душа мировая —
Путь силовой, свою высоту
Променявший на поперечную площадь.
Эль — это луч весовой,
Он оперся на площадь широкую.
Так великан высоты
Великаном становится шири.
Эль мировое такое.
За собой
Эль ведет полководцем
Слова́.

1920, 1921

* * *

Паук мостов опутал книгу,
Страницы стеклосетей,
Стеклянные утесы.
Жилым листом
Висит железоневод,
Как сети в устье Волги,
И ловит воздух
И небес прибой.
О город — повесть!
О посох высоты!
Где раньше шло растение,
Ступенями времени стертыми,
Проходит город тою же тропой.
Из сети хат стеклянный парус,
Еще угрюм, еще неловок,
И город мчался, как суда,
Где нависали облака
На медленных глазах бечовок.

1920

* * *

И он мешок железосетей
Рукой упорной тянет ввысь,
И полон холода столетий
Его икры железной низ.
Старик стеклянного тулупа,
Чьи волосы халупа и халупа,
Казалось, неводом завяз
Он, город стекломяс.

1920

* * *

Он, город, старой правдой горд
И красотой обмана сила,
И, сделав смотр мятежных орд,
Жевал железные удила.
Всегда жестокий и печальный,
Широкой бритвой горло режь.
Из всей небесной готовальни
Ты взял малиновый мятеж.
Он, город, что оглоблю бога
Сейчас сломал о поворот,
Как тополь встал, чуть-чуть тревога
Ему кривила умный рот.
Он синими глазами падали
Обвил холодную щеку.
Кукушка ласковая, надо ли
Часам тоски пробить ку-ку?
Свой конский череп человеча,
Его опутав умной гривой,
Глаза белилами калеча,
Он, меловой, зажег огниво.
Когда был пролит черный глянец
Его таинственных зеркал,
Он удалялся, самозванец,
И жертву новую искал.
И если черное ведро
С ним, господином, неразлучно,
Его знакомое бедро
Чуть-чуть жирно, немного тучно.

И, проклинаемый не нами
Под шорох ласковых страниц,
Рассказ ночных зеркал о маме
Широкой тенью лился ниц.
И вечно слаб к тебе, о водка,
Воспет убийством в зеркалах,
Суровым камнем подбородка
Он опирался на кулак.
Он, город, синими глазами
Одел скулы холодной надписи
И черным зеркалом заране
Он завывал деревне: нас спаси!
И полубог и забулдыга,
С улыбкою убийцы-пьяницы,
Его развернутая книга
Навеки проклятой останется.

<1920>

* * *

Труднеделя! Труднеделя!
Кожа ло́снится рубах,
Слышна песня в самом деле
О рабочих и рабах.
Громовым своим раскатом
Песня падает, пока
Озаряемый закатом
Отбивает трепака.
Трубачи идут в поход,
Трубят трубам в рыжий рот.
Алое плавает, алое
На копьях с высоты.
Это труд проходит, балуя
Шагом взмах своей пяты.
Идет за ячейкой ячейка,
Чтобы уметь.
Гори, как медная копейка,
Зевом изогнутая медь.
Городские очи радуя
Огневым письмом полотен,
То подымаясь, то падая,
Труд проходит, беззаботен.

20 апреля 1920

* * *

Как жестоки и свирепы
Скакуны степных долин.
Кругом вытянулись цепи,
Меж зеленых — алый блин.

Как сегодня ярки вещи,
Красным золотом блеснув,
Знамя вьется и трепещет,
Славит небо и весну.

Густо-синие глаза,
Чуть пушисты подбородки.
Эй, ребятушки, назад!
Ряды сделались коротки.

Трубачи пошли в поход,
Трубят трубам в рыжий рот.
И как дочь могучей меди
Меж богов и меж людей,
Песни звучные соседи
Вьются в небо лебедей.

Веселым чародеям
Свободная дорога.
Трубач сверкает змеем
Изогнутого рога.

Алый волос расплескала,
Точно дева, площадь города
Люди боя и закала
На конях красивых бороды

Золото красное птицами
Носится взад и вперед.
Огненных крыл вереницами
Был успокоен народ.

<1920>

* * *

Леляною вести, леляною грусти
Ее вечеровый озор.
Увидев созвездье, опустим
Мы, люди, задумчивый взор.
Ни звонкое крыл махесо,
Ни звездное лиц сиесо.
Они голубой Тихославль,
Они в никогда улетавль,
Они улетят в Никогдавль.
Несутся ночерней сияной,
Промчались шумящей веяной.
В созвездиях босы,
Что умерло ты,
Грезурные косы,
Грезурные рты.
Усталые крылья мечтога,
Река голубого летога.
Нетурные зовы, нетурное имя
Они, пролетевшие мимо.
Летурные снами своими,
Дорогами облачных сдвигов
Промчались, как синий Темнигов.
Незурное младугой пение,
Они голубой окопад.
И синей в ресницах лазурью,
Даруя дневному нетеж,
Летите к земному вразурью
Усталые старой незурью,
Вы только летелей летеж.
Вечернего воздуха дайны
И ветер задумчивой тайны.

1920

* * *

Леляною ночи, леляною грусти
Ее вечеровый озор.
Увидев созвездье, опустим
Мы, люди, задумчивый взор.
Ни шумное крыл махесо,
Ни звездное лиц сиесо.
Они голубой Тихославль,
Они в никогда улетавль,
Они улетят в Никогдавль.
Несутся ночерней сияной,
Промчались шумящей веяной
По озеру синих инес.
В созвездиях босы,
Что умерла ты,
Нетурные косы,
Грезурные рты.
Река голубого летога,
Усталые крылья мечтога.
Нетурные зовы, нетурное имя!
Они, пролетевшие мимо,
Летурные снами своими.
Летели, как синий Темнигов,
Вечернего воздуха дайны
И ветер задумчивой тайны.
Летите к земному вразурью
Усталые старой незурью,
Даруя дневному нетёж.
Они голубой окопад.
Нездешнее младугой пение.

1920

* * *

Усталые крылья мечтога,
Река голубого летога.
Нетурные зовы, нетурное имя,
Они, пролетевшие мимо,
Летурные снами своими,
Дорогами облачных сдвигов
Промчались, как синий Темнигов.
Незурное младугой пение,
И в черные солнца скрипение,
Они голубой Тихославль,
Они в никуда улетавль,
Они улетят в Никогдавль.

1920, 1921

* * *

И если в «Харьковские птицы»,
Кажется, Сушкина
Засох соловьиный дол
И первый гром журавлей,
А осень висит запятой,
Ныне я иду к той,
Чье греческое и странное руно
Приглашает меня пить
«Египетских ночей» Пушкина
Холодное вино
Из кубка «черной сволочи»,
Из кубка «нежной сволочи».

1920, 1921

* * *

Воет судьба улюлю!
Это слез милосердия дождь.
Это сто непреклонных Малют,
А за ними возвышенный вождь.
Пали огнем высочества.
Выросли красные дочиста,
Алых рубашка снята,
Множеством усиков вылезли,
Множеством веток наружу.
Синие рачьи глаза — тело «вчера»
Кушали раки.
Собаки вчерашнего выли зло.
Это сразились «вперед» и «назад».
И песни летели железо лизать.
Высунув алый язык,
Черные псы пробегали дорогой.
Носится взы-ы, ветер тревоги.
Нет, не поверят снега снегирю
Будто зима улетела.
Рот человечества, так говорю
От имени тела, —
Что стяг руки усталой выпал зла
И первая гадюка выползла.
В чурбане спрятанный божок
Смотрел:
Ханум Джейран, ее прыжок,
Чье расстояние колен —
Большая ось вселенной,
А голубой венок локтей —
Пути земного синий круг.

1920, 1921

* * *

Вытершись временем начисто,
Умные, свежие донага,
Прочь из столетия онаго,
Куда зубом Плева
В черные доски стеклянного хлева
Для государственной особы деятеля
Шилом вонзилось все человечество.
Гремучий шар
Рукой Созонова
Или Каляева, уже я не помню,
Зуб коренной в дереве черном, зуб мертвеца,
Кривая заноза.
Мы времякопы в толпе нехотяев
И пороховые вдохновенья Главпродугля,
Пшеницы грядущего сеятели,
Пороха погреб под каменоломней.
Каменный уголь столетья былого
Сжигая на ломти,
Идемте, о дети, идемте
В наши окопы.
Пора и пора,
Пред нами пора
Жарче горячего пара дыханье
Солнцелова за мною.

1920

* * *

Сильные, свежие донага,
Прочь из столетия онаго,
Куда рукою Каляева или Созонова,
Я уж не помню,
Желтым зубом Плева
В черные доски зеркального хлева
Самодержавного деятеля
Крепко, как щепка,
Въелося все человечество.
Из белого черепа вылетел он
Послом одиноким,
Будто он плюнул зуб коренной, старый и желтый,
Всем на прощание:
Человечество, съешь!
Пора, уж пора —
Прочь из былого!
За нами другая пора
Дел — солнцелова.
Идемте, идемте в веков камнеломню.
Мы времякопы и времярубы.
Во времени ищем уделы.
Желтые прочь старые зубы.
Мы ведь пшеницы грядущего сеятели,
Своих вдохновений Продуголь
И времякопы сердец камнеломни.
Пора уж, довольно накипи нечисти.
Мы нищи и кротки.
Порою торгуем мы незабудками
И сумасшедшими напевов нашими дудками.
Табор цыганов безумия.
Нет, не поверят снега снегирю,
Будто зима улетела.
Рот человечества, так говорю
От имени тела.

1920, 1921

* * *

На ясный алошар
Садилася летава тенебуды,
Садилась тенелава.
Из речеложи лилась речь,
Где бил слов кулаком
Железный самоголос,
Где трубы-самогуды.
Тень речевого кулака
И самоголоса труба,
И воет и хохочет
Железный голос.
Был чёрен стол речилища.
И самоголоса могучая труба,
И сделанный железным пением,
И черные люди дрожали
На белом снегополе,
На наковальне из ушей.
Дорога воздуха для тенежизней,
Для хохота железного орлана.

1920

* * *

Был чёрен стол речилища.
Тень речевая кулака
И самоора-самогуда
Ревет и воет и хохочет.
Как журавли,
Спуская ноги длинные,
Летели тенезори
На белые пустыни тенестана.
Как муху ласточка,
Толпа ловила
Событья теневого быта,
Тенемолвы живую повесть.
Над нею мудрецы
Смотрели через окна.

1920

* * *

Бьются синие которы,
Моря синие ямуры.
Эй, на палубу, поморы!
Эй, на палубу, музуры!
Волны скачут а-ца-ца!
Ветер баловень — а-ха-ха! —
Дал пощечину с размаха.
Судно село кукорачь,
Скинув парус, мчится вскачь.
Море бьется лата-тах,
Волны скачут а-ца-ца,
Точно дочери отца.
За морцом летит морцо.
Море бешеное взы-ы!
Море, море, но-но-но!
Эти пади, эти кручи
И зеленая крутель.
Темный волн кумоворот,
Бури ветер, бури кра.
Моря катится охава
И на небе виснет зга —
Эта дзыга синей хляби,
Кубари веселых волн,
Море вертится юлой.
Море грезит и моргует
И могилами торгует.
Наше оханное судно
Полететь по морю будно.

Дико гонятся две влаги,
Обе в пене и белаге,
И волною кокова
Сбита, лебедя глава.
Море плачет, море вакает,
Диким молния варакает.
Что же, скоро стихнет вза
Эта дикая гроза?
Скоро выглянет ваража
И исчезнет ветер вражий?
Дырой диль сияет в небе.
Море шутит и шиганит,
Оно небо великанит.
Эй, на палубу, поморы!
Эй, на палубу, музуры!

1920

* * *

Цыгане звезд
Раскинули свой стан,
Где белых башен стадо,
Они упали в Дагестан.
И принял горный Дагестан
Железно-белых башен табор,
Остроконечные шатры.
И духи древнего огня
Хлопочут хлопотливо,
Точно слуги.

1920

15*

* * *

Читаю известия с соседней звезды:
«Зазор!
Новость! На земном шаре
Без пролития одной капли крови
Основано Правительство Земного Шара
(В капле крови и море большом тонут суда).
Думают, что это очередной выход
Будетлян, этих больших паяцев Солнечного мира,
Чьи звонкие шутки так часто доносятся к нам, перелетев небо.
На события с Земли
Ученые устремили внимательные стекла».
Я вскочил с места. Скомкал известия.
Какая ложь! Какая выдумка!
Ничего подобного.
Я просто на песке на берегу южного моря, где синели волны,
Написал мои числа,
И собралась толпа зевак. Я говорил:
Я больше божеств. Я больше небес. Вот переставим здесь, переменим знак,
И пали людей государства,
Столицы сделались пеплом, чтоб зеленела трава.
Я дешевле и удобнее богов.
Не требую войн и законов. Мое громадное преимущество.
Черным могучим быком я не гнался за смертною, не был оводом.
Я удобен, как перочинный нож, и потому сильнее божеств.
Возьмите меня вместо ваших небес.
Черточки — боги судьбы, созданные мной.
Также мне не надо кровавых жертв.
Это мои превосходства как мужчины и бога.

1920, 1921

В БЕРЛОГЕ У БАРОНА

От зари и до ночи
Вяжет Врангель онучи,
Собирается в поход
Защищать царев доход.
Чтоб, как ранее, жирели
Купцов шеи без труда,
А купчих без ожерелий
Не видали б никогда.
Чтоб жилося им, как прежде,
Так, что ни в одном глазу,
А Господь, высок в надежде,
Осушал бы им слезу.
Небоскребы, что грибы,
Вырастали на Пречистенке,
И рабочие гробы
Хоронил священник чистенький.
Чтоб от жен и до наложницы
Всех купцов носил рысак,
Сам Господь, напялив ножницы,
Прибыль стриг бумаг.
Есть волшебная овца,
Каждый год дает руно.
Без участия Творца
Быть купцом не суждено.
Речь доносится баронья:
«Я спаситель тех, кто барин!»
Только каркает воронья
Стая: «Будешь ты зажарен!»
Тратьте рати, рать за ратью,
Как морской песок.
Сбросят в море вашу братью,
Совет-стяг везде высок!

1920

МЫ ДЕТИ СТРАНЫ СОВЕТОВАННОЙ

Это было в общежитии,
Где звенело бэ Биби,
Бэ Бакунина в Баку,
Где Баилова утес.
От Берлина до Бомбея,
За Бизант и за Багдад
Мирза Бабом в Энвер-бея
Бил торжественный набат,
Бэ лучами не слабея.
Это черный глаз Армении,
Скрывши белой мглою глаз бока,
Ка керенок современнее,
Это в черных взорах азбука.
Говор мора: не верь морю.
Воин моря, стань войн мор!
Трубка мира — пушки порох.
Я выкуриваю войны.
Эй, смелее в разговорах,
Будьте снова беспокойны!

1920

* * *

Тайной вечери глаз знает много Нева.
Здесь спасителей кровь причастилась вчера
С телом севера в черном булыжнике.
В ней воспета любовь отпылавших страниц,
Чтоб воспеть вечера
И рабочих и бледного книжника.
Льется красным струя,
Лишь зажжется трояк
На вечерних мостах
И звенит поцелуй на усталых устах.
Тайной вечери глаз знает много Нева
У чугунных коней дворца Строганова.
Из засохших морей берега у реки.
И к могилам царей идут спать старики,
И порой «не балуй» раздается в кустах.

16 февраля 1921

* * *

Тайной вечери глаз знает много Нева
У ресниц голубого прибоя.
Здесь спасителей кровь причастилась вчера
С телом севера в черном булыжнике.
В ней воспета любовь отпылавших страниц.
Это пеплом любви так черны вечера
И рабочих и бледного книжника.
А решетка садов стоит стражей судьбы.
Тайной вечери глаз знает много Нева
У чугунных коней, у дворцовых камней
Дворца Строганова.

16 февраля 1921

* * *

Тайной вечери глаз знает много Нева,
Здесь спасителей кровь причастилась вчера
С телом севера, камнем булыжника.
В ней воспета любовь отпылавших страниц.
Это пеплом любви так черны вечера
И рабочих и бледного книжника.
Льется красным струя
Лишь зажжется трояк
На усталых мостах.
Трубы ветра грубы,
А решетка садов стоит стражей судьбы.
Тайной вечери глаз знает много Нева
У чугунных коней, у широких камней
Дворца Строганова.

16 февраля 1921, 1922

ОХОТА НА КОРОЛЕВ.
ОКСФОРД

Лорды, вы любите, кончив Оксфорд,
Охоты на косматых царей лесов.
Приходите, как Каменный гость,
До и после усов.
И, когда лев устало кровью харкает,
Вы смотрите, как умирает лев.
А вы участвовали в Гайд-парке
В охоте на королев?
Оксфорд!

1921

РЕШТ

Дети пекли улыбки больших глаз
Жаровнями темных ресниц
И обжигали случайного прохожего.
Паук-калека с руками-нитками у мечети.
Темнеет сумрак, быстро падая.
И запечатанным вином
Проходят жены. Шелк шуршит.

1921

КУЗНЕЦ

Семьею повитух над плачущим младенцем
Стояли кузнецы, краснея полотенцем,
Вкруг тела полуголого.
Клещи носили пищу —
Расплавленное олово —
В гнездо ночных движений, в железное жилище,
Где пели бубенцы и плакали птенцы,
Из душной серы вынырнув удушливого чада,
Купая в красном пламени заплаканное чадо
И сквозь чертеж неясной морды
Блеснув кровавыми очами черта.
И те клещи свирепые
Труда заре пою.
Жестокие клещи,
Багровые, как очи,
Ночной закал свободы и обжиг
Так обнародовали:
«Мы, Труд Первый и прочее и прочее...»

1921

ИРАНСКАЯ ПЕСНЬ

Как по берегу Ирана,
По его зеленым струям,
По его глубоким сваям,
Сладкой около воды
Вышло двое чудаков
На охоту судаков.
Они целят рыбе в лоб,
Стой, голубушка, стоп!
Они ходят, приговаривают.
Верю, память не соврет,
Уху жарят и пожаривают.
«Эх, не жизнь, а жестянка!»
Ходит в небе самолет,
Братвой облаку удалого.
Что же скатерть-самобранка,
Самолетова жена?
Иль случайно запоздала,
Иль в острог погружена?
Верю сказке наперед:
Прежде сказка — станет былью.
Но когда дойдет черед,
Мое мясо станет пылью.
И когда знамена оптом
Пронесет толпа, ликуя,
Я проснуся, в землю втоптан,
Пыльным черепом тоскуя.
Или все мои права
Брошу будущему в печку?
Эй, черней, лугов трава!
Каменей навеки, речка!

1921

* * *

Как по берегу Ирана,
По его зеленым струям,
По его глубоким сваям
Ходят двое чудаков
Сладкой около воды,
В лоб стреляют судаков.
Они целят прямо в лоб,
Стой, морская рыба, стоп!
Они ходят, приговаривают,
Верю, память не соврет,
Уху варят и поваривают.
Вот какие речи их,
Все умолкло, ветер стих...
«Эх, не жизнь, а жестянка!»
Ходит в небе самолет
Братвой облаку удалому,
Гордо режет облака,
Не догнать их никак!
Где же скатерть-самобранка,
Самолетова жена?
Иль случайно запоздала,
Иль в острог погружена?
Верю сказке наперед,
Прежде сказка — будет былью.
Но когда дойдет черед,
Мое мясо станет пылью,
И когда знамена оптом
Пронесет толпа, ликуя,
Я проснуся, в землю втоптан,
Пыльным черепом тоскуя.
Или все мои права
Брошу будущему в печку?
[Иль в годах неясной муки
Постареют эти руки?]
Эй, черней, лугов трава!
Каменей навеки, речка!

1921–1922

ПО БЕРЕГУ ИРАНА

Как по берегу Ирана,
По его зеленым струям,
По его глубоким сваям,
Сладкой около воды,
Над раздольем судаков
Ходят двое чудаков.
Они целят рыбе в лоб,
Эх, ты, рыба, рыба, стоп!
Они ходят, приговаривают,
Уху варят и поваривают.
Верю, память не соврет:
«Эх, не жизень, а жестянка!»
Ходит в небе самолет
Братом облака удалого.
Что же скатерть-самобранка,
Самолетова жена?
Иль случайно запоздала,
Иль в острог погружена?
Верю сказке наперед —
Прежде сказка будет былью,
Но когда дойдет черед,
Мое мясо станет пылью.
И когда знамена оптом
Пронесет толпа, ликуя,
Я проснуся, в землю втоптан,
Пыльным черепом тоскуя.
Или все мои права
Брошу будущему в печку?
Эй, черней, лугов трава!
Каменей навеки, речка!

<1922>

КУРИЛЬЩИК

Прозрачных улиц сонные трущобы
Полны рассказов
Про тени и притоны,
Успевшие у спавшего отнять
Его дневного мира разум,
Как у простого слова — ять.
Где точно выстрел одинокий — стоны,
Устами высохшими досуха.
Он курит дымный след
И с ядом вместо посоха
На берег сонных грез идет,
Чтоб в дыме сладкой думы,
В цепях железных дыма,
Труд увидал, что им любимы,
Забыв пророков суеты,
Забыв набор железных шумы,
Те степи, где растут лишь цепи!
Цветы недавних слов, завядшие вчера еще,
И голос улицы, вечерний и чарующий,
Где дымный рай к себе звал райю,
И вместо народа адамов — Адам.
Настанет утро. Блеснет заря.
Он снова раб, вернувшийся к трудам.

8 мая 1921
Решт

Я И ТЫ

— Ля! паны! на дереве,
Да целуются, сомашечие, гляди!
Девочки, девушки, ля!
Верочка, что ты?
Твоя на воздухе земля?
Да лучше спрячьтесь в пещере вы!
За поцелуями на дереве охоты?
Веревкой слабо опоясав
Ночной рубашки узкий стан,
На вишню старую взошла,
Как пятна обнажая мясо,
Нарвала утренних запасов
В блюдо без числа.
Хохочет черный огонек
В украденных вторых глазах,
Где смех, как лающий прыжок,
Из окон глаза ищет, как тикать.
А я поймал густые тени
На темных радостных ногах
И опоясанные лени
Ее груди, где детский страх.
И темно-красные краснели ягоды
И уворованное из книг лицо,
Оно расчислено вчера и загодя,
Дать опрокинуться,
А Верою покрыться, как душным одеялом.
А Вера иногда кричала сверху:
— Раб! иди и доложи придворным особам,

Что госпожа уже нарвала вишен. —
В ней смелость и задор,
Победа жизни и добра,
И луч божественный —
Не в смысле существованья бога —
Порой мелькал.
Но кто-то крылья отрубал...
Корзина, полная обеда,
Где вишни, яблоки и груши, —
Читатель, ты заснул? нет, слушай! —
Несется на руках...

1921

Я И ТЫ

Веревкой грубо обвязав
Сорочку белую на стане,
Зажегши девичьи глаза,
На вишню старую взошла,
Держась за сук ее ствола.
Вишневые старые ветки шумят,
Качая свой наряд.
И вот пророчество о деве —
Кукушка простучала девять.
Она проворно набрала
Багровой вишни два стакана.
Вкусны вареники в сметане.
С сметаной белою прекрасны
Толпы вареников запасы.
Но ты, лукавый огонек,
В ее глазах бесенком прыгал —
Уроки закопченных игол.
Свидетель — старенькая книга,
Глаза украдены оттуда,
И книга глаз — уменья чудо.
Я помню ветхое крыльцо,
Крыльца старушечье лицо,
Где спичкой в копоти с утра
Большие очи Богородицы
Наводит добрая сестра,
Как вывеска наводится.
В святых глазах семейства Бога
Скакал безумный огонек.

Она сошла, ее дорога
Ведет на срезанный пенек,
Уселась на пенек,
Колени обвила,
Склонивши голову.
Опять в глазах хохочет огонек
И белой краски темнеет олово.
Кто был виновник,
Что я был человек?
И пел дубровник:
— Вер вер виру сексексек.
О, доски старые крыльца,
Как много раз на вас лежали
Сестер тела,
Нагие, смуглые,
Как невод для солнечного луча,
Точно рыбаком
Расставленные сети немого <нрзб.>,
Казалось, забытого в тиши.
Милее чем коровы «му»
Теленку взаперти в хлеву
Лился огонь.
И вдруг, подкравшись сзади,
Бросал на тело ветки я,
То к солнцу полон ревности,
То шутки ради.

1921

Я И ТЫ

Совет старшин
За вишнями послал.
Был медный взят кувшин.
Кто звал?
Веревкой грубо опоясав
Ночной сорочки стан —
Дал Индостан, —
Смуглея девичьим мясом,
На вишню старую взошла,
Держась за сук ее ствола,
Другой рукою сорвала
Висевших ягод — до числа
Стряпни вареников запасы.
Но ты, лукавый огонек,
Как сумасшедший в глазах прыгал.
И на глазах семейства Бога —
Дела покрытых сажей игол
И трудолюбивых вечеров.
Судья — задумчивая книга
С толпой закрашенных листов,
Где важно, строго и величаво
Око Богородицы написано.
В ее задумчивых очах,
Откуда изгнан темный грех,
Похищенных из писем,
Украденных в семействе Бога,
Досуга сельского забава.

— — — — — —

Как краска на стену наводится
И ветхое крыльцо,
Где спичкой в копоти с утра
Глаза большие Богородицы
Наводит добрая сестра.
Вы памяти о ней утраты,
Где все доходит до порога,
В бровях, намеченных полого,
Сейчас дрожал безумный смех.
Быть может, я стоял внизу немного близко,
Быть может, вишни были нежная записка
И первое «мяу» любви.
И, шаловливой мысли прихоть,
Какой-то книги обезьяна,
Она с ветвей спускалась тихо.
А я поймал святые тени
Ее языческой красы,
<Сорвал> закованные лени
И кос разорванных усы,
Волос и кольца и колена.
И дух голодный накормив
Виденьем тела своего,
Великодушная, молчишь,
Лишь чуть дрожат концы <губ.>

1921

* * *

И пока над Царским Селом лилось пение и слезы Ахматовой,
Я, нить волшебницы разматывая, —
Как сонный труп влачился по пустыне.

Курчавое чело подземного быка
Кроваво чавкало и кушало людей.

И, волей месяца окутан, во сне над пропастями прыгал
И шел с утеса на утес.
Слепой, я шел, пока
Меня рожденья голос двигал.

И бычью голову я снял с могучих мяс и кости
И у стены поставил
Как воин истины, и ею потрясал над миром
— Смотрите, вот она!

1921

* * *

Три года гражданской войны.
Это бойня дела и дула.
Гром окаянного гула.
Раны чугунных скорлуп.
На высокой горе, поджав хвост, безумная мчалась собачка.
Воин, целясь в тулуп,
Нажимает собачку.
Хаты задулись, как серная спичка.
Бах! бах! ба-бах! Горит деревня целая.
Все задымилось.
Брюхом желтая синичка
Звонко пропела: пинь пинь тарарах!
Скажите на милость!
Какая смелая.
Над этим селом закона опала.
Два снаряда
Воздушного яда
В деревню упало.
Завтра ни одно не подымется веко
Ни у одного человека.
Напрасно волнуется море желтеющих жит,
Просит жнецов.
Никто не спасется. Горе тем, кто бежит.
Меткая пуля пошлет в страну отцов.

1921

* * *

Это была драка дела и дула.
Села потонули в огне орудийного гула.
По косогору, поджав обезумевший хвост, скакала собачка.
Красный ратник, нацелясь в бородача мужика,
Нажимает собачку.
Село загорелось, как серная спичка.
Бах! бах! ба-бах! Горела деревня целая.
Желтобрюхая, белощекая синичка,
Вылетев, запела: пинь пинь тарарах!
Скажите на милость!
Какая смелая.
Снаряды
Воздушного яда
Село окружили,
Чтобы заснули те, кто в нем жили.

1921

ТРИ ОБЕДА

Вечер. Столовая, до такого-то часа.
Окорока с прослойками
Ярко-алого мяса,
Свиные кишки,
Набитые жиром,
Хрустящая алая кожа
Молодого, в зеленом листу теленка,
Алая рожа
Смеющегося поросенка,
Жиром умываются горячие ушки.
Хлеб с слезящимся сыром.
Алая пища мясная, здоровая!
От красного мяса слышно: «корова я!»
Алых яблок горы и горы,
Огурцов влажно-зеленые горки.
Я прохожу в белых опорках;
Толпа — денег жрица суровая.
Малиновой ветчины разрез
Во рту исчез.
Разговоры про ссоры, с ножом,
С попойками,
И о торговых проказах
Зеленолицых людей, алооких.
Чая стаканы, все с молоком!
Щи.
Пара куриц.
На куске сыра слёзы и свищи.
Чистый, полный чести,

Самовар в клубах белого пара,
Чародей, шумит и кипит.
Это лицо серебряной жести
Шумно курит.
Седой над пивом спит.
В озерах кровью
С зеленой травой,
С стружками хрена дымное мясо.
Смотрит с любовью,
Алое, как колено.
Протянутые вперед губы лица,
Голова верхопляса,
На стене висят.
После смерти радостные,
Не унывая, но не опрометчивые,
Через кожу алую золотом просвечивая,
На столе смеются двое поросят,
После смерти смеются их пятачки.
Нежным жиром течет,
Прозрачным и золотым сочится,
Алым озаренная, красная говядина.
Беседы о тех, чей конец
На столбе с перекладиной.
Красному мясу почет.
Нож вонзен, и алая ссадина
На темно-зеленом арбузе —
Цепочка на пузе.
На подающей — перышко птичье.
На хрупком белоснежном блюде —
Вкусите люди! —
Еще в дыму мясо бычье.
Зелени и белого хлеба копны.
Полнокровные мешки людских лиц,
Готовые лопнуть.
Речи с запахом дела.
Собаке залаявшей брошено: «цыц!»
И золото алых дымящихся щей
В жирных кругах сверх овощей.
Рыжая кошка,

Красная глазами.
На стеклянном блюде
Нежные пирожные,
Таяли во рту
Хрустящие печенья,
Хрупкие трубки
С белыми сливками.
Руки продаж и покупки.
Алые губы едят.
Зеркало новых господ,
Чудовищно на них похожий,
С полосатой морщинистой кожей
Толстый щенок,
С большими ушами,
Стал на стул
И зарычал от гнева и презренья,
Когда ему дали
Черного хлеба.
Нож алый, зеленый груши цвет,
И мясо — вы всегда соседи!
Как белые цветы,
Пересыпалися живые лица
С кровавым ожерельем
Тугих мешков для сала и для крови.
«Сегодня я, а завтра ты!» —
Гласило их спокойствие немое.
И было радостно лицо свиненка,
Когда он слушал про пропажу самогонки.

———————

А если встать и крикнуть «му!»,
Рога наклонить и прыгнуть через стол,
С гостями и стульями?
Как побегут все прочь!
Приход рогатого посетителя!

13 октября 1921

* * *

Народ отчаялся. Заплакала душа.
И бросил сноп ржаной о землю.
В Киргизию пошел с жаной,
Напеву самолета внемля.
Смутилась степь и покраснела,
И засуха чахотки спалила Волги степи.
Растерзана, как мощи тихого святого.
Кто умер там? Месть готова.
Они поруганы, пещеры святые.
В глазах детей встают Батыи.
Облавой хитрою петли
В тугой завязан узел.
Колосьев нет, их бросил гневно Боже ниц,
И на восток уходит беженец.
И когда самолет четко вырезал четыре,
Каркая, стая ворон
Ринулась туда,
Где лежал богатырь.

<1921>

* * *

А вы, сапогоокие девы,
Шагающие смазными сапожищами
По небу моих слов,
Разбросайте плевки ваших глаз
По большим дорогам!
Рвите пчелиные жала волос
Из ваших протухлых кос!

1921

* * *

Пусть пахарь, покидая борону,
Посмотрит вслед летающему ворону
И скажет: в голосе его
Звучит сраженье Трои,
Ахилла гневный вой
И плач Гекубы,
Когда он кружится
Над самой головой.
И тенью крика своего —
Он зеркало костру.
И пусть невеста, не желая
Любить узоры из черных ногтей
И вычищая пыль из-под зеркального щита
У пальца, тонкого и нежного,
Промолвит: солнца, может, кружатся, пылая,
В пыли под ногтем?
Там Сириус и Альдебаран блестят
И много солнечных миров,
Весь пляшущий на небе табор,
Стаи созвездий, солнц мерцаний и миров.
И белая звезда та,
Что за собою вела игру миров,
Звук солнц сейчасных, весь неба стан —
Его мы думой можем трогать —
Сокрыл в себе. Блестящие девы поют:
Пусть пыльный стол, дрожа от самоката,
Узоры пыли вольно расположит,
Чтоб пальчиком провел
Ребенок с азбукой перед собой,
Сказав: вот это — пыль Москвы, быть может,
А эта точка пыльная — Чикаго.
Ячейки из столиц ткет звук
Рыбацкой сетью.

1921

* * *

Русь, певучая в месяце Ай,
Ты собираешь в лутошко грибы —
рыжик и груздь и сыроежка —
В месяц Ау.
Он голодай. Падает май.
Гнешь пояса в месяц страдник,
Черный и темный ночами грозник.
В серпня времена
Вяжешь снопы.
Жницы в полях.
И в осенины
Смотришь на небо,
На ясное бабие лето.
В месяц реун
Слушаешь зверя, смотришь на зарево.
Свадьбы справляешь в зазимье,
В свадебник месяц,
Глухарями украсив дугу.
Братчины после приходят,
Брага и пиво и вечера.
За ними зимник.
Мчишься на лыжах, зайца подо́зрив.
И синий зимы перелом,
Месяц просинец.
Саням раздолье.
Дороги широкие!
Идет бокогрей.
Лепишь снегур,

Даешь им метлу
И угли для глаза.
Тает и тает снегура.
После пролетье, свистун.
Свисти с голодухи в кулак.
И наконец месяц цветень.
По Батыевой дороге
Полетели грачи.
Это он, заиграй-овраги.
По оврагам мать-мачеха
Золотыми звездочками.
И она от водки бога
Охмелела и пьяна.

1921

16

* * *

Есть запах цветов медуницы
И незабудок
В том, что я,
Мой отвлеченный рассудок
Есть
Корень из безъединицы,
К точке раздела тая
Того, что было
И будет
Убит.

1922

ЗАТИШЬЕ НА МОРЕ

Выстрел отцел. Могилы отцели.
Я грезил быть цел, но тучи умчали от цели.
Сверхморное море! Умчурное море!
И выстрел Онегиным волн
В лоб толп, в мой челн.
Кочуй и качайся в просторе!
Море, насупясь суровым потопом,
Смотрит: кулак окровавлен холопом
Старой судьбы
о наковальню исповедальни.
На обухе — злоба хат!
Алая смерть пришла к панычам.
Шишакеют бугры по ночам.
Меченеет волна.
Трупы отцов пилы времен перепилили.
В кузне шумен перепел «Или».
Труп сыневи из синевы.
Черный пес гложет белую кость,
Праздника древнего ость.
Хочет иливой рекой
Литься покой.
Пролит на землю мешок этот.
Эту́нный валун на земле, точно кость,
Грызет люд, замороженный в лед.
Слоги свирепых чугунных тенёт.
Череполапые стены.
В парчовом снегу идет божестварь.
В молитвах траве — иншестварь.
На пенье унылой онели

16*

Выстрелы слез вдалеке —
Это инес рождестварь,
Илийного века глашатай.
Ончие тучи неслись,
Отобые тучи над миром.
Стучит черепами волна.
Лавина будийц пробежала.
Месяц ушел в собеса, зоревея.
Синели негзори над берегом.
Синьалая бьется волна.
Инея, синеет волна.
По волнам менавль пронесся.
Этóт каменеют утесы и глыбы.
Как звери столетий сидят
Утесы могучих такот.
В белый смерч вчера
сегодня
Черепов песок был поднят
И подвешен чубом мертвых прямо к облаку ночному.
Инь, волнуйся! Синь, лети!
Бей, инея, о каменья
Пегой радугой инес!
Бей и пей вне цепей,
Негославля паруса!
Отшумели парусами прилетавли не сюда...
Тотан, завывающий в трубы
Ракушек морских
О скором приходе тотот.
Тутырь, умирающий грубо,
И жемчуговеющий рот.
Слабыня мерцающих глаз.
Трупеет серебряный час.
Шагай же по горям великого моря,
Тутчина кончины,
Ончина кончины!
Этаны, этаны, проснитесь!
Сумрак времен растолкать
Ночная промчалася кать.
Ончие песни! Ончие стоны!

В выстрелы высь травы!
Рыдайны могучие зовы,
Рыдайны могучие зевы.
Стеклянного утра волны́
Рыдайны и тайны они.
Колосьями море летит на ущерб
И скосит колосья отмели серп.
Те падают в старую тризну,
Очами из жемчуга брызнув.
Священны утесы отот.
Отийцы! ототы! вы где?
И волны смеялись над смертью своей,
Катясь в голубой отобняк.
А люд-лучей золотое пятно
Мыслящая печь сорвала, наклонясь, —
Цветок незабудку.
Детская кража!
Голубой сыневи у мировой синевы.

22 января 1922

НА МОРЕ

Выстрел отцел. Могилы отцели.
Кто грезил быть цел, тех умчали от цели.
Сверхморное море! Умчурное море...
Чу, выстрел Онегиным волн
В лоб толп. Мой челн,
Кочуй и качайся в просторе!
Пучинясь, плескалось о жизни бока
Синяя степь рыбака.
На небе был ясен приказ: убегай!
Море, насупясь суровым потопом,
Смотрит: кулак окровавлен холопом
О наковальню исповедальни.
На обухе — злоба хат.
Сыноновж —
В материнскую рожь!
Алая смерть пришла к панычам.
Шишеют бугры по ночам.
Трупы отцов пилы времен перепилили.
В кузне шумен перепел «или».
Черный пес гложет белую кость,
Праздника древнего ость.
Хочет покой
Литься иливой рекой.
Сваи Азбуки были вчера
Оцелованы пеной смертей.
Грызет люд, замороженный в лед,
Слоги свирепых чугунных тенёт,
Череполобые стены.
Весь в парчовом снегу идет божестварь

Под пенье унылой онели.
Выстрелы слез вдалеке —
Это инес рождестварь.
«Или» ковало повсюду, везде, богатых и бедных.
Пал отобняк прежних времен.
Плачет мысляр за веселым окном.
Стоит часовым равенстварь.
Когтивое зарево — ворон из синей горы —
Упало сюда на сады, на ночные сады.
Булыгзоры, встав на лапы, <нрзб.> попугая
Велиганского брюха рога,
Чтобы ветка тугая —
Душа наклонилась врага.
Пригорок-страдалец,
Катовой жалостью тучи казались.
Исчезли вчерахари в сны.
Камнеправды дикий топот
По вчерашним берегам.
Смотрит бегвою былая богва.
Из замков высокой отобы
Белые выстрелы злобы,
Песни грозовой соловы,
Неговольные стоны мечей,
Могогурные вопли ночей.
Тайна мечеет речей.
Скрылся за тучей верхарни умов
Прибой человеческих мов.
Прыги железных копыт
<нрзб.>
Рыги неслыханных пыт,
Опыт опять быть оковам,
Быть белою книгой подковам
Для гордых шипов печатавших пят.
Это опять
Губы мира морей
Обалованы плеском кровей.
Громадогруди облаков,
Сотня заноз в стан кулаков.
Отцепеплом ночь палачеет

<Духом палаческим веет>.
Столице молчится точно волчице...
Глуши глуше, метко!
Нет людей, только нож в руке предка.
Прошлого сов скуй
Чарой бесовской.
Мужестварь голубого пути, торжестварь на заре голубой!
В столицах, где пуль гульба, гуль вольба, воль пальба,
А небо загажено
Шагнуть тенью Разина
И багровым от крови столетьям
Места показать длинной плетью.
И вот сыновеет выстрел —
Ловко выбить писателя зуд,
Застрявший в глазу.
Буй бегов
Бой богов
Балалая
Шалалая
Халолая
Песня долоя удалая.
Горе гуря
Милогуря
Баломалогуря.
Моря бурево
Искурить, как спокойное серое курево.
— Жениху молодому цепей
Быть целомудренной ночью покор<ным>.

22 января 1922

ОТКАЗ

Мне гораздо приятнее

Смотреть на звезды,
Чем подписывать смертный приговор.

Мне гораздо приятнее

Слушать голоса цветов,
Шепчущих «это он!»,
Когда я прохожу по саду,

Чем видеть ружья,
Убивающие тех, кто хочет
Меня убить.

Вот почему я никогда,
Н и к о г д а
Не буду правителем!

Январь 1922

* * *

Эй, молодчики — купчики,
Ветерок в голове.
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!

Не затем высока
Дума-правда у нас,
В соболях — рысаках
Чтоб скакали, глумясь.

Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки.

Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть, буду петь
Доном — Волгою!

Я пошлю во перед
Вечеровые уструги.
Кто со мною — в полет!
А со мной — мои други.

1922

* * *

Если ветер придет целовать,
Расскажу, что кровь запеклась
И присохла к седым волосам.
А бровь черкнет крылом грача,
Созвездие бешенством пестуя.
И будет более плача,
Чем в неделю дней мясопуста.
Это будут прекрасные масти:
Снежные, черные и золотые.
Это конница девушек мести
Летит на орудия, тая.
Это были бровей небоскребы,
Искавшие к облаку тропы.
Алым, снегом сиявшие, губы
Глодали далекие трупы.
Перед кустарником поднятых рук
Ступает суровый белый конь.
«Весною цветами, — молвил рок, —
Оседланный съест вас скакун».

1922

* * *

Волга, Волга!
Ты ли глаза-трупы, ты ли глаза-мертвецы
Возводишь на меня?
Ты ли возводишь
Мертвые белки
Сел-самоедов,
Затерянных в снегу?
Сел охотников за детьми,
Исчезающими вечером?
Мертвые очи слепца в белых ресницах метели
Ты подымаешь, страшно скосив?
Кто проколол тебе очи? Кто сослал на острова людоедов?
Скажи, это ложь!
Скажи, это ложь!
За пятачок построчной платы.
Волга, снова будь Волгой!
Бойко, как можешь,
Взгляни в очи миру!
Как! Волга, матерью,
Дикой волчицей, бывало,
Подымавшая шерсть,
Когда смерть приближалась
К постелям детей, —
Теперь сама
Кушает своих детей,
Бросая дровами в печь времени?
Отведи, отпусти, старая Волга,
Бельма слепые
Сел самоедов.

<1922>

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ТЕКСТОВ И СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

АРХИВЫ

ГММ — Отдел рукописей Государственного музея В.В.Маяковского. Москва.

ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН. Москва.

ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы РАН. Санкт-Петербург.

РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства. Москва.

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Санкт-Петербург.

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Вестник Велимира Хлебникова, 1922 — Вестник Велимира Хлебникова. М., 1922, № 1, 2 <литограф. издания>.

Доски судьбы, 1922 — Велемир Хлебников. Отрывок из Досок судьбы <три выпуска, второй и третий с подзаголовками: «Лист 2-ой», «Лист 3-ий»> М., 1922, 1923.

Стихи, 1923 — Велемир Хлебников. Стихи. М., 1923 <изд. П.В.Митурича>.

Записная книжка, 1925 — Записная книжка Велимира Хлебникова. Собрал и снабдил примечаниями А.Крученых. М.: Изд. Всероссийского союза поэтов, 1925.

Всем. Ночной бал, 1927 — Хлебников В. Всем. Ночной бал». Альвэк. «Нахлебники Хлебникова: Маяковский — Асеев». М., 1927 <изд. В.В.Хлебниковой и П.В.Митурича>.

НХ — Неизданный Хлебников. Под ред. А.Крученых. Выпуски I–XXX. М.: Изд. Группы друзей Хлебникова, 1928–1933 <стеклограф. издание>.

СП — Собрание произведений Велимира Хлебникова. Под общей ред. Ю.Тынянова и Н.Степанова. Ред. текста Н.Степанова. Л.: Издательство писателей в Ленинграде. Т. III. Стихотворения 1917–1922. 1931. Т. V. Стихи, проза, записная книжка, письма, дневник. 1933.

ИС, 1936 — Хлебников В. Избранные стихотворения. Редакция, биографический очерк и примечания Н.Степанова. М.: Советский писатель, 1936.

НП, 1940 — Велимир Хлебников. Неизданные произведения. Поэмы и стихи. Редакция и комментарии Н.Харджиева. М.: Художественная литература, 1940.

Творения, 1986 — Велимир Хлебников. Творения. Общая редакция и вступительная статья М.Я.Полякова. Составление, подготовка текста и комментарии В.П.Григорьева и А.Е.Парниса. М.: Советский писатель, 1986.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СБОРНИКИ, ЖУРНАЛЫ, МОНОГРАФИИ

Временник 2, 1917 — Временник 2. М. <Харьков> Изд. Лирень, 1917.

Временник 4, 1918 — Временник 4-ый. М.: Изд. Василиск и Ольга <Гнедовы>, 1918.

Без муз, 1918 — Без муз. Художественное периодическое издание. Нижний Новгород, 1918, № 1 <июнь>.

Пути творчества, 1919 — Пути творчества. Харьков. Изд. подотдела искусств Отдела народного образования Губисполкома, 1919, № 5 <факт. начало 1920 г.>.

Сборник нового искусства, 1919 — Сборник нового искусства. Харьков. Изд. Всеукраинского отд. искусства НКП, 1919 <факт. начало 1920 г.>.

Харчевня зорь, 1920 — Харчевня зорь. М. <Харьков> Изд. Имажинисты, 1920.

Булань, 1920 — <сб. стихов> Булань. М., 1920 <осень>.

Мы, 1920 — <сб. стихов> Мы. М.: Изд. Чихи-пихи при Всероссийском союзе поэтов, 1920 <осень>.

Мир и остальное, 1920 — <сб. стихов> Мир и остальное. Баку, 1920 <осень, машинопись>.

Лирень, 1920 — <сб. стихов> Лирень. М., 1920 <факт. начало 1921 г.>.

Стихи вокруг Крученых, 1921 — <сб. стихов> Стихи вокруг Крученых. Баку, 1921.

Заумники, 1922 — <стихи и статьи> Заумники. <М.,> Изд. ЕУЫ, 1922 <факт. конец 1921 г.>.

Библиотека поэтов, 1922 — <сб. стихов> Библиотека поэтов. Изд. и ред. В.Каменского. М., 1922 (1923), № 1, 2.

Радиус авангардовцев, 1928 — Радиус авангардовцев. Литературный сборник русской секции <«Авангарда»>. Харьков, 1928.

День поэзии, 1975 — <ежегодный поэтический альманах> М.: Советский писатель, 1975 (публикация Н.И.Харджиева).

День поэзии, 1982 — М.: Советский писатель, 1982 (публикация Р.В.Дуганова).

День поэзии, 1985 — М.: Советский писатель, 1985 (публикация Р.В.Дуганова).

Литературное обозрение, 1988 — Литературное обозрение. М., 1988, № 7 (публикация А.Е.Парниса).

Хлебниковские чтения, 1991 — Хлебниковские чтения. Материалы конференции 27—29 ноября 1990 г. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме. СПб., 1991 (публикация Р.В.Дуганова).

Vroon, 1975 — Russian Literature Triquarterly, Michigan, 1975, № 12 (публикация Рональда Вроона).

Vroon, 1983 — Ronald Vroon. Velimir Xlebnikov's shorter poems. A key to the coinages. Michigan, 1983.

Vroon, 1989 — Ronald Vroon. Velimir Xlebnikov's Krysa. Stanford, 1989.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Народ поднял верховный жезел...» (С. 7). — Впервые: СП, III, 1931, по датированной рукописи, хранившейся у Г.Н.Петникова. Написано в Харькове, куда Хлебников приехал из Саратова, отпущенный на лечение командованием 90 запасного пехотного полка (учебная команда).

Стихотворение — в форме внутреннего монолога свергнутого монарха — передает события и атмосферу Февральской революции 1917 г. 25 февраля по старому стилю голодные волнения в Петрограде переросли во всеобщую политическую забастовку под лозунгом «Долой царя!». В позднейших хронологических заметках Хлебников называл этот день «началом овелимирения земного шара», так как год гибели государства был предсказан им в диалоге «Учитель и ученик», 1912 г. (см. автобиографию «Свояси», 1919). Ср. монолог Великого князя в драматической поэме «Настоящее» (1921).

Цезарь Гай Юлий (100—44 до н.э.) — римский государственный деятель, фактически установивший монархию, был убит республиканскими заговорщиками; его имя стало титулом римских императоров, от него происходит и русский титул «царь», впервые принятый Иваном Грозным в связи с идеей Москвы — Третьего Рима.

Тот поезд бегства, тот, где я отрекся — царь Николай II отрекся от престола 2 марта 1917 г. в поезде — ставке Верховного главнокомандующего на станции Дно, возле Пскова.

Крылатый дух вечернего собора — фигура ангела с крестом на шпиле Петропавловского собора.

Ты жрица, рвущая тенёта — возможна связь с греческим мифом о жрице храма Артемиды Ифигении (см. примеч. к стихотворению «Крымское», 1908). Сама чуть не ставшая жертвой кровавого обряда, Ифигения как жрица должна была приносить в жертву чужеземцев. От ее руки едва не погиб родной брат Орест. В трагедии Гёте «Ифигения в Тавриде» (пер. В.Водовозова, СПб., 1888) жрица, находившаяся «в священных узах рабства» у скифского царя Тоаса, не только освободилась сама, но и способствовала прекращению жертвоприношений среди варваров.

Народной крови темных снегирей... — образ «кровавого воскресенья» (9 января 1905 г.); см. примеч. к стихотворению «Кобылица свободы. Дикий бег напролом...» (1921).

Подругу одевая, как Гирей — вероятно, намек на М.Ф.Кшесинскую (см. примеч. к стихотворению «Земные стары сны...», 1917), в целом — аллюзия к поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан».

Цвель обл. — плесень.

Дантон — деятель Французской революции XVIII в., член Конвента, осудившего на смерть королевскую семью; см. стихотворение «Жиронды враг...» (1921).

Кромвель — руководитель Английской революции XVII в., низложившей короля и провозгласившей республику.

«Свобода приходит нагая...» (С. 8). — Впервые: Временник 2, 1917 (без подписи). С небольшим изменением вошло в поэму «Война в мышеловке» (1919). Печатается по рукописи третьей редакции (РГАЛИ; впервые: Стихи, 1923). Первопечатную редакцию и вторую редакцию конца 1921 — начала 1922 г. (рукопись из собрания Вс.Вяч.Иванова) см. на с. 408, 409.

Ритмический и образный строй стихотворения связаны со стихами тринадцатилетней «малороссиянки Милицы» (Е.А.Дзигановская?) из сб. Садок судей II (1913):

В цветы полевые одета
Богиня весеннего дня
Идет к нам в предвестии лета
Изящна, как нимфа-весна.
Одною рукой рассыпает
Цветы на пустые поля,
Другою рукою бросает
Добро в молодые сердца.

См. письмо Хлебникова (октябрь 1912 г.) издателю Садка судей II М.В.Матюшину с настоятельной просьбой напечатать стихи Милицы: «Через четыре года это поколение войдет в жизнь. Какое слово принесет оно? Может быть, эти вещи детского сердца позволяют разгадывать молодость 1917—1919 лет». См. также статью «Песни 13 вёсен» (1913). Хлебников включил Е.А.Дзигановскую в список Председателей Земного Шара, напечатанный в сб. Временник 4 (1918).

Прообразом стихотворения Хлебникова, как и восьмистишия Милицы, является картина Сандро Боттичелли (1447—1510) «Весна».

Мы, воины, смело ударим Рукой по суровым щитам — в древнем Риме воины приветствовали новоизбранного императора ударами в щиты. Ср. в стихотворении А.Блока «О, весна без конца и без краю...» (1907): «Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! И приветствую звоном щита!».

О верноподданом Солнца — соотносимо с идеей заметки, относящейся к 1918 г.: «...высшим носителем власти славяне считали Солнце» (см.: Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. М., 1997. Т. 2. С. 283). Возможно, здесь также метафорически обыгран мотив идеологии сочинения Томмазо Кампанеллы «Город Солнца» («Civitas Soli», 1623): среди равноправных граждан утопического города «первым является первосвященник, который на их языке носит название

Солнце; на нашем мы назвали бы его Метафизиком» (цит. по изд.: Город Солнца. СПб., 1907. С. 7). См. ниже.

«Вчера я молвил: «Гулля, гулля!..» (С. 10). — Впервые: однодневная газ. Союза деятелей искусств «Во имя свободы». Пг., 25 мая 1917, под названием «Сон». На газ. вырезке (ИРЛИ) стихотворение помечено: «Город Солнца», что указывает на интерес Хлебникова к знаменитому произведению Т.Кампанеллы и возможную связь с ним замысла большого антивоенного произведения. Стихотворение вошло в поэму «Война в мышеловке» (1919). Печатается по рукописи третьей редакции (РГАЛИ; впервые: Стихи, 1923). Первый вариант (впервые: НП, 1940) и первоначальную редакцию см. на с. 410, 412 .

Газ. «Во имя свободы» была издана ко дню выпуска Временным правительством т.н. «Займа свободы» для привлечения средств на продолжение войны. Тезисы, составленные Хлебниковым и Г.Н.Петниковым в апреле 1917 г., имели антивоенный характер: «1. Мы — смуглые охотники, привесившие к поясу мышеловку, в которой испуганно дрожит черными глазами Судьба. Определение судьбы как мыши. 2. Наш ответ на войны — мышеловкой». Вспоминая события тех дней, Хлебников писал осенью 1918 г.: «На празднике искусств 25 мая знамя Председателей Земного Шара, впервые поднятое рукой человека, развевалось на передовом грузовике <...> В однодневной газ. «Заем Свободы» Правительство Земного Шара обнародовало стихи: «Вчера я молвил: гуля, гуля!..»

Гулля, гулля! — звукоподражание голубиному воркованию, здесь связано с декларацией «Труба марсиан» (1916), где использованы «марсианские» возгласы «улля, улля» из романа Г.Уэллса «Война миров».

Дедер обл. — нечистый, дьявол.

Ость арх. — остроконечная палка.

Зины обл. — глаза.

Зетить обл. — глядеть, высматривать.

Мава — см. примеч. к стихотворению «Гевки, гевки, ветра нету...» (1913).

Вежды арх. — глазные веки.

Жемчурка (жемжурка) обл. — бойкая, вертлявая женщина; народная пляска с «не всегда пристойными выступками» (Даль).

Веле! др.-рус., польск. — восклицание, означающее одобрение, восторг.

К первой редакции:

Ящер-зеленак (зеленяк) обл. — ящерица.

Богоед — птица.

Жестокан арх. — жестокий, жестокосердный.

Ратовать южно-рус. — спасать, подавать помощь.

Венчали бабочку и турку — ср. картину бесования в стихотворении Пушкина «Гусар»: «жида с лягушкою венчают».

Зень обл. — земля.

Зенки обл. — глаза.

Зебри обл. — челюсти.

Союзу молодежи (С. 11). — Впервые: газ. «Правда молодежи». Пятигорск, 1 ноября 1921 (№ не разыскан). Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ; перепечатано в СП, III, 1931). Сокращенный вариант 1922 г. (впервые: Библиотека поэтов, 1922) см. на с. 413.

Написано, вероятно, осенью 1917 г., когда решением VI съезда РСДРП стали создаваться «Союзы молодежи» как отдельные ячейки (с осени 1918 г. — Российский коммунистический союз молодежи); Хлебникову важно совпадение названия новой организации с художественным объединением «Союз молодежи», в которое входили поэты «Гилеи». Обращение к «Союзу молодежи» и сходные литературные мотивы (например, «русские мальчики» — аллюзия к роману Ф.Достоевского «Братья Карамазовы») есть у Д.Петровского (см. примеч. к стихотворению «Через строй столетий...», 1916) в книге стихов «Пустынная осень» (1920), относящихся к 1917 г., времени совместного их проживания в петроградском пригороде Смоленке. Публикация стихотворения Хлебникова в 1921 г. переосмысливала «три года» как годы гражданской войны, хотя речь здесь идет явно не о «внутренней», а о «внешней» войне 1914—1917 гг. Ср. стихотворение «Три года гражданской войны...» (1921).

...дыру на котле <...> Локтем своего тела смело заткнул — ср. в стихотворении «Еще сильней горл медных шум мер...» (1915) сходный образ самопожертвования в морском сражении; возможна связь этого образа с древнеримской историей Гая Муция Сцеволы (508 г. до н.э.): схваченный врагами юноша показал свое презрение к пыткам и смерти, положив правую руку на пылавший жертвенник.

Смело вскочите на плечи старших поколений — перифраз известного выражения Ньютона: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов» (см.: Столетов А. Жизнь и личность Ньютона // Двухсотлетие памяти Ньютона (1687—1887). М., 1888. С. 11).

Огневоду (С. 12). — Впервые: День поэзии, 1975. Написано в Смоленке (см. ниже).

«На лодке плыли боги...» (С. 13). — Впервые: День поэзии, 1975. Записано на обороте стихотворения «Огневоду».

А сейчас <...> в острог на жительство — арестованные в Зимнем дворце 25 октября 1917 г. члены Временного правительства содержались в Петропавловской крепости.

«Воин морщинистолобый...» (С. 15). — Впервые: в статье А.Парниса «Смутьян холста» («Творчество», 1988, № 11), по рукописи на вырванной из книги П.Филонова «Пропевень о проросли мировой» (Пг., 1915) странице с рисунком «Стрелок» (см. ил.). Датировано: *28 октября*.

Об этой книге Хлебников писал ее издателю М.В.Матюшину в апреле 1915 г.: «От Филонова, как писателя, я жду хороших вещей; и в этой книге есть строчки, которые относятся к лучшему, что написано о войне. <...> Рисунок мне очень нравится пещерного стрелка, олени, собачки, разорванные своим бешенством и точно не рожденные, и осторожно-пугливый олень».

Как много керенских... — уничижительно о главе Временного правительства и Верховном главнокомандующем Александре Федоровиче Керенском (1881–1970). См.: Петровский Д. Повесть о Хлебникове. М., 1926. С. 33: «Главнонасекомствующая на солдатских шинелях». С таким титулованием он обращался к Керенскому в своих письмах и при этом называл его в женском роде, находя особое удовольствие в совпадении имен его и бывшей царицы». Упомянутые «письма» см. в очерке «Ранней весной 1917...» (1918); между тем в поэме «Воззвание Председателей Земного Шара» (апрель 1917) Керенский получал «пропуск в правительство звезды».

Письмо в Смоленке (С. 16). — Впервые: СП, V, 1933, по списку Д.В.Петровского, содержавшего ряд неразобранных мест и искажений; наиболее очевидные погрешности первой публикации здесь исправлены по смыслу. Перед стихотворением стояла дата начала работы: «16 октября 1917 у Дм.Петровского». Судя по указанию в тексте («мне послезавтра 33 года»), работа была продолжена 26 октября. На самом деле 28 октября 1917 г. Хлебникову исполнилось 32 года, но в данном контексте ему, очевидно, важен был намек на «возраст Христа».

Смоленка (или село Смоленское) — рабочий пригород Петрограда, рядом со Смоленским кладбищем на Васильевском острове.

Два угломига — возможно, описание шестиконечного креста; ср. в одном из вариантов предисловия к «Доскам судьбы» (1922): «Крест северной веры, который одни понимают как проникание времени в пространство и их угловое отношение и видят в нем пространственное толкование учения Минковского, другие — как проясненный лик человека, где ось глаз пересекает перекладину средней черты лица». О Минковском см. примеч. к стихотворению «Восток, он встал с глазами Маяковского...» (1920).

Шагали трехгодовалые — то есть участники мировой войны, начавшейся летом 1914 г.

Во львов, поворачива<ющих> шар <земной> — образ навеян каменными изваяниями львов с шарами на невской набережной (скульптор Трискорни, 1830), которые упомянуты в поэме Пушкина «Медный всадник».

Похороны трупа Красного Солнца... — здесь и далее развивается одна из основных натурфилософских тем Хлебникова о всеобщей связи бытия через смерть (ср. стихотворение «Когда умирают кони — дышат...», 1911; статью «Колесо рождений», 1919; рассказ «Перед войной», 1922); ряд образов перекликается с очерком Л.Н.Толстого «Солнце — тепло» (цикл «Рассказы из физики»): «Человек построил себе дом. Из чего он его сделал? — Из бревен. Бревна вырублены из деревьев. Деревья выростило солнце. Ест человек мясо. Кто выкормил животных, птиц? — Травы. А травы выростило солнце. Всё, что людям нужно, что идет прямо в пользу, всё это заготовляется солнцем и во всё идет много солнечного тепла» (ПСС. Пг., 1916. Т. 14. С. 484). Исторические события земной жизни поставлены здесь в связь с периодами солнечной активности. По наблюдениям русского астрофизика Д.О.Святского (1881–1937?), годы наибольшей пятнообразовательной деятельности на Солнце отмечены на Земле общественными потрясениями (революции во Франции 1830 и 1848 гг., Парижская коммуна 1871 г., русские революции 1905 и 1917 гг.); теоретическое осмысление этих наблюдений стало темой докторской диссертации А.Л.Чижевского «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса» (МГУ, 1918). Эту тему в связи с новым искусством развивал в своих выступлениях 1913–1914 гг. Н.И.Кульбин, например в лекции «Грядущий день и искусство будущего».

«Земные стары сны...» (С. 19). — Впервые: СП, V, 1933, по списку Д.В.Петровского; наиболее очевидные погрешности первой публикации исправлены по смыслу.

Из воспоминаний Хлебникова о жизни в Смоленке: «Мой спутник, Петровский, большой знаток привидений, обратил мое внимание на одно деревцо — черную настороженную березку, стоявшую за за-

бором. Оно чутко трепетало листьями от малейшего ветра <...> Петровский начал относиться к нему с суеверным вниманием. Позднее он открыл, что береза растет над мертвецкой, где хранились до вскрытия тела убитых. Это было уже в самый разгар событий. Мы жили у рабочего Морева, и у него, как и у многих жителей окраины, в это время хранились куски свинца для отлива пуль — так, на всякий случай» («Ранней весной 1917...», 1918).

Шпиц нем. — архитектурная деталь, островершие (Даль).

Деньгороб — неологизм («банкир»?), ср. «землероб».

Ударник — военнослужащий особых частей Временного правительства.

Светопись — фотография.

Кшесинская Матильда Федоровна (1872—1971) — балерина, фаворитка Николая II; после Февральской революции оказалась в центре внимания прессы и официальных расследований органов юстиции новой власти (см. примеч. к стихотворению «Народ поднял верховный жезел...»).

«Ты же, чей разум стекал...» (С. 22). — Впервые: газ. «Красный воин». Астрахань, 1918 (декабрь? № не разыскан). В дневниковых записях датировано: *7 декабря 1917*. Вошло в поэму «Война в мышеловке» (1919). Печатается по рукописи весны 1922 г. (РГАЛИ, впервые: Стихи, 1923).

Вариант конца 1918 г. под названием «Из Великого Четверга» (впервые: факсимильно в изд.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. М., 1989. С. 319) см. на с. 414. Датировано: *1918*. Первоначальное название «Разум. Отрывок» и последняя строка в рукописи — «А короли и войны перстня играют пламенем» — зачеркнуты; этот вариант, очевидно, связан с замыслом сверхповести «Сестры-молнии» (1918—1921). Краткий вариант, относящийся, вероятно, к весне 1919 г. (РНБ, архив К.И.Чуковского), печатается впервые на с. 415. Следующий вариант 1919 г. (впервые: Пути творчества, 1919) см. на с. 416 . Вариант 1920 г. под названием «Улитка столетий» (по списку В.Козакова, сделанному 11 ноября 1920 г. в Баку; РГАЛИ) см. на с. 417; без названия и с небольшими разночтениями он напечатан в статье: Бородин А. О Велимире Хлебникове // газ. Бакинский рабочий, 16 июля 1922. Еще один бакинский вариант, подаренный В.И.Иванову и датированный *30 ноября 1920* (архив В.И.Иванова, Рим), печатается впервые на с. 418. Вариант осени 1921 г. (РГАЛИ; напечатан в: Стихи, 1923) см. на с. 419. Вариант конца 1921 — начала 1922 г., с пометой: «Красный воин», 1918 (собрание Вс.Вяч.Иванова) печатается впервые на с. 420.

В материалах к «Доскам судьбы» (РГАЛИ), изучая закономерности собственного творчества, Хлебников относил это стихотворение ко времени исключительного внутреннего подъема и, сопоставляя его с повестью «Ка» (1915) и драмой «Ошибка Смерти» (1916), называл вещью «гордой, полной вызова и веры в победу». Вместе с тем в «Досках судьбы» (1922) он отмечал общее «толстовское настроение дней роспуска войск 7/XII 1917 г.» и «волю к миру» (Лист 2).

Т.Вечорка, встречавшаяся с Хлебниковым в Баку, вспоминала: «Однажды мы были втроем с Хлебниковым и еще кем-то (не вспомню). «Кто-то», глядя на Велимира, говорил, что, услышав новое стихотворение Велимира, Вячеслав Иванов обнял его, расцеловал и сказал: — Хлебников, вы ангел! — Хлебников молчал, моргая, но видимо был рад. Я спросила: — Что это за стихотворение? — Он потянул листок и написал:

Ты же, чей разум стекал, как седой водопад,
На пастушеский быт первой древности

и т.д.» (Воспоминания о Хлебникове // Записная книжка, 1925). См. также воспоминания М.Альтмана «Разговоры с Вячеславом Ивановым» (СПб., 1995. С. 33; дневниковая запись от 21 января 1921 г.): «И Ангел вострубит, что времени больше не будет», — может вы, Велимир, этим Ангелом и будете, — сказал он Хлебникову». (Здесь слова о трубящем Ангеле — неточная цитата из «Откровения» св. Иоанна Богослова, 11:15.)

По свидетельству А.Н.Андриевского (харьковского знакомого поэта), Хлебников разъяснял стихотворение следующим образом: «Кеплер писал, что он слушает музыку небесных сфер. Я тоже слушаю эту музыку, и это началось еще в 1905 году. Я ощущаю пенье вселенной не только ушами, но и глазами, разумом и всем телом. Самая важная в нем строчка — это «Шиповники солнц понимать точно пение». В ней в самой краткой форме я утверждаю свою убежденность в пульсации всех отдельностей мироздания и их сообществ. Пульсируют солнца, пульсируют сообщества звезд, пульсируют атомы, и ядра, и электронная оболочка, а также каждый входящий в нее электрон» (Мои ночные беседы с Хлебниковым // Дружба народов, 1985, № 12, с. 237). Из «Досок судьбы» (Лист 3, с. 45): «Каждое небесное тело отвечает особой ступени на лестнице троек и шаг от одного к другому светилу создан повышением степени на единицу. Это то пение звезд, повышение голоса времени, о котором думали древние. Чистые законы времени одни и те же у всех вещей, звезд и людей <...> Если Пифагор слышал звезды как звуки, а в звуках искал звездных небес,

это потому, что в его сознании показатель степени мог быть отрицательным и положительным. Его ощущения года переходили в звуки и наоборот; у большинства людей он только положительный». Отсюда раздельно-единый образ стихотворения (я — ты), где мировое, бесконечное Я поэта благословляет его земное, конечное Я, стремящееся к воссоединению с бесконечным. Ср. стихотворения «Я не знаю, Земля кружится или нет...» (1909), «Судьба закрыла сон с зевком...» (1921), драматическую поэму «Взлом вселенной» (1921).

Кто череп, рожденный отцом ~ Жила росистая ветка Млечного Пути — образ переосмысливает масонскую легенду об убийстве архитектора Соломонова храма Хирама, тело которого было обнаружено по ветке мирта (или акации) над его тайным захоронением (см. легенду и рисунок-схему в книге: Папюс. Генезис и развитие масонских символов (пер. с фр.; СПб., 1911. С. 20, 67). Илл. на с. 416.

Я, носящий весь земной шар На мизинце правой руки — ср. в «Предложениях» (1920—1921): «Радея об освобождении правды духа от условной одежды тела, создать общество носителей земного шара на мизинце руки. Люди подобно робкой улитке не выходят из ракушек тела, скучают в своей одежде и мало купаются в море мыслей». Возможно, имеется в виду чугунный масонский перстень с изображением на печатке Адамовой головы, скрещенных костей и надписью «sic eris» (таким будешь). См. роман А.Ф.Писемского «Масоны» (СПб., 1880. С. 3).

Проползет улитка столетий — ср. выражение «лестница улиткою» (Даль), ассоциативно связанное с библейским образом «лестницы Иакова», ведущей в обитель ангелов (Быт. 28: 12—13).

«Сияющая вольза...» (С. 25). — Впервые: Временник 4, 1918. Черновой набросок — в рукописи первой редакции стихотворения «Пен пан», 1915 (ИМЛИ):

По озеру шел синеглазый мороль,
И рядом сидит моролева,
Весь белый идет моролевич.

О способах словообразования в этом стихотворении см. «Вступительный словарик односложных слов» (1915) и др. статьи и заметки.

Ничтрусы — неологизм в духе «всеславянского языка»: ничего не боящиеся. Ср. «ництрусы» в «Это парус рекача», 1922.

Где плачет зороль — ср. в письме 1916 г. из воинской части друзьям: «Король в темнице. Король томится» (см. примеч. к стихотворению «Где, как волосы девицыны...», 1916).

«Капает с весел сияющий дождь...» (С. 26). — Впервые: Без муз, 1918, под названием «Морская песнь». С незначительными изменениями вошло в поэму «Война в мышеловке» (1919). Рукопись осени 1921 г. (РГАЛИ) называется «Вождь», рукопись конца 1921 — начала 1922 г. (собрание Вс.Вяч.Иванова) — «Морской вождь». Печатается по рукописи весны 1922 г. без названия (РГАЛИ; впервые: Стихи, 1923).

Романтическая неотчетливость героя («вождь») затрудняет смысловую дешифровку стихотворения. В первопечатном варианте о «вожде» последовательно заданы вопросы: «Где он?», «Кто он?», «Какой он?». Тематически ведущая «морская» линия, по-видимому, имеет отношение к эзотерике раннего манифеста «Курган Святогора» (1908), в который включено четверостишие:

Благословляй или роси яд,
Но ты останешься одна,
Завет морского дна —
Россия.

В манифесте: «Жена/Вдова» тоскует по «Супругу/Море». В «Морской песне» олицетворяющий море и «потерявший имёна» герой связан с тем, чтó о нем «тосковало» (Жена — Россия?). См. примеч. к стихотворению «Он с белым медведем бороться...» (1921).

Он русый, точно зори — ср. «зороль» в стихотворении «Сияющая вольза...» (1917).

Как колос спелой ржи — ср. следующее стихотворение «И черный рак на белом блюде...».

Голубое руно — тема поисков «золотого руна» из греческой мифологии трансформирована символическим образом «голубого цветка» из романа немецкого писателя Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1802).

«И черный рак на белом блюде...» (С. 27). — Впервые: Лирень, 1920, под названием «Вила и леший». Печатается по рукописи весны 1922 г. (РГАЛИ). В рукописи 1921 г. (РГАЛИ) во второй строке: «спелой ржи». Две первые строки стихотворения в измененном виде стали концовкой поэмы «Ладомир» (1920): «И рок слетевший к изголовью, Наклонит умный колос ржи». Название первой публикации связывает стихотворение с «навьим» мотивом поэмы «Вила и леший» (1912): «Вела узорная тропа: На частоколе черепа. И рядом низкая лачуга. Приют злодеев и досуга». В недоработанном поэтическом тексте 1922 г. «Вы, привыкшие видеть жизнь...» Хлебников

называет поэму «Вила и леший», как и другие дореволюционные вещи, прообразами реально осуществившихся событий (см.: Перцова Н.Н., Рафаева А.В. О последней записной книжке Хлебникова // Вестник Общества Велимира Хлебникова. 2. М., 1999). Стихотворение, по-видимому, связано с известием о расстреле последнего российского самодержца 17 июля 1918 г. Ср. стихотворения «Народ поднял верховный жезел...» (1917), «Сияющая вольза...» (1917), «Капает с весел сияющий дождь...» (1918), «Могила царей...» (1921).

«Мы погибоша, аки обре!» — несколько измененное выражение из русской летописи о бесславной гибели целого народа (обров) за свои прегрешения.

«Вновь труду доверил руки...» (С. 28). — Впервые: СП, V, 1933.

«Про узы...» (С. 29). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«А я...» (С. 30). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Посвящение Л.Г. — не раскрыто. Строки 13–20 в переработанном виде вошли в стихотворение «Ветер — пение...».

Духов день — христианский праздник Сошествия Св. Духа.

Троица — христианский праздник Св. Троицы, отмечается на седьмой неделе после Пасхи, на день раньше праздника Сошествия Св. Духа.

«Ветер — пение...» (С. 32). — Впервые: Мы, 1920. Начальные четыре строки вошли в последний раздел поэмы «Война в мышеловке» (1919); заключительные четыре строки варьируют тему стихотворения «А я...».

Из «Великого Четверга» (С. 33). — Печатается впервые по рукописи (собрание М.С.Лесмана). Датировано: *1918.*

Связано с первоначальным замыслом сверхповести «Сестры-молнии» (1918–1921).

Великий Четверг — четверг на Страстной неделе, день покаяния.

В саду (С. 34). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Первоначальный вариант строк 14–20:

Кто он — нагой?
В нем бог поет,

Иль зверя вой,
Иль вопль потока?
Слова венком плетет
Он, темноустый, полуголый,
Прекрасен и отважен,
Семьей шести свирелей, шести скважин.

Нижний (С. 35). — Впервые: газ. «Рабоче-крестьянский Нижегородский листок». Н.Новгород, 4 августа 1918.

О пребывании поэта летом 1918 г. в городах Поволжья см. воспоминания Сергея Спасского «Хлебников» («Литературный современник», 1935, № 12).

Старою сказкою око скитальца-слепца успокоив — Ср. в статье «О пользе изучения сказок» (1915): «Провидение сказок походит на посох, на который опирается слепец человечества» См. в повести В.Короленко «Слепой музыкант» (главы 2.XI и 3.II) размышления о древних баянах, украинских кобзарях и бандуристах, по большей части слепцах: «Слепота застилает видимый мир темною завесой <...> но все же из наследственных представлений и из впечатлений, получаемых другими путями, мозг творит в темноте свой собственный мир <...> Вся она [история страны] прошла перед воображением слепого, сплетенная из звуков». См. также в стихотв. «Земные старые сны...» (1917): «Слепца-кобзаря лицо»..

Киев на Волге! Киевский холм на Оке! — в очерке П.И.Мельникова (Андрея Печерского) «Исторические известия о Нижнем Новгороде» рассказано об основании города в 1221 г.: «Юрий Всеволодович пленился местоположением: гора, возвышающаяся над Волгой, напоминала ему далекий Киев. Выгоды, проистекающие от двух рек, пришли ему на ум. Новгород Волховский был потерян для Суздаля, но князь имел свой Новгород Нижний» (ПСС, 1909. Т. 7. С. 487).

Троицын день — см. примеч. к стихотворению «А я...». Христианская Троица совпадает с древним языческим праздником, связанным с культом растений и покойников; на русальной (зеленой) неделе девушки украшают березы, завивают их ветки в венки, водят хороводы и кумятся с русалками, поминая покойников.

Схоронить девушку и ведра — из очерка П.И.Мельникова (Андрея Печерского) «Предания в Нижегородской губернии» почерпнуты сведения о Коромысловой башне местного Кремля: «Была тогда в городе девица-красавица, имени ее и отчества не помнят. Понадобилось ей за водой сходить на реку, не хотела, видно, пить колодезную. Вот взяла она ведра на коромысел, а коромысел тот был железный, два пуда весом. Татары заметили ее и кинулись на нее. Она, видя беду неминучую, поставила ведра на землю, помолилась на соборы нижегород-

ские и, взяв коромысло, стала поджидать нападения. И всех тех татар девица уложила возле башни спать непробудным сном. Но татар еще было много. Одолели они ее, изрубили в мелкие куски и похоронили у башни вместе с коромыслом ее» (ПСС. Т. 7. С. 512).

Смерть коня (С. 38). — Впервые: НП, 1940.

Первые пять строк имеют перекличку с началом стихотворения Н.Асеева «Объявление»: «Я запретил бы «продажу овса и сена». Ведь это пахнет убийством отца и сына» (сб. «Леторей», 1915). Ср. также стихотворение В.Маяковского «Хорошее отношение к лошадям» (1918).

Связано с первоначальным замыслом сверхповести «Сестры-молнии» (1918—1921). Тема «белогривого Спасителя» присутствует в большом, недоработанном тексте 1921 г. «Чу! зашумели вдруг облака шумом и свистом...» (СП, III, 1931).

«Око за око» — библ. «Левит», 24:20

О свободе (С. 39). — Впервые: газ. «Красный воин». Астрахань, 6 ноября 1918, под названием «Воля всем!», на с. 421 печатается по рукописи 1921 г. (РГАЛИ). «О свободе» — редакция весны 1922 г. (РГАЛИ; впервые: Творения, 1986). В СП, III, 1931 вариант конца 1921 — начала 1922 г.

Если же боги закованы... — имеется в виду греческий миф о Прометее, покровителе человеческого рода, прикованном по велению Зевса к скале на Кавказе и освобожденном Гераклом.

Жизнь (С. 40). — Впервые: газ. «Красный воин». Астрахань, 7 января 1919. Перепечатано А.Парнисом в журн. «Простор» (Алма-Ата, 1966, № 7).

Хорс — божество солнца в восточнославянской мифологии.

«Может, я вырос чугунною бабой...» (С. 41). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ), переданной Хлебниковым Р.О.Якобсону в Москве весной 1919 г.

«О, если б Азия сушила волосами...» (С. 42). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ), переданной Хлебниковым Р.О.Якобсону в Москве весной 1919 г.

Хоанхо — река в Китае Хуанхэ.

«Напитка огненной смолой...» (С. 43). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Над текстом записано: «случай», справа: «ром, Лиля, лепешки, мед, пар». Написано в апреле

1919 г. в Москве, в гостях у Л.Ю. и О.М. Бриков во время игры в буриме, в которой участвовали также В.В.Маяковский, В.И.Нейштадт, Б.Л.Пастернак, Р.О.Якобсон, по воспоминаниям которого, Хлебников, сидевший молча, «неожиданно сказал: Какой это был гениальный человек, который придумал, что можно пить чай с ромом. — И опять замолчал» (см.: Катанян В.А. Не только воспоминания // Сб. Vladimir Majkovskij. Memories and essays. Stokholm, 1975. Р. 73—85). По воспоминаниям В.И.Нейштадта: «Зашел разговор о «поэтическом зрении». Потом кто-то предложил сочинять стихи на заданные рифмы с условием: изображать лишь то, что находится в данной комнате. В игре приняли участие все, даже Хлебников. <...> Дело происходило действительно за чайным столом. Чай был без сахара — суровый. Хлебникову (он промочил ноги) влили в стакан — для профилактики — чего-то крепкого. На столе стояло блюдо с ржаными лепешками, лежали вилки. И лепешки с замечательным эпитетом «мудрые», и вилка тоже вошли в стихотворение Хлебникова. Короче — о заданных рифмах Хлебников, конечно, позабыл, однако его стихотворение отразило окружающую обстановку вплоть до мелких деталей. Но одним, двумя штрихами Хлебников придал всему какое-то философское звучание» (журн. «30 дней», 1940, № 9—10, с. 105). Стихотворение написано в форме сонета.

«Бег могучий, бег трескучий...» (С. 44). — Впервые: Творения, 1986, слитно со стихотворением «Напитка огненной смолой...». Автограф на обороте листа, где записано, вероятно, в тот же день предыдущее стихотворение. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Стихотворение представляет собой своеобразный ответ на «Наш марш» В.Маяковского, в котором использован хлебниковский прием «внутреннего склонения» (*бог* — *бег* и т.п., см. диалог «Учитель и ученик», 1912), и связано с экспромтами Маяковского, написанными во время игры в буриме, — «Эй, паровоз, в Воронеж Скоро ли нас заронишь?..» и «На пастбищах стихов волом паситесь просто...».

«Малюток...» (С. 45). — Впервые: Мы, 1920. На с. 422 печатается первая редакция «Я видел...» по рукописи (РГАЛИ; впервые: СП, III, 1931).

По объяснению Р.О.Якобсона, стихотворение «Я видел...» построено на столкновении твердых и мягких звуков, что является одним из основных средств дифференциации словесных значений в языках «евразийского союза» (см.: Якобсон Р. К характеристике евразийского языкового союза. Прага, 1931. С. 18).

«Москва — старинный череп...» (С. 46). — Впервые: Сборник нового искусства, 1919.

Ср. характер образности второй строфы с эпатажно-знаменитой строкой В.Маяковского: «Я люблю смотреть, как умирают дети» («Я!», 1913).

Тул др.-рус. — колчан.

«Весеннего Корана...» (С. 47). — Впервые: Пути творчества, 1919.

Образ дерева-солнцелова присутствует в стихотворениях этого тома «Батог рыбачий...», «Над алыми глазками малин...» и во многих других текстах Хлебникова.

Тоня обл. — место ловли рыбы.

Мрежи арх. — рыболовные сети.

Рев волов — то есть гром (ср. загадку: «Ревнул вол на сто гор, на сто озер» — Даль).

Осетр — в связи с пословицей: «Просит осетр дождя, в Волге лежа» (Даль).

Волною синей водки — ср. «водка бога» (дождь) в стихотворении «Русь, певучая в месяце Ай...» (1921).

«Весны пословицы и скороговорки...» (С. 48). — Впервые: Пути творчества, 1919.

Прямо в сеть тополевых тенёт — см. примеч. к предыдущему стихотворению о дереве-солнцелове.

«В этот день голубых медведéй...» (С. 49). — Впервые: Пути творчества, 1919.

См. в книге А.Крученых «Наш выход» (1996. С. 103) «рассказ» художницы Марии Синяковой о пребывании Хлебникова на даче под Харьковом, в Красной Поляне.

Медведéй — «Медведевнами» называли сестер Синяковых — по отчеству «Михайловны».

Море и буревестник — аллюзия к «Песне о Буревестнике» М.Горького; см. примеч. к стихотворению «В море мора! в море мора!..» (1921).

Но моряной любес опрокинут — в метафоре важна паронимическая связь обл. слова «моряна» (ветер с моря) и женского имени Марина (Мария).

«Сыновеет ночей синева...» (С. 50). — Впервые: Булань, 1920, где датировано: *1920*. Написано, вероятно, раньше, на даче Си-

няковых под Харьковом. Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ); тексту предшествует пояснение: «Язык двух измерений, двоякоумный (косые голоса, косой перезвон речи). Крым».

Связано с воспоминаниями о Крыме, где Хлебников был весной-летом 1908 г.; ср. стихотворение «Крымское» и другие стихи этого времени. Использованы так называемые диссонансные созвучия и рифмы, в которых ударные гласные не совпадают; такие созвучия Хлебников называл «косыми». Ср. предыдущее стихотворение «В этот день голубых медведе́й...» и «Горные чары» (1919). В дневниковых записях упомянута статья «Косое и третье» (не разыскана), которую он в Харькове передал Г.Н.Петникову. В материалах к «Доскам судьбы» говорится также о «косых событиях», в которых «часть признаков повторяется, а часть заменяется противоположными» (РГАЛИ).

«Туда, туда...» (С. 51). — Впервые: в составе первой редакции поэмы «Ладомир». Харьков, 1920 (литографированное издание). Вошло также в поэму «Азы из узы» (1920—1922) и, в качестве эпиграфа, в пьесу «Боги» (1921), где датировано: *9 мая 1919*. Печатается по рукописи конца 1921 — начала 1922 г. (собрание Вс.Вяч.Иванова).

Картину мирного собрания богов разных времен и народов ср. с античной сатирой «Разговоры богов» (Лукиан. Избр. соч. СПб., 1909), со стихотворением Э.Верхарна «Религии» из книги «Буйные силы» (1902), с V частью поэмы В.Маяковского «Война и мир» (1917).

Туда, туда — повтор из песни Миньоны («Dahin, dahin...») в романе Гёте «Вильгельм Мейстер» (кн. 3, гл. I); по словам Ф.И.Тютчева, переводившего песню Миньоны, повтор превратился в «литературную поговорку»; в русской поэтической традиции он означает порыв в «неясное далеко» (см., например, в стихотворении А.Майкова «Альпийские ледники» (1858): «там, знаю, ужас обитает, и нет людского там следа.— Но сердце точно отвечает на чей-то зов: «Туда! Туда!»).

Изанами — в японской мифологии прародительница мира, вместе со своим братом и супругом Изанаги создавшая Японские острова и населившая их людьми. Во всех предыдущих вариантах стихотворения Хлебников называл ее Изанаги, в повести «Ка» — Изанага, что, возможно, является поэтически-образным отношением к имени женского божества («нагая»). См. имена Изанага и Изанами в очерке В.С.Соловьева «Япония. Историческая характеристика» (Собр. соч. СПб., 1903. Т. 6. С. 140).

Моногата́ри — повествовательный жанр средневековой японской литературы; судя по пояснению Хлебникова к этому стихотворению в альбоме А.Е.Крученых — «японский рыцарский роман», он имел в виду «Гэндзи-моногатари».

Перун — верховное божество в славянской мифологии, бог грома и молнии.

Эрот — божество любви в греческой мифологии.

Шанг-ти (Шан-ди) — верховное божество в китайской мифологии, часто отождествляется с небом — Тянь.

Амур — божество любви в римской мифологии.

Маа-эма (Маан-эмо) — в финской мифологии мать-земля, богиня плодородия.

Тиен (Тянь) — небо древнекитайской космогонии, в народной мифологии верховное божество Шан-ди.

Индра — бог грома и молнии в древнеиндийской мифологии.

Юнона — в римской мифологии богиня брака и материнства, сестра и супруга верховного бога Юпитера.

Цинтекуатль — по-видимому, контаминация двух ацтекских богов: Цинтеотль (Синтеотль) — женское божество земли и урожая и Кецалькоатль — творец мира.

Корреджио Антонио (ок. 1489—1534) — итальянский художник.

Мурильо Бартоломе Эстебан (1618—1682) — испанский художник.

Ункулункулу — в мифологии южноафриканского народа зулу создатель человека и культуры; «африканский бог грома Перун», по объяснению Хлебникова (альбом А.Е.Крученых. ГММ).

Тор — бог грома и молнии в скандинавской мифологии.

Хокусай Кацусика (1760—1849) — японский художник.

Астарта — богиня любви и плодородия в западносемитской мифологии.

«З а ч е м в г л я д е л к а х н е з а б у д к и?..» (С. 52). — Впервые: НХ, V, 1928. Печатается по рукописи конца 1921 — начала 1922 г. (собрание Вс.Вяч.Иванова), где датировано: *1919*. В рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ) названо «Истина первая»; в одном из набросков сверхповести «Зангези» (1922) с этими словами герой обращается к ребенку.

Месяц Ай — в народных присловьях месяц май; «Зимние запасы приедены. Ай май, май, не холоден, да голоден» (см.: Ключевский В.О. Влияние природы Верхнего Поволжья на народное хозяйство Великороссии и на племенной характер великоросса // Курс русской истории. Ч. I. М., 1904. С. 383).

Лешева дудка — одно из колен соловьиного пения.

Панская свирель (панова свирель) — несколько дудок разной длины, соединенных вместе, принадлежность Пана — божества природы в греческой мифологии, которого Хлебников сближал со славян-

17

ским лешим; ср. стихотворение «Зеленый леший, бух лесиный...» (1908), поэму «Вила и леший» (1912), стихотворения лета 1918 г.: «А я...», «В саду», «Нижний».

«Это было в месяц Ай...» (С. 53). — Впервые: журн. «Театр. Музыка. Балет. Графика. Живопись. Кино». Харьков, 9 сентября 1922. № 1. Вошло в поэму «Азы из узы» (1920—1922). Печатается впервые другой вариант по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ).

Месяц Ай — см. выше.

Месяц Ау — в народных присловьях месяц июнь, «когда закрома пусты в ожидании новой жатвы и который потому зовется июнь — ау!» (см. указанное выше сочиненне В.О.Ключевского).

Кормление голубя (С. 55). — Впервые: Лирень, 1920, без названия. Первоначальные наброски (частное собрание) относятся к 1916 г. В черновой рукописи названо «Страстное» (Творения, 1986. С. 669). Печатается по рукописи весны 1922 г. (РГАЛИ).

Связано с впечатлениями от жнзни на даче Синяковых в Красной Поляне; ср. стихотворения «Сегодня строгою боярыней Бориса Годунова» (1916), «В этот день голубых медведе́й...» (1919), поэму «Три сестры» (1920), рассказ «Малиновая шашка» (1921).

«Собор грачей осенний...» (С. 56). — Впервые: Стихи, 1923, под названием «Осенняя». Печатается по рукописи весны 1922 г. (РГАЛИ). Первую редакцию 1919 г. (впервые: НХ, VIII, 1928) см. на с. 423.

Три девушки пытали — ср. в стихотворении Г.Р.Державина «Старик» (1802): «Мне девушки шептали».

К первой редакции:

Бирюч арх. — глашатай.

«В полевое пали вои...» (С. 57). — Печатается впервые по рукописи 1921 г. (РГАЛИ), где этот монолог Вилы из первой редакции драматической поэмы «Лесная тоска» (1919) выделен в самостоятельное стихотворение с пометой «I» на листе, озаглавленном «Числа». На том же листе — стихотворение «Точит деревья и тихо течет...» и запись: «Я чувствую гробовую доску над своим прошлым. Свои стихи кажутся чужими. 7 декабря 1921».

Вои арх. — воины.

Копытце — растение.

«Точит деревья и тихо течет...» (С. 58). — Впервые: СП, III, 1921. Входило в первую редакцию драматической поэмы «Лесная тоска» (1919). Печатается по рукописи 1921 г. (РГАЛИ), где выделено в самостоятельное стихотворение на листе, озаглавленном «Числа» (см. выше).

Ветер бросает нечет и чёт — из предисловия к «Доскам судьбы» (1922); «Время построено на степенях двух и трех, наименьших четных и нечетных чисел. <...> И когда я вспомнил древнеславянскую веру в «чет и нечет», я решил, что мудрость есть дерево, растущее из зерна суеверия в кавычках». Ср. в «Подражании Корану» Пушкина: «Клянусь четой и нечетой».

И кто-то бледный и высокий Стоит с дубровой одинаков — в первой редакции поэмы «Лесная тоска» эти строки предшествуют появлению Лешака. По народным поверьям, духи природы меняют свой облик и размеры: «Леший мгновенно может вырастать и умаляться. Обыкновенно в лесу леший равен с высокими дубами и соснами, а на поляне — с травою» (см.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868. Т. 2. С. 330).

Лунный свет (С. 59). — Впервые: в статье: Анфимов В.Я. К вопросу о психопатологии творчества. В.Хлебников в 1919 г. // Труды 3-й Краснодарской клинической больницы. Вып. I. Краснодар. 1935. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Написано в октябре 1919 г. в Харьковской губернской земской психиатрической больнице (Сабурова дача), где Хлебников скрывался от мобилизации в Добровольческую армию (из письма О.М.Брику, февраль 1920 г.: «В общем, в лазаретах, спасаясь от воинской повинности белых и болея тифом, я пролежал 4 месяца! Ужас!»). По воспоминаниям проф. Анфимова, во время экспериментально-психологического обследования Хлебников написал ряд произведений на заданные темы «для изучения способности фантазии»: лунный свет, охота, карнавал (см. рассказ «Охота», поэму «Поэт»). С этим обследованием связаны также незавершенная поэма «Гаршин» («Полужелезная изба...»), ряд словотворческих стихотворений и др. тексты.

В связи с темой стихотворения ср. манифест Ф.-Т.Маринетти «Убьем лунный свет!» (1911), сб. футуристов «Дохлая луна» (1913), цикл стихотворений Д.Бурлюка «Лунный свет» в сб. «Рыкающий Парнас» (1914), а также работу В.Розанова «Люди лунного света (1911).

Син — лунный бог, отец солнечного бога Шамаша (в аккадской мифологии).

17*

...путь, проходимый Светом в год — речь идет о связи скорости света со скоростью обращения Земли вокруг Солнца, см. статью «Время мера мира» (1916).

Струна la 80 раз в минуту... — в рукописи ошибочно: «435 колебаний в секунду» и «70 раз в минуту»; исправлено по статье «Наша основа» (1919).

Петрарка написал 317 сонетов — Хлебников пользовался данными М.О.Гершензона (см.: Петрарка Ф. Автобиография. Исповедь. Сонеты. Пер. с итал. М.Гершензон и Вяч.Иванов. М., 1915).

По германскому закону 1912 года — ср. в статье «Время мера мира».

Поход Рожественского (Цусима) — имеется в виду гибель в Цусимском проливе эскадры вице-адмирала З.П.Рожественского 14—15 мая 1905 г. во время русско-японской войны. Ср. стихотворение «Были вещи слишком сини...» (1909).

Поход Медины-Сидонии — герцог Медина-Сидония возглавлял испанский флот («Непобедимая армада»), потерпевший поражение от англичан 29 мая 1558 г.

Женитьба Пушкина — ср. в статье «Время мера мира»: «Общему закону сравнимости по 365±48 подчиняются не только струны всего человечества (войны), но и струны каждой данной души. Например, А.С.Пушкина: так, 6 апреля 1830 года была его помолвка, 18 февраля 1831 года, через 317 дней, — свадьба! Это дает право говорить об отдельной душе как о прекрасных часах».

Ангелы (С. 61). — Впервые: День поэзии, 1982. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Написано осенью 1919 г. на Сабуровой даче (см. примеч. к предыдущему стихотворению).

Тема «Ангелов», по-видимому, связана с христианским молитвословием «Херувимская песнь» и «Божественной поэмой» А.Н.Скрябина (1904).

О способах словотворчества в этом и нижеследующих стихотворениях см. в статье «Наша основа» (1919).

Сой серб. — род, племя.

На ны др.-рус. — на нас.

Бологого др.-рус. — добро.

Сиц др.-рус. — таков, такой.

Вица др.-рус. — ветвь.

«Село голубого мечтога...» (С. 65). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Написано осенью 1919 г. на Сабуровой даче (см. выше). Первоначальный набросок на обороте рукописи:

Как вольные волны мечтога,
Стеною <безграчных> станиц,
Вервонцем златых вereниц
Во имя веимого Бога
Мы плещем и веем болого —
Залёт небесничего сиц.
Зарею имён без умён,
В покрове вечерних шумён
И песнями люда синебна,
И песнями горя ниебна,
Зари на восток зовари,
Ударом серегряных виц
И ветром крыла нивари.
И ветер, лелея волнистую лею,
По воздуху стаю пловес,
Полея упадком долес <...>

Степь (С. 66). — Печатается впервые по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). В переработанном виде и слитно со стихотворением «Бегава вод с верхот в долину...» вошло в сверхповесть «Зангези», плоскость XIV (1922).

«Бегава вод с верхот в долину...» (С. 67). — Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). См. примеч. к предыдущему стихотворению.

Верхарня — обыгрывается имя бельгийского поэта Э.Верхарна (1855–1916).

«Моло́н упал в поло́н...» (С. 68). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Горные чары (С. 69). — Впервые: Харчевня зорь (1920). Первая редакция осени 1919 г., написанная на Сабуровой даче, печатается впервые по рукописи (РГАЛИ) на с. 424 .

Вежа обл. — шатер, навес.

Падун обл. — южный ветер.

Годувать укр. — кормить.

«Высоко руками подняв Ярославну...» (С. 71). — Печатается впервые по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). Первую редакцию с датой: *1919* и пометой «*Самокат*», т.е. автомобиль (впервые: СП, V, 1933) см. на с. 425. Ср. рассказ «Перед войной» (1922).

Железный араб, не известный писателю Пушкину — ср. стихотворение Пушкина «Подражание Корану» (VI и примеч. 3); первоначальный вариант строки: «Безумный арап, не воспетый писателем Пушкиным».

«Над глухонемой отчизной: «Не убей!..» (С. 72). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (ИРЛИ), переданной харьковскому литератору И.В.Егорову, у которого Хлебников жил весной 1920 г.

Восемнадцать быстрых вёсен С песней падают назад — см. примеч. к стихотворению «Свобода приходит нагая» (1917) о судьбе поколения «малороссиянки Милицы»; из черновика письма, относящегося к 1911—1912 гг.: «Желая проверить деловым путем возможность предвидения будущего, я построил предсказание для не столь отдаленного 1917—1919 года» (РНБ).

«Верую» пели пушки и площади...» (С. 73). — Впервые: Леф, 1923, № 3, с пропуском многих строк, под редакционным названием «Образ Восстанья. Из поэмы «Морской берег». Полный текст стихотворения: НХ, XIX, 1930. Сохранилась (архив поэта Г.А.Санникова) неясного происхождения машинопись «Морской берег», представляющая собой монтаж трех текстов: «Морской берег» (см. в этом томе), «Верую» пели пушки и площади...» и два раздела (5—6) поэмы «Труба Гуль-муллы». См. вариант на с. 426.

«*Верую*» — христианское молитвословие.

«*До основанья, а затем*» — из революционного гимна «Интернационал».

«*Ту́са, ту́са, ту́са* <...> — из цыганской таборной песни (см.: Петровский Д. Повесть о Хлебникове, 1926).

Современность (С. 76). — Впервые: Радиус авангардовцев, 1928. Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). Полная редакция вошла в поэму «Азы из узы» (1920—1922). Упоминается в «Перечне» лета 1920 г. среди произведений, переданных в Харькове художнику В.Д.Ермилову.

Намисто укр. — монисто, ожерелье, бусы.

Донские капли прописав — эвфемизм смертного приговора («пустить кровь»), связанный, возможно, с описаниями кровавых сражений в древнерусской литературе, например: «...а Дон-река три дня кровью текла <...> видно, сильно упились у быстрого Дону на поле Куликове» («Задонщина», конец XIV в.); ср. стихотворение «Россия, хворая, капли донские пила...» (1920).

В лонй годы устар. — когда-то.

Мова укр. — язык.

Тагор Рабиндранат (1861—1941) — индийский писатель, в поэме «Воззвание Председателей Земного Шара» (1917) назван в числе почетных членов «правительства звезды».

Уэльс (Уэллс) Герберт (1866—1946) — английский писатель, с его романом «Война миров» связана харьковская декларация 1916 г. «Труба марсиан».

Столетие правительства ученых — в заметках лета 1920 г., развивая идею «Общества Председателей Земного Шара», Хлебников писал: «Площадь земного шара делится на 365 клеток. Послы этих клеток нашего шара дают Совет мест. Лучшие знатоки природы, неба, растений, воды, птиц дают Совет природы... Интернационал людей мыслим через интернационал идей наук».

Крученых Алексей Елисеевич (1886—1968) — поэт-футурист, соавтор Хлебникова, см. в этом томе: «Алеше Крученых» (1920), «Крученых» (1921), «Крученых!» (1922).

«С л а в а т е б е, к о с т е р ч е л о в е ч е с т в а...» (С. 77). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Записано в тетради с набросками (датированными 22 марта 1920) сценария фильма о «мировом», «звездном» языке, который, по мысли Хлебникова, должен объединить человеческий род, разъединяемый земными «умными» языками. См. статьи 1919 г. «Художники мира!» и «Наша основа», где проектируемый язык будущего еще называется «заумным».

Костер человечества — ср. стихотворение «Единая книга» (1920).

Литайбон — от имени китайского поэта Ли Тайбо (701—762).

Калидасид — от имени индийского поэта Калидасы (IV—V вв.).

«И г д е з е м н о г о ш а р а *л а*...» (С. 78). — Впервые: Литературное обозрение, 1988. Печатается по рукописи (ИРЛИ), переданной И.В.Егорову (см. с. 518).

Ранний опыт «соединения звездного языка и обыденного», где они взаимообъясняют друг друга, причем «обыденный» язык как бы обнажает основные элементы «звездного» языка, его «простые имена». В заметках весны 1920 г. Хлебников писал: «Язык сделан двумя началами. Согласными, из которых каждый есть особый пространственный мир, и гласными, которые указывают, как относятся эти миры друг к другу. Гласные алгебраичны, это величины и числа. Согласные — куски пространства».

Звездный язык (С. 79). — Впервые: Vroon, 1983. Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). В краткой редакции под названием «Бой. Звездный язык» вошло в поэму «Царапина по небу» (1920).

Звездная свайная хата (С. 80). — Печатается впервые по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ); сокращенная редакция первого раздела поэмы «Царапина по небу» (1920).

Выстрел из П (С. 81). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Новое обращение к образу П-имени (см. стихотворение «Пою...» и статью «Перечень. Азбука ума», 1916) в связи с более широкой идеей «звездного» языка. В «Словаре звездного языка» к поэме «Царапина по небу» объясняется, что П — «прямое движение точки, прочь от неподвижной, движение по прямой черте. Отсюда тела, полные пещер, рост объема, занятого телом в трехмерном мире: пух, порох, пушка».

Прать др.-рус. — бить, колотить.

Случайно упали имена На лопасти быта — ср. в статье «Наша основа» (1919): «Бытовой язык — тени великих законов чистого слова, упавшие на неровную поверхность».

«Младенец — матери мука́, моль...» (С. 83). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ).

В «звездном» языке М-имя означает «деление объема на малые части (мука́, молоть, молод, младенец)».

Момра обл. — темнота, туман.

Эль (С. 84). — Печатается по рукописи третьего варианта конца 1921 — начала 1922 г. (собрание Вс.Вяч.Иванова). Первый вариант под названием «Слово о Эль» (впервые: СП, III, 1931) см. на с. 428. Второй вариант осени 1921 г. (впервые: Стихи, 1923) печатается по рукописи (РГАЛИ) на с. 431.

Значение Л-имени в «звездном» языке Хлебников объяснил в статье «Наша основа» (1919): «Мировой закон Лоренца говорит, что тело сплющивается в направлении, поперечном давлению. Но этот закон и есть содержание «простого имени» Л: значит ли Л-имя лямку, лопасть, лист дерева, лыжу, лодку, лапу, лужу ливня, луг, лежанку — везде силовой луч движения разливается по широкой поперечной лучу поверхности, до равновесия силового луча с противосилами. Расширившись в поперечной площади, весовой луч делается легким и не падает, будет ли этот силовой луч весом моряка, лыжебежца, тяжестью

судна на груди бурлака или путем капли ливня, переходящей в плоскость лужи. <...> По-видимому, язык так же мудр, как и природа, и мы только с ростом науки учимся читать его».

Эль — следует иметь в виду два значения: название буквы Л (например, в русской азбуке — «люди») и *Эль* семитск. — божество (евр. «Иммануэль»: с нами Бог), которое в средневековом европейском оккультизме стало именем демона воздуха. В заметках лета 1920 г. Хлебников восхищался «первичным богословием» древних народов, которые создали «имена богов странной красоты, звукового богатства и простоты, обожествив звуки мировой азбуки, сделав каждый звук азбуки особым богом, с его душой — мировой истиной этого звука».

Ляли и лели — божества славянской мифологии; см. примеч. к стихотворению «В лесу» (1915). Лель — покровитель брака и любви (с его именем связан песенный припев: «лели», «люли», «леле»).

«На лыжу времени...» (С. 87). — Печатается впервые по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ).

Образ Л-имени здесь взят не в природно-мифологическом значении, как в предыдущем стихотворении, а в социально-историческом: «Л можно определить как уменьшение силы в каждой данной точке, вызванное ростом поля ее приложения. Падающее тело останавливается, опираясь на достаточно большую поверхность. В общественном строе такому сдвигу отвечает сдвиг от думской России к советской России, так как новым строем вес власти разлит на несравненно более широкую площадь носителей власти: пловец-государство — на лодку широкого народовластья» («Наша основа», 1919).

Либкнехт Карл (1871—1919), *Люксембург* Роза (1871—1919) — политические деятели, организаторы Коммунистической партии Германии.

Лелека укр. — аист.

Лелюк — птица полунощник, козодой.

Гэ, Эр — в «звездном» языке Гэ означает «движение точки под прямым углом к основному движению, прочь от него»; Эр — «точка, просекающая насквозь поперечную площадь». Здесь имеются в виду Германская (Гогенцоллерны) и Российская (Романовы) монархии, побежденные народовластием.

Ракло обл. — бродяга, босяк; харьковское бытование этого слова отметил А.Куприн в очерке 1895 г. «Босяк» (СС. М., 1957. Т. 1. С. 408).

Мазурик обл. — мошенник, плут.

Город будущего (С. 89). — Впервые: Харчевня зорь, 1920. Градостроительные идеи Хлебникова, связанные с общеевропейской

футурологической тенденцией, имели, по-видимому, ближайший источник в серии открыток «Москва в будущем», выпущенной кондитерской фабрикой «Эйнем» в 1914 г. (см. ил.). Ср. прогностические тексты «Мы и дома» (1915), «Утес из будущего» (1921), стихотворения «Москва будущего» (1921), «И позвоночные хребты...» (1922).

Город Солнцестана — возможна связь с «Городом Солнца» Т.Кампанеллы (см. примеч. к стихотворениям 1917 г. «Свобода приходит нагая» и «Вчера я молвил: «Гулля, гулля!..»).

Цевница — старинное поэтическое название свирели.

«О, город тучеед! Костер оков...» (С. 93). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). Два отрывка ранней редакции из рукописи весны 1920 г. (РГАЛИ) — «Паук мостов опутал книгу...» (впервые: СП, V, 1933) и «И он мешок железосетей...» (печатается впервые) — см. на с. 434, 435. Частично в переработанном виде вошло в поэму «И вот зеленое ущелие Зоргама...» (1921).

Ощутимо влияние урбанистических стихотворений Э.Верхарна в его книгах «Города-спруты» и «Державные ритмы». Ср. также статью В.И.Иванова «Чурлянис и проблема синтеза искусств» (1914).

«Он, город, синим оком горд...» (С. 95). — Печатается впервые по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). Редакция 1920 г. «Он, город, старой правдой горд...» (впервые: СП, III, 1931) печатается на с. 436 по рукописи (ИРЛИ), переданной Хлебниковым И.В.Егорову. В сокращенном и переработанном виде вошло в поэму «Ладомир» (1920).

Могучим камнем подбородка Он опирался на кулак — образ навеян барельефом «Рабочий», установленным в 1919 г. на стене Петровского пассажа в Москве (работа М.Г.Манизера, ее художественный источник — скульптура О.Родена «Мыслитель», 1889).

«Москвы колымага...» (С. 99). — Впервые: Харчевня зорь, 1920, с датировкой: *Апрель 1920.*

Связано с приездом в Харьков С.А.Есенина и А.Б.Мариенгофа, совпавшим с празднованием Пасхи. На литературном вечере в харьковском городском театре поэты-имажинисты устроили шутовское посвящение Хлебникова в Председатели земного шара (в дневниковых записях Хлебникова: «19 апреля н.ст. 1920 избран»). См.: Мариенгоф А. Роман без вранья (1927), гл. 28—30; Райт Р. Все лучшие воспоминания // Ученые записки ТГУ. Вып. 184. Тарту, 1966.

Москвы колымага — аллюзия к поэме С.Есенина «Преображение» (1918): «Светлый гость в колымаге к вам».

Два имаго — следует иметь в виду два значения лат. imago: подобие, образ (отсюда «имажинизм») и крылатое насекомое в период размножения.

Голгофа Мариенгофа. Город распорот — аллюзия к «богоборческой» поэме А.Мариенгофа «Анатолеград» (1919).

Господи, отелись — из начальной строфы «Преображения»; в мае 1919 г. эта строка была написана имажинистами на стене Страстного монастыря в Москве и воспринималась как кощунство, хотя Есенин объяснял, что «отелись — значит воплотись» (сб. «Есенин: жизнь, личность, творчество». М., 1926. С. 163).

В шубе из лис — лисья шуба как мотив русских сказок о хитрой и коварной лисе. Мариенгоф, по воспоминаниям современника, «любил хорошо одеваться и в тот двадцатый год <...> шил костюм, шубу у дорогого, лучшего портного Москвы, уговорив то же самое сделать Сергея» (Ройзман М.Д. Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 65). Из «Романа без вранья»: «Идем по Харькову — Есенин в меховой куртке, я в пальто тяжелого английского драпа». См. на харьковской фотографии 1920 г.: Хлебников в случайных, с чужого плеча обносках и «два имаго» («показные, расфуфыренные» — Рита Райт).

Праздник труда (С. 100). — Впервые: НХ, VIII, 1928. Печатается по рукописи конца 1921 — начала 1922 г. (собрание Вс.Вяч.Иванова), где ошибочно датируется 1919 г. Первая редакция, датированная: *20 апреля 1920*, печатается впервые по рукописи (РГАЛИ) на с. 438. Другую редакцию (впервые: Звезда, 1927, № 9) см. на с. 439. В «Перечне» произведений весны-лета 1920 г. упоминается под названием «Труднеделя». Ср. стихотворение «Новруз труда» (1921).

Написано под впечатлением праздника восстановления промышленных предприятий, организованного в Харькове в соответствии с решением III съезда профсоюзов (6—13 апреля 1920 г.) о проведении «Недели труда и обороны».

В стихотворении использована тема строевой песни русской армии «Черные гусары»:

Оружьем на солнце сверкая,
Под звуки лихих трубачей,
По улицам пыль поднимая,
Идет полк гусар-усачей.

Рогоголовцы — красноармейцы в остроконечных суконных шлемах: в Красной армии частично была принята форма одежды, разработанная еще до революции художником В.М.Васнецовым по древнерус-

ским мотивам. Не исключена сознательная морфологическая близость слову «песьеголовцы», как называл А.М.Ремизов участников сборника «Садок судей», сравнивая их с опричниками Ивана Грозного, которые для устрашения носили за поясом головы мертвых собак (см. воспоминания Д.Бурлюка в журн. «Творчество». Владивосток, 1920, № 1).

«О, единица!..» (С. 102). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Написано летом 1920 г. в Харькове в период углубленных исследований числового строения мира, завершившихся открытием «основного закона времени» 17 декабря 1920 г. в Баку. Дневниковая запись 1 августа 1920 г.: «Пьянею числами. Совершенно исчезли чувственные значения слов. Только числа».

Аттила (?—453) — предводитель племенного союза гуннов, предпринимавший опустошительные набеги на многие страны Европы; его имя стало синонимом могучего и жестокого завоевателя.

«Помимо закона тяготения...» (С. 103). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Написано летом 1920 г. (см. выше).

Закон тяготения — по воспоминаниям С.П.Боброва, в начале 1922 г. в разговоре о современных физических открытиях Хлебников сказал: «Ну, почему тяготение? Я легко могу построить мир, где не будет ни света, ни тяготения». Так сказать, сразу обрубил те основные корни, на которых держался Эйнштейн <...> И начал говорить, что нет, вот теория чисел и прочее — там нужно быть зорким, там замечаются некоторые периоды...» (Вестник Общества Велимира Хлебникова. 1. М., 1996. С. 52).

Яровчатые солнечные гусли — образ мира как музыкального инструмента; старинные гусли делались из дерева явора, отсюда *яровчатые*, что в народной этимологии сближалось с ярый — огненный, горячий, страстный. Ср. в стихотворении Н.Клюева 1914 г.: «Я — песноводный жених, Русский яровчатый стих!» (сб. «Песнослов», 1919).

В плаще мнимых звезд... — в набросках повести «Ка^2» (1916): «Природа чисел та, что там, где есть да-числа и нет-числа (положительные и отрицательные существа), там есть и мнимые <...> если любимый, ожидаемый, но отсутствующий человек — отрицательное существо, то каждое враждебное, постороннее собранию (не присутствующее в нем) будет $\sqrt{-1}$, существом мнимым».

«Люди! Над нашим окном...» (С. 104). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи 1922 г. (РГАЛИ). Вариант четвертой строки в рукописи 1921 г. (РГАЛИ): «Где были бы имена Маркса и Пугачева».

Глазами великих озер — ср. в декларации «Индорусский союз» (1918): «Великие мысли рождаются у великих озер» (прежде всего имеется в виду Каспийское море-озеро). Ср. в стихотворенин Н.Клюева, посвященном «поэту Сергею Есенину» (1917): «Оттого в глазах моих просинь, Что я сын Великих Озер» (сб. «Песнослов», 1919).

«Как снег сереброве темя...» (С. 105). — Впервые: Vroon, 1983. Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ), где датировано: *8 июля 1920.* Два варианта: «Леляною вести, леляною грусти...» (впервые: Мир и остальное, 1920) и «Леляною ночи, леляною грусти...» (впервые: СП, III, 1931) см. на с. 440, 441. Краткая редакция «Усталые крылья мечтога...» (впервые: Литературное обозрение, 1988) печатается по рукописи (ИРЛИ), подаренной весной 1921 г. в Баку художнику А.И.Косичкину с подписью «Ленимир Хлебников», на с. 442. В значительно переработанном виде сокращенная редакция вошла в сверхповесть «Зангези», плоскость XIII (1922). Продолжение словотворческих опытов осени 1919 г. (ср. стихотворения «Ангелы», «Село голубого мечтога...» и др.).

«Летели незурные дымы...» (С. 108). — Впервые: Vroon, 1983. Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). См. предыдущее примеч.

«Я верю...» (С. 109). — Печатается впервые по рукописи конца 1921 — начала 1922 г. (собрание Вс.Вяч.Иванова), где ряд переработанных отрывков поэмы «Ладомир» (1920) выделен в самостоятельное стихотворение.

Раклы (ед.ч. — ракло) — см. примеч. к стихотворению «На лыжу времени...» (1920).

Галахи (галах) — голь перекатная, бунтующая нищета.

Пришедший! — связано с названием доклада В.Маяковского «Пришедший сам» (1913), см. примеч. к стихотворению «Признание» (1922); имеет также отношение к евангельскому вопрошанию: «Ты ли Тот, который должен придти?» (Матф., XI:3).

Хватай <...> Водолея, Бей <...> Псов! — ср. «Беседуем с небом на ты» из стихотворения «Свобода приходит нагая» (1917); мотив освобождения от власти рока, судьбы в результате познания единых законов мироздания: «Наука о земном делается главой науки о небесном» (из диалога «Учитель и ученик», 1912). См. также примеч. к стихотворению «Слова пороли королей» (1920).

Нам руку подали венгерцы — в связи с провозглашением 21 марта 1919 г. Венгерской советской республики.

Замок цен <...> Из <...> ударов сердца — см. в «Предложениях» (1915): «Измерять единицами удара сердца трудовые права и трудовой долг людей. Удар сердца — деньги будущего».

Это шествуют творяне... — из статьи «Наша основа» (1919): «Если мы имеем пару таких слов, как *двор* и *твор*, и знаем о слове *дворяне*, мы можем построить слово *творяне* — творцы жизни».

Соборяне — ср. название романа Н.С.Лескова «Соборяне» (1872).

«Стеклянный шест покоя над покоем...» (С. 111). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи лета 1920 г. (РГАЛИ).

Обращение к Азии (ср. два нижеследующих стихотворения).

И твой прекрасный сын — никто — основатель буддизма Гаутама Шакьямуни, предполож. годы жизни между 560 и 480 г. до н.э.

И более холма кумир — грандиозные статуи будд.

Азия (С. 112). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи сокращенной редакции осени 1921 г. (РГАЛИ). Полная редакция 1920 г. вошла в поэму «Азы из узы» (1920—1922). Упоминается в «Перечне» лета 1920 г. среди произведений, переданных художнику В.Д.Ермилову.

«О, Азия! тобой себя я мучу...» (С. 113). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). С небольшими изменениями вошло в поэму «Азы из узы».

Махавира (Вардхамана, 599—527 до н.э.) — основатель религии джайнизма в Индии.

Заратустра — см. примеч. к стихотворению «Усадьба ночью, чингисхань!» (1915).

Саваджи (Шиваджи, 1630—1680) — глава освободительной борьбы против Великих Моголов и создатель маратхского государства в Индии.

Единая книга (С. 114). — Впервые: Радиус авангардовцев, 1928. Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). С некоторыми изменениями вошло в поэму «Азы из узы». Под названием «Веды» упоминается в «Перечне» лета 1920 г. среди произведений, переданных художнику В.Д.Ермилову. В основе стихотворения — переосмысленный образ не названной в нем русской апокрифической «Голубиной книги», понимаемой как космологический текст.

Веды — священные книги индуистов, в которые входит «Черная Яджурведа» («Веда жертвенных формул»).

И в шелковых досках Книги монголов — то есть в деревянных переплетах, обернутых шелком (вероятно, священные книги ламаистов «Ганджур» и «Данджур»).

Кизяк — сухой навоз, употребляемый степняками для топлива.

Сложили костер ~ Белые вдовы — имеется в виду обряд самосожжения вдов, известный с древнейших времен у некоторых восточных народов. Ср. стихотворение «Слава тебе, костер человечества!» (1920).

Янтцекиянг — крупнейшая река в Китае Янцзы.

И Темза, где серая скука — реминисценция описания лондонских туманов и прогулок у Темзы в мемуарах Герцена «Былое и думы» (ч. 6, гл. 1): «Кто умеет жить один, тому нечего бояться лондонской скуки <...> Но нервные, романтические натуры, любящие жить на людях, пропадают здесь со скуки, впадают в отчаяние».

«И если в «Харьковские птицы»...» (С. 116). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи весны 1922 г. (РГАЛИ). Вариант осени 1921 г. (впервые: Vroon, 1989) печатается по рукописи (РГАЛИ) на с. 443. В расширенной и переработанной редакции вошло в поэму «Азы из узы» (1920–1922).

«Харьковские птицы» — по одному толкованию: название неосуществленного литературного сборника (СП, V, 1933, с. 341); по другому: книга Н.Сомова «Орнитологическая фауна Харьковской губернии» (1887), которую Хлебников ошибочно приписал проф. Харьковского ун-та зоологу П.П.Сушкину (1868–1928); см. Vroon, 1989, p. 141.

Ныне я иду к той... — речь идет о Вере Дмитриевне Демьяновской (1901–1968), двоюродной сестре Синяковых, которой Хлебников был увлечен весной-летом 1920 г., ее день рождения — 18 августа — отмечен в его записной книжке. О В.Д.Демьяновской см. в воспоминаниях М.М.Синяковой «Это человек, ищущий трагедии» («Вопросы литературы», 1990, № 4). Ср. поэму «Председатель Чеки» (1921) и фрагменты, с этой поэмой связанные («И шлюха ровных улиц слов...», 1921).

«И ночь прошла, соседи не заметили...» (С. 117). — Печатается впервые по рукописи 1921 г. (РГАЛИ).

Сюжетная схема стихотворения, тематически совпадающая с эпизодами харьковского лета 1920 г., условно-иронически соотносима с мотивами повести А.Куприна «Яма» (1909–1915). Ср. блатную песенку, исполняемую обитательницами борделя (часть вторая, гл. VII):

Сошлися они
На подбор, на подбор:
Она — проститутка,
Он — карманный вор.
Вот утро приходит <...>

Они же поют романс Даргомыжского «Расстались мы, ни вздохом, ни словами...», вызывающий память «о первом падении, о позднем прощании на весенней заре, на утреннем холодке, когда трава седа от росы, а красное небо красит в розовый цвет верхушки берез».

Посто́й офиц. — бесплатное размещение военных на частных квартирах; в переносном смысле — постоялец («иной девке постой дороже посиделок» — Даль).

Невéня — сожитель-иждевенец; от «вéно» др.-рус. (выкуп за невесту), см. в стихотворении «И дева векиня, векиня в веках...» (1907).

Аха́ха обл. — живущий на чужой счет, бездомок.

Галах — см. с. 518.

«Милой Бэле» — ср. эпизодическое лицо (проститутка «милая Бэла») в повести А.Куприна «Яма» (часть вторая, гл. II).

Из-за нее стрелялись — в поэме «Председатель Чеки» (1921, харьковская тематика) «из-за нее стрелялся» герой, она — «шкура» или «потаскушка».

Святополк — вероятно, имеется в виду древнерусский князь, прозванный Окаянным за убийство своих братьев Бориса и Глеба.

«Батог рыбачий...» (С. 118). — Впервые: СП, V, 1933. В стихотворении использованы слова разных областных диалектов.

Батог рыбачий — образ дерева, ср. стихотворения «Весеннего Корана»... (1919), «Дерево» (1921).

Се́мины — зерно на посев.

Е́мины — зерно на еду.

Осилки — сила, состояние здоровья.

Свирен — склад, амбар.

Жарты — шутки.

Чепура — ломака, недотрога (о девице).

Рубахи-разини — ср. рубахи-парни.

Шу́ма — сор, мелочь.

Наро́та — ловушка для рыб, сплетенная из прутьев.

Прутня — то же.

Красный кут — красный угол в хате.

Миркует — обдумывает.

Раится — тревожится, бродит в задумчивости.

Ручь — удача, успех.

Цапи — оси.

На до́но — сполна, сверху донизу.

Ночной бал (С. 120). — Впервые: Звезда, 1927, № 9; Всем. Ночной бал, 1927. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Образно-сюжетным строем стихотворение связано с незавершенными вещами харьковского периода (например, «Предместье» в СП, III, 1931). Ср. стихотворные баллады Н.Клюева «Посадская», «Слободская» (1912).

Коты́ — женские полусапожки.

Шабёр обл. — сосед.

«Воет судьба улюлю!..» (С. 122). — Впервые: Мир и остальное, 1920, первая редакция, см. на с. 444. Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ; впервые: СП, III, 1931). Строки 17–22 первой редакции использованы в качестве концовки второй редакции стихотворения «Мощные, свежие, донага!» (см. ниже).

Улюлю! — охотничий призыв при травлении зверя.

Малюта — прозвище Г.Л.Скуратова-Бельского — главы опричного войска царя Ивана Грозного.

К первой редакции:

Ханум Джейран — *ханум* перс. — госпожа, барышня; *джейран* — антилопа из рода газелей; возможна ассоциативная связь с названием и образностью сб. переводов восточной поэзии «Джейран» (Батум, 1919, ред. С.Городецкий; известен по описанию).

«Мощные, свежие донага!..» (С. 123). — Впервые: Мир и остальное, 1920, первая редакция («Вытершись временем начисто»), см. на с. 445. Печатается по рукописи третьей редакции конца 1921 — начала 1922 г. (собрание Вс.Вяч.Иванова, впервые: Новый Леф, 1928, № 2 — отрывок; полностью — НХ, IX, 1928). Вторая редакция осени 1921 г. печатается впервые по рукописи (РГАЛИ) на с. 446.

Плéве фон Вячеслав Константинович (1846–1904) — министр внутренних дел, шеф корпуса жандармов.

Созонов Егор Сергеевич (1879–1910) — член боевой организации партии социалистов-революционеров, совершил теракт против Плеве. В Харькове в 1920 г. шла кинокартина «Егор Созонов (убийство фон Плеве). Революционная кинодрама-быль в шести частях».

Каляев — см. примеч. к стихотворению «Равнец! скажи, зачем борель...» (1908).

Полова — отвеянная лузга после молотьбы, мякина.

Продуголь — акционерное общество для торговли минеральным топливом Донбасса, существовало в 1904—1915 гг. Смысловая связь «Солнцелов — Продуголь» объяснима, в частности, образностью очерка Л.Н.Толстого «Солнце — тепло»: «Какое ни на есть движение — всё от тепла, либо прямо от солнечного тепла, либо от тепла того, которое заготовило солнце в угле» (см. примеч. к стихотворению «Письмо в Смоленке», 1917).

Продума путестана (С. 125). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). Первая редакция весны 1920 г. «На ясный алошар...» печатается впервые по рукописи (РГАЛИ) на с. 447. Вторая редакция весны 1920 г. «Был черен стол речилища...» (впервые: СП, V, 1933) печатается по рукописи (РГАЛИ) на с. 448.

Стихотворение отражает проблематику выразительных средств кинематографа, обсуждавшуюся в харьковском кругу Хлебникова и созвучную его языковым идеям (отсюда наброски киносценария о «звездном» языке). См. примеч. к стихотворению «Слава тебе, костер человечества!», а также «Речь в Ростове-на-Дону» (1920), посвященную «теневой» жизни на экране.

Железный самоголос — ср. в статье «Радио будущего» (1921): «Железный рот самогласа пойманную и переданную ему зыбь молнии превратил в громкую разговорную речь, в пение и человеческое слово».

«Чавкая сладости, слушали люди...» (С. 126). — Впервые: Григорьев В.П. Грамматика идиостиля. М., 1983. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«И вечер темец...» (С. 127). — Впервые: Заумники, 1922. В Записной книжке, 1925; «О вечер темец, Где тополь земец...».

Море (С. 128). — Впервые: Мир и остальное, 1920, без названия (см. на с. 449). Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ; впервые: СП, III, 1931). Стихотворение «Море» упоминается в «Перечне» лета 1920 г. Тематически и образно перекликается с двумя стихотворениями Н.М.Языкова под общим названием «Пловец»: «Нелюдимо наше море» (1829) и «Воют волны, скачут волны!» (1831), но в отличие от них построено на необычной для литературного языка лексике, включающей диалектные слова, звукоподражания, специальные понятия каспийских поморов.

Котора — парусное судно.

Ямура — подводная яма, *ямурить* — обшаривать дно.

Музур — матрос-промысловик.

А-ха-ха — возможны два значения: междометие и ахáха — бродяга (см. на с. 528).

Кукорачь — на карачки, на четвереньки.

Морцо — залив, отделенный от моря пересыпью.

Кумоворот — водоворот, пучина.

Мра(мря) — туман со снегом.

Охава — нечто огромное.

Зга — темень.

Оханное судно — для промысла белуги, тюленя с помощью *охана* — ставной сети; *оханный* здесь связывается и с междометием «ох».

Будно — здесь: готово.

Дзыга, кубарь — юла, волчок.

Морговать — привередничать, чудить.

Кокова — резное украшение на носу судна.

Вакать — кричать, плакать.

Варакать — марать бумагу, писать.

Вза — взаправду, в самом деле.

Ваража — яркое созвездие на небе.

Диль — рыболовная сеть.

Шиганить — бестолково пугать.

Корог — нос судна (или кромка борта).

Ошкуй — морской белый медведь; по поверью астраханских ловцов, не следует в море поминать ошкуя, не то подымется буря.

Отеть — лентяй, лежебока.

Неман — конец, предел (смерть).

К первой редакции:

Кра — карканье вороны; возможно и другое: крыга, пловучий лед.

«Восток, он встал с глазами Маяковского...» (С. 131). — Печатается впервые фрагмент черновой рукописи (РГАЛИ), датированной: *1 сентября 1920.* Задуманная сложная композиция осталась в набросках, записанных, очевидно, в разные дни. Над выделенным фрагментом записано:

Пожар из Бэ! Баку.
Им озаренный край алеет
Багдада, Берлина и Бомбея,
Как область единого,
Где Бэ единый господин его.
Полено славы Энвер-бея
В твоем костре.

Под ним:

Весь ток столетнего Востока
Сейчас проходит по Баку.
Пастух из зарева нездешнего востока
Позвал вселенную в Чеку.
Чека Шекспиров и Байронов,
Брак Мирза Бабов и Неронов.
Где версты глаз, то Азия молилась,
Всегда прекрасна, как Мадонна,
Свободожадная толпа.
И печени кровавый угол вылез
У узника Казбека.
Мы заменили Бэ на Эм!
Рука болот подъемлет молот!
И луч Москвы летит к Бомбею.
И мы болитвой боремся с молитвой,
И сбертью бьемся с смертью.
О бор борьбы, где скалил челюсть мор!
И баба заменила маму.
Мы выросли,
Богоборы вместо богомолов...

В конце августа 1920 г. Хлебников из Харькова, через Ростов-на-Дону, Армавир, Дербент, добрался до Баку, где 1—8 сентября проходил Съезд народов Востока, под впечатлением которого написано несколько стихотворений.

Восток, он встал с глазами Маяковского — ср. в повести «Ка» (1915): «Ко мне пришел один мой друг, с черными радостно-жестокими глазами, глазами и подругой» (см. воспоминания Шемардиной С.С. (1894—1980) «Футуристическая юность» — сб. «Имя этой теме: любовь!». М., 1993).

С когтями песен на боку — образ воинственных, вооруженных делегатов Съезда.

Ось Минковского — четвертое измерение, ось времени; Герман Минковский (1864—1909) — немецкий математик и физик, дал геометрическую интерпретацию специальной теории относительности, имеющую точки соприкосновения с геометрией Лобачевского, что имело особую значимость для Хлебникова. В заметках 1912 г. Хлебников писал: «Минковский и некоторые другие (я, начиная с 1903 года) думали объединить время <с пространством>, понимая его как пространство 4 измерения». В рукописи стихотворения нарисована «ось времени».

К черновым наброскам:

Пожар из Бэ — современные революционные события истолкованы здесь как действие мировых энергий, означаемых азбукой «звездного» языка, где Б — «встреча двух точек, движущихся по прямой с разных сторон. Борьба их, поворот одной точки от удара другой», а М — «распад некоторой величины на бесконечно малые», причем в цветовом обозначении Б — красного цвета, М — темно-синего (см. статью «Художники мира!», 1919); ср. ряд «харьковских» стихотворений 1920 г. с разработкой «звездного» языка. С этой точки зрения переосмысливаются и некоторые геополитические концепции; см.: Павлович М.П. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего (к вопросу о причинах мировой войны). М., 1918 (1-е изд. СПб., 1913), где речь идет о «трех Б», то есть о проекте рельсового пути Берлин — Бизантиум (Константинополь) — Багдад.

Энвер-бей (Энвер-паша, 1881—1922) — один из руководителей движения «Молодая Турция», участник Съезда народов Востока в Баку; позже воевал против Красной армии, убит под Бухарой.

Мирза Баб (Сейид Али Мохаммед, 1819—1850) — вождь религиозно-реформаторского движения в Персии; см. примеч. к следующему стихотворению.

Узник Казбека — Прометей.

«Видите, персы, вот я иду...» (С. 132). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Заметки Хлебникова о древнеиранской мифологии, частично использованные в этом стихотворении, относятся ко времени его пребывания в Харькове. Летом 1920 г. стали поступать известия о провозглашении Гилянской республики в Северной Персии. В дневниковой записи отмечено: «13 июля 1920. Вышел «Ладомир». Хотел ехать в Персию». Но связный и законченный текст на персидскую тему мог возникнуть только в Баку, в атмосфере Съезда народов Востока (приносим благодарность М.С.Киктеву за это соображение).

Синват (Чинват) — в иранской мифологии мост между царством живых и царством мертвых, по которому Заратустра (Заратуштра), основатель религии зороастризма, проводит души праведных.

Гушедар-мах (Ошедар-маг) — один из будущих духовных сыновей Заратустры, призванных спасти мир.

Фрашокерети — будущее царство добра и справедливости.

Матия и Матиян (Машйа и Машйана) — первая человеческая пара, признавшая главой миропорядка Ахурамазду, благое начало, но затем за поклонение Ахриману, злому началу, ввергнутая в ад, откуда выйдет лишь после Страшного суда.

Вогу Мано (Воху Мана), *Аша Вагиста* (Аша Вахишта), *Кшатра Вайрия* (Хшатра Вайрья) — входят в число семи добрых духов, проявлений Ахурамазды.

Клянемся — атмосфера Съезда, открывшегося приветственной речью Председателя Исполкома Коминтерна Г.Е.Зиновьева, передана в репортаже журн. «Народы Востока. Орган Совета пропаганды и действий народов Востока». Баку, 1920, № 1 (октябрь): «Братья, мы призываем вас к священной войне прежде всего против английского империализма». (Буря аплодисментов. Долгие крики «Ура». Члены съезда встают, потрясая оружием. Долгое время оратор не может продолжать. Все члены съезда стоят и аплодируют. Крики «Клянемся»)». Стенографические отчеты о Съезде публиковались в газ. «Коммунист». Баку, 2, 5—10, 13—14 сентября 1920.

Гурриэт эль Айн (Куррат-уль-айн — услада глаз; наст. имя — Зеррин Тадж) — персидская поэтесса, последовательница религиозного и социального реформатора ислама Мирза Баба (см. выше); убита по приказу шаха в 1852 г. (ее задушили собственными волосами). См. стихотворную драму Гриневской И. «Баб» (СПб., 1903; 2-е изд. 1916). Ср. «Ранней весной 1917...» (1918), поэму «Труба Гуль-муллы» (1921—1922).

«Ваши глаза — пустые больничные стены...» (С. 133). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Ср. выше «Восток, он встал с глазами Маяковского...» и наброски, связанные с этим текстом.

«Тейлоризация правительств...» (С. 134). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Тейлоризация — система рационализации и интенсификации труда, разработанная американским инженером Ф.У.Тейлором (1856—1915).

Habeas corpus лат. — начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого английским парламентом в 1679 г.

«Шахсейн — вахсейн! — и мусульмане...» (С. 135). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Шахсейн-вахсейн — траурные обряды у шиитов, воспроизводящие страдания и гибель Хусейна, сына халифа Али (зятя Мухаммеда), убитого в сражении в 680 г.; сопровождаются самоистязаниями и возгласами «Шах Хусейн! Вах, Хусейн!» («Царь Хусейн! О, Хусейн!»); этими обрядами начинается первый месяц года по мусульманскому лунному календарю, который в 1920 г. приходился на сентябрь-

октябрь. См. описание этих обрядов в книге Иванова В.И. «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923).

«Цыгане звезд...» (С. 136). — Впервые: СП, V, 1933 (см. на с. 451). Печатается впервые вариант по рукописи 1921 г. (РГАЛИ).

«Россия, хворая, капли донские пила...» (С. 137). — Впервые: Мир и остальное, 1920; перепечатано: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

После Съезда народов Востока (см. выше) Хлебников уехал в Дагестан, вскоре вновь вернулся в Баку и поступил на службу в Бакинское отделение КавРОСТА. Служившая здесь Татьяна Вечорка (Т.В.Ефимова, в замужестве Толстая, 1892—1965) вспоминала: «Пожаловал Хлебников, с толстой бухгалтерской книгой подмышкой и недоеденным ломтем черного хлеба в другой руке. Видом он был нелеп, но скульптурен. Высокий, с громадной головой в рыжеватых, заношенных волосах; с плеч — простегнутый ватник-хаки, с тесемками вместо пуговиц, на длинных ногах — разматывающиеся обмотки <...> ему очень хотелось печататься, особенно хотелось видеть напечатанной большую статью — тоже «каббалистическую», хоть на машинке. Но было некогда и негде, так я и возвратила ему рукопись. Напечатали только в 20 экз. сборник «Мир и остальное» [авторы: Т.Вечорка, А.Крученых, Хлебников], куда он готов был отдать всю толстую книгу плюс много листочков. Но машинистка ворчала и пришлось отобрать только 6 стихотворений. Одно из них — не знаю, появившееся ли в других изданиях — грустный его автопортрет тех дней: «Россия, хворая, капли донские пила...». Долго я радовалась на это стихотворение» (Записная книжка, 1925, с. 21—22, 25). Экспромт Хлебникова, имеющий отношение к его работе в КавРОСТА, приведен по памяти в воспоминаниях О.Самородовой «Поэт на Кавказе» (1929); см.: Звезда, 1972, № 6, с. 186:

В городе Тагиева
Живут враги его.
Многое могут,
С ними и Богот —
Это злой воли ком
За письменным столиком.

Здесь Тагиев — бакинский нефтепромышленник, Богот — секретарь КавРОСТА (упомянутая «машинистка»?). Все шесть текстов

Хлебникова в сб. «Мир и остальное» подписаны: «Делимир Хлебников».

Капли донские — см. примеч. к стихотворению «Современность» (1920).

По-табасарански — табасаранский язык принадлежит к лезгинской группе дагестанских языков; две недели Хлебников жил в горном ауле западнее Дербента (Табасаранский район Дагестана).

Мукден и Калка — два крупнейших поражения России в столкновениях ее с Востоком: битва на реке Калке с татаро-монголами (1223), сражение у города Мукден с японцами (1905); эти исторические события и даты Хлебников часто использовал в своих построениях «законов времени».

«Ручей с холодною водой...» (С. 138). — Впервые: Стихи, 1923. Там же — вариант строк 7—11:

В горы, в сырое ущелье
Мы проскакали верст пять,
Он впереди, я в отдаленьи.
«Кушай». Всадник коня придержал,
Белый сыр протянул и золотую лепешку,
И много глаз моря на кисти.

Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ), где сохранилась первоначальная редакция конца стихотворения. После строки «Через день Чека допрос окончила ненужный» следовало:

И я, гонимый ей, в Баку на поезде уехал.
Овраги, где клубилася река
В мешках внезапной пустоты,
Где сумрак служил небу,
Я узнавал растений храмы
И чины и толпу.
Здесь дикий виноград я рвал,
Все руки исцарапав.

Стихотворение рождено дагестанскими впечатлениями начала осени 1920 г.; в письме родным 2 ноября (архив М.П.Митурича-Хлебникова) он писал: «Я провел две недели в ауле около Дербента, среди горцев».

Бешеный мулла — прозвище дервиша Мухаммеда ибн Абдаллаха, возглавлявшего длительное антиколониальное повстанческое дви-

жение в Британском Сомали (1899—1920); здесь этот образ связывается с русской литературной традицией изображения фанатически воинственных горцев в произведениях А.Бестужева-Марлинского («Мулла-Нур»), М.Лермонтова, Вас.Немировича-Данченко и др.

Чурек — пресная лепешка.

Омела — вечнозеленый кустарник, растущий на деревьях; священное растение в мифологиях многих народов.

Алеше Крученых (С. 141). — Впервые: Крученых А. Мятеж. Баку, 1920. Печатается по автографу в альбоме А.Е.Крученых (ГММ).

Игра в аду — аллюзия к поэме Хлебникова и Крученых «Игра в аду» (1912).

Хорошеука — неологизм, Хлебниковым объясненный: «Хорошеуки — хорошему учащие. Этика + эстетика = доброука и красоука. Милоука — о любви и о женщинах» (НХ, XVI, 1930).

Сим победиши! — божественный глас, услышанный византийским императором Константином Великим перед важным сражением, одновременно в небе, согласно легенде, появилось крестное знамение; победив, Константин прекратил преследования христиан и объявил христианство государственной религией (IV в.).

«На нем был котелок вселенной...» (С. 142). — Впервые: СП, V, 1933, строки 1—19; полностью: НП, 1940. На с. 452 см. вариант, впервые печатаемый по рукописи (РГАЛИ): «Читаю известия с соседней звезды...».

Звезда веселая — Венера.

«Новость! Зазор!» — ср. декларацию, напечатанную в книге А.Крученых «Мятеж» (1920) и в «Досках судьбы» (Лист 3); еще один вариант входит в сложный по составу текст «Чу! зашумели вдруг облака шумом и свистом...» (СП, III, 1931).

Зазор устар. — позор, но также призыв к вниманию.

<Каракурт> (С. 143). — Впервые: газ. «Коммунист». Баку, 29 октября 1920, под названием «В берлоге у барона» и подписью: «Каракурт» (см. на с. 453). По рукописи (РГАЛИ) печатается позднейшая сокращенная редакция (впервые: СП, V, 1933, без названия; Творения, 1986 — с названием, которое в газетной публикации было представлено редакцией как своеобразный авторский псевдоним). Отдельные строфы стихотворения в переработанном виде вошли в поэму «Горячее поле» (1921) и в драматическую поэму «Настоящее» (1921).

По свидетельствам Т.Вечорки и А.Крученых (Записная книжка,

1925 и НХ, XVI, 1930) стихотворение выросло из подписей к агитплакатам Бакинского отделения КавРОСТА. Хлебников использовал поэтику агитстиха, разработанную Маяковским в московских «Окнах сатиры» РОСТА. Это подтверждается воспоминаниями художника М.В.Доброковского (1895–1942), записанными литератором Р.П.Абихом (см. с. 554) в 1929 г.: «Он испытывал радость творчества, я испытывал радость творчества, и все это было замечательно. Понятия утра, вечера не существовало, была работа <...> Мог делать конкретно, техническая сила в нем была. Писал легко. Текст с «Авророй» написал, когда еще не было рисунка. Взято было, конечно, с «окон РОСТА», у Маяковского — целый ряд». Память художника сохранила три стихотворные подписи Хлебникова:

1. Празднуя свободы третий год
   С тех пор, как над «Авророй» взвился «наш»,
   Закрой для праздной речи рот,
   Бей молотом по кузне наотмашь.
2. В крепость разрухи,
   В стан голодухи
   Снаряды труда
   Бросайте всегда.
3. Моряк, военмор и работник!
   Лучший прием чествования свобод,
   Когда молчит рот
   И громко кричит субботник.

См.: Парнис А. В.Хлебников в БакРОСТА // Литературный Азербайджан, 1976, № 8.

Каракурт тюрк. — черный паук.

От зари и до ночи — пародийное использование студенческой песни «От зари до зари...»; ср. обыгрывание той же песни в ростинских стихах Маяковского «Октябрьские романсы в лицах» (1919).

Врангель П.Н., барон (1878–1928) — главнокомандующий Добровольческой армией Юга России в апреле-ноябре 1920 г.; в советском лагере его называли «черным бароном», возможно, из-за черной черкески, которую он постоянно носил (отсюда и «каракурт» — паук черный и ядовитый). О числовой закономерности разгрома Врангеля, которым «дело Колчака было навсегда проиграно», Хлебников говорил в докладе «Опыт построения чистых законов времени в природе и обществе», прочитанном 17 декабря 1920 г. в бакинском университете «Красная звезда»; ср. «Доски судьбы» (1922), с. 8, 23.

К первой редакции:

Пречистенка — улица в Москве, где в начале XX в. строились многоэтажные доходные дома для состоятельных квартиросъемщиков.

К подписям:

«Наш» — флажок с буквой «Н» (старинное название «наш»), поднимаемый командиром военного судна, означает: «веду огонь».

«От Каира до Калькутты...» (С. 144). — Впервые: НХ, IX, 1928. Написано для агитплаката Бакинского отд. КавРОСТА (см. с. 535).

От Каира до Калькутты — имеется в виду английский проект железной дороги, известный под названием «три К» (Каир — Карачи — Калькутта), в противовес германскому проекту «три Б»: см. примеч. к черновым наброскам стихотворения «Восток, он встал с глазами Маяковского» (1920).

Алла — персонификация мусульманского Востока (от Аллах).

Энглиз — персонификация Англии (и Британской империи в целом); см. примеч. к стихотворению «Видите, персы, вот я иду...» (1920).

Англичанка на боку — в связи с политическими интригами Великобритании; ср. популярное в России с XIX в. выражение «англичанка гадит».

Б (С. 145). — Впервые: Записная книжка, 1925, с примеч. А.Крученых: «В Баку, в 1920 году, Сергеем Городецким была поднесена мне «Завертиль. Убил Ейная книга» (ко дню моего 10-летнего юбилея), на первой странице Хлебников впоследствии приписал: «Б». На с. 454 впервые по рукописи ноября 1920 г. (РГАЛИ) печатается первая редакция «Мы дети страны советованной»; см. примеч. к черновым наброскам стихотворения «Восток, он встал с глазами Маяковского» (1920).

«Ныне» Бакунина — то есть осуществление идей М.А.Бакунина (1814—1876) — теоретика и пропагандиста анархизма; см. его книгу «Наука и насущное революционное дело» (Женева, 1870).

К первой редакции:

Это было в общежитии — из предисловия к «Доскам судьбы» (1922): «Я жил в Баку, в стране огня, в высоком здании морского общежития, вместе с [художником] Доброковским <...> Громадная надпись «Доброкузня» была косо нацарапана на стене, около ведер с краской лежали кисти, а в ушах неотступно стояло, что если бы к нам явилась Нина, то из города Баку вышло бы имя Бакунина. Его громадная, лохматая тень висела над нами». Ср. следующее стихотворение «Год».

Биби — ближайший к Баку район нефтепромыслов у деревни Биби-эйбат.

Баилова утес (Баиловы камни) — выступающие из воды остатки старинного караван-сарая, оказавшегося под водой в результате повышения уровня моря; южная окраина тогдашнего Баку, где находилось управление флота и морское общежитие.

Ка — в «звездной азбуке» означает «отсутствие движения» и, следовательно, Ка противоположно Бэ (см. статью «Художники мира!», 1919).

Трубка мира — пушки порох — ср. в письме Вере Хлебниковой 2 января 1921 г. из Баку в Астрахань: «...я курил из трубки из пушечного пороха и писал ручкой из пороха. Так как я рассеянный человек, то я клал окурки на порох, и он зажигался и воспламенялся, тогда тушил его пальцами. На деле это безопасно, пушечный порох горит очень тихо, и из его длинных черных трубок выходят превосходные ручки для будаков (будетлян), но звучит всё это очень громко». Ср. также очерк «Железное перо на ветке вербы» (1922).

Год (С. 146). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Характерный для Хлебникова набросок событийной последовательности собственной жизни, не вполне соответствующий определенному хронологическому периоду. См. примеч. к стихотворению «Как я увидел войну?» (1921). Первые четыре строки — реминисценция «харьковского» стихотворения «Ночной бал».

Нины уход — в Каспийском пароходстве было судно «Нина»; наличие этого женского имени в «бакинских» текстах (см. выше) могло стимулироваться и другими обстоятельствами: в Баку была известная социал-демократическая типография «Нина»; среди грузин и армян это почитаемое имя христианской святой.

«Кто-то дикий, кто-то шалый...» (С. 147). — Впервые: Стихи вокруг Крученых, 1921, без двух заключительных строк; полностью: Записная книжка, 1925. Записано в альбоме А.Е.Крученых «Завертиль» (см. с. 539) возле рисунка С.М.Городецкого, где изображен Крученых «в очень нервном виде, идущим по городской улице» (Записная книжка, с. 18).

Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) — поэт, автор нескольких текстов (воспоминания, стихи), посвященных Велимиру. Мотивы славянского язычества в его книге «Ярь» (1907) были близки молодому Хлебникову. В последние годы жизни Хлебников относился к Городецкому с недоверием.

«Разрушающий порядки...» (С. 148). — Впервые: Стихи вокруг Крученых, 1921. Записано в альбоме А.Е.Крученых «Завертиль». Вариант последней строки: «И сверкают разум пятки».

«Замороженный Озирис...» (С. 149). — Впервые: Стихи вокруг Крученых, 1921. Записано в альбоме А.Е.Крученых «Завертиль».

Озирис (Осирис) — в египетской мифологии бог производительных сил природы, царь загробного мира; по толкованию Хлебникова в заметках 1920 г., «Озирис — закатившееся солнце», «солнце, скрытое землей».

Голошанный — по-видимому, неологизм; ср. «голошат — бездельник», «шаныга — шалопай» (Даль).

Голоумный — ср. «голомудрый — неразумный» (Даль).

П,Т — Б,Д (С. 150). — Печатается по автографу в альбоме А.Е.Крученых (ГММ). Название — рукой Крученых, по предложению которого написан этот экспромт как опыт «инструментовки». Первоначальный вариант последней строки: «Дрыхнет бочкой дым бахдач».

«У колодезя молодезь...» (С. 151). — Впервые: Заумники, 1922.

Ёнка обл. — баба, девка.

«И рвался воздух...» (С. 152). — Впервые: НХ, XVI, 1930, с примеч. Крученых: «Незаконченное стихотворение Хлебникова, сохранившееся в моих бакинских тетрадях».

«Мака алого настой...» (С. 153). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Спотыкач — хмельной напиток.

«Слава пьянице, слава мозгу...» (С. 154). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). Черновой набросок «Пьяный мозг« относится к ноябрю-декабрю 1920 г. Написано под впечатлением от посещения анатомического театра в Бакинском университете.

До основания, а затем — см. примеч. на с. 511.

«Словес сломивший скорлупу...» (С. 155). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Пространства на костре костей... — переосмысливается один из эпизодов мифа о Прометее, научившем людей сжигать в жертву богам не цельные туши животных, а только кости и жир.

«Я — вестник времени, пою...» (С. 156). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Записано в рабочей тетради «Особая природа чисел», содержащей материалы к «Доскам судьбы»; другая тетрадь того же периода озаглавлена «Утесы времени».

«И если сторонитесь вы песка...» (С. 157). — Впервые: в статье К.Рудницкого «Из одного семейного архива» («Вопросы литературы», 1974, № 5). Печатается по автографу в альбоме (РГАЛИ) бакинской поэтессы Арусяк Амбарцумовны Мелик-Шахназаровой (189?—1922), учившейся в Петербурге и участвовавшей в литературных выступлениях эго-футуристов.

«С верхарни...» (С. 158). — Впервые: в статье К.Рудницкого (см. выше). Печатается по автографу в альбоме А.А.Мелик-Шахназаровой (РГАЛИ).

С верхарни — см. примеч. на с. 517.

«Пришла и устала ночная лиель...» (С. 159). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Самострел любви (С. 160). — Впервые: Стихи вокруг Крученых, 1921, с посвящением: *Н-вой* [А.А.Мелик-Шах*назаровой?*]. Перепечатано: НХ, XVI, 1930, по рукописи, без посвящения и с датой: *25 января 1921.* Там же наброски, записанные Крученых «возле подлинника», и среди них возможное продолжение стихотворения: «Вы поведете вашей бровью — И я умчусь к божеств верховью».

«Хохол песка летит с кургана...» (С. 161). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«Я видел хохоты зеркал...» (С. 162). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Утраты, утраты, утраты...» (С. 163). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Связано с сообщениями о смерти двоюродного брата Н.Н.Рябчевского (1896—1920) и розысками родного брата А.В.Хлебникова (1887—1920), пропавшего без вести на фронте; в дневниковых записях конца 1920 — начала 1921 г. отмече-

ны письма родных с этими семейными известиями, собственные сны: «Ветер воет точно душа Николая Николаевича, ветер как будто рвется в комнату ко мне».

«Тайной вечери глаз...» (С. 164). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи последней редакции весны 1922 г. (РГАЛИ). Две редакции, датированные 16 февраля 1921 (впервые: Vroon, 1989), печатаются на с. 455, 456 по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). Редакция начала 1922 г. (впервые: НП, 1940) печатается по рукописи (РГАЛИ) на с. 457.

Это стихотворение, обозначенное как «хор к коню», входило в первоначальный замысел сверхповести «Зангези».

У чугунных коней — четыре конные группы (юноши, укрощающие коней) скульптора П.К.Клодта (1805—1867) на Аничковом мосту через р.Фонтанку в Петербурге.

Дворец Строганова — рядом с Аничковым мостом на углу Невского проспекта и набережной р.Мойки; здесь в феврале 1917 г. полицией была расстреляна антиправительственная демонстрация.

Могилы царей — Петропавловская крепость, место захоронения российских императоров, возможно, Спас-на-Крови (храм Воскресения Христова на месте убийства Александра II).

«Как стадо овец мирно дремлет...» (С. 165). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

В предисловии к «Доскам судьбы» (1922) говорится о той обстановке, в которой Хлебников пришел к окончательному решению своего «закона времени»: «Это было на родине первого знакомства людей с огнем и приручения его в домашнее животное. В стране огней — Азербайджане — огонь меняет свой исконный лик. Он не падает с неба диким божищей, наводящим страх божеством, а кротким цветком выходит из земли, как бы прося и навязываясь приручить и сорвать его». Речь здесь идет о выходе нефтяных газов в районе Баку и о некогда существовавшем культе огнепоклонников. Коробок спичек — наглядное представление о прирученном, одомашненном огне.

Спички судьбы — образ прирученного и одомашненного Рока, то есть по́нятого в своих закономерностях и потому уже не страшного Времени; само слово «рок» по своему внутреннему содержанию связано с понятием времени (ср. «срок», «пророк», «рік» укр. — год). В письме П.В.Митуричу 14 марта 1922 г. Хлебников как бы материализует смысл пророчества: «Когда будущее становится прозрачным, теряется чувство времени <...> оно походит на поле впереди и поле сзади, становится своего рода пространством».

«Я велик. Лишь я поставлю «да»-единицу...» (С. 168). — Впервые: День поэзии, 1985. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Неук — невыезженная лошадь.

1789 год (С. 169). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Записано в начале марта 1921 г. в рабочей тетради «Особая природа чисел» среди хронологических выкладок по истории Французской революции. Далее следует текст, продолжающий смысловое движение стихотворения: «5 октября 1789. Король в плену у свободы. Взят Версаль. / Женщины взяли Версаль. Король носитель прошлого, меч. / Через 3^7 — 3 <дня> — 5 октября 1795. Свобода в плену у Наполеона. / Равенство законов. / Наполеон держит в руках меч новой свободы и во имя ее пленил труд. / Занятия переменились. / Баловень военной славы в плену у народа / и народ в плену у ковагеля новой славы. / Это проснулась Франция с долгим зевком на королевской спальне, / И сыплются кудри смертей. / Марат убит ножом ужаса рукой девы народной мести. Это гнев и кара народа, / Подобно брызгам моря взлетающая кверху. Это чистый испуг и острастка. / Кудри народа рассыпались по плечам смерти. / Народ хочет испужать закон. / Через 3^5 казнен Геберт, глава и пророк работы ужасом».

По предположению М.С.Киктева, вместе с последующим стихотворением «Жиронды враг...» это — незавершенная трехчастная композиция, главный герой которой — числовое выражение «закона времени», в данном случае единообразного выражения событий «обратного значения»: «Если в первую точку умирает жертва, через 3^5 умирает убийца. Если первая точка отмечена крупным военным успехом некоторой волны человечества, была шагом завоевания, то вторая точка через 3^n суток будет остановкой этого движения, днем отпора ему» («Доски судьбы», с. 7).

14 июля 1789 года — день взятия Бастилии, государственной тюрьмы в Париже, начало Французской революции.

«Божия Матерь Застенка» — возможно, знаменитое орудие казни, которое называли «Святой Гильотиной».

5 октября 1789 года — поход парижанок на Версаль, резиденцию короля; 6 октября дворец пал, королевская семья была пленена и доставлена в Париж. Если взятие Бастилии было началом свободы, то взятие Версаля стало началом новой несвободы: народ из освободителя обратился в «тюремщика».

15 марта 1896 года — дата не поддается истолкованию в данном контексте (может быть, случайная описка, может быть, сознательный

выход за пределы Французской революции и поиск других исторических аналогий).

К тексту в примеч. :

5 октября 1795 года — генерал Наполеон Бонапарт подавил мятеж монархистов в Париже.

Геберт (Эбер) Жак Рене (1757–1794) — радикальный якобинец, казнен за выступление против М.Робеспьера.

«Жиронды враг...» (С. 170). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ); см. примеч. к предыдущему стихотворению.

Дантон Жорж Жак (1759–1794) — один из главных деятелей Французской революции, выступавший вначале против умеренной буржуазно-республиканской группировки *жирондистов*, а затем сблизившийся с ней в отказе от политики террора; казнен по приговору Революционного трибунала.

Три Жэ. Два Эн — в «звездном» языке Ж означает «движение из замкнутого объема, отделение свободных точечных миров», а Н — «отсутствие точек, чистое поле» (см. «Художники мира!», 1919). Вместе с тем по основному «закону времени»: «Путь свободы, жизни, роста — через степени двоек. Путь власти, смерти, борьбы, замкнутого простора — через степени троек. Какой простор! — скажут про свободу. Но простор есть пространство двух измерений. Про государство скажут: глыба громадная,— а это есть пространство трех измерений» (материалы к «Доскам судьбы», 1921). Таким образом, имя Жоржа Жака Дантона, врага и друга Жиронды, прочитанное на «звездно-числовом» языке, раскрывается как парадоксальное сочетание «воли к свободе» и «воли к смерти» и является формулой его судьбы.

Весь в перстнях из причесанных волос — в конце XVIII века в моде были украшения и предметы туалета, сплетенные из волос.

«Рим, неси на челе, зверь священный...» (С. 171). — Впервые: Хлебниковские чтения, 1991. Печатается по рукописи в рабочей тетради «Мой Коран», содержащей материалы к «Доскам судьбы» (РГАЛИ).

666 — в «Откровении» Иоанна Богослова, 13:18: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть». По распространенному толкованию, «зверь» символизирует Римское государство. В последующие века число 666 получало множество других толкований применительно к различным историческим обстоятельствам и лицам. Ср. стихотворение «Зверь + число» (1915), повесть «Ка» (1915), статью «В мире

цифр» (1920). В той же тетради «Мой Коран» есть замечание, что «его [Рима] числосознание есть корень площади из жизни государства. Число 666 потому владело умами, что оно есть $F = \sqrt{M}$, где M — число дней в жизни Рима». Действительно, если считать от начала Рима в 753 г. до н.э. и до его падения в 476 г. н.э. (как принято в современной науке), то получается величина, близкая к 666^2 (1229 лет = 448585 дней $\approx 669^2$). Хлебников, видимо, принимал несколько более раннюю дату конца Рима — около 462 г. (666^2 = 443556 дней $\approx$ 1215 лет); в «Досках судьбы» гибель Рима датируется 455 г. н.э.

Три да три в степени три да три — из материалов к «Доскам судьбы» (РГАЛИ): «Есть известная пословица: три да три будет дырка. В ней, через описание известного труда, работы, мышечного усилия, просвечивает числовой смысл пословицы, и ее игра, ее веселая шутка состоит в водопаде числового смысла на равнину обыденного разума, разговорного. Еще когда для меня неясны были чистые законы времени, я ощущал обжигающий смысл поговорки, точно полный тока проводник, тугой силами молнии, коснулся меня. Три да три будет дырка. Три да три будет шесть. Милостивые государи мои! к ответу! Что будет три да три в степени три да три? Дырка? Нет — падение самодержавия. Прибавьте эти шесть в шестой к 30.06.1789 во Франции (6^6) и вы получите 13.03.1917 для России. Мы теперь знаем, что три да три в степени три да три будет не «дырка», а падение царей и отречение царей — падение русского самодержавия, тоже своего рода прорыв в миры будущего. Ток, соединивший числовой и словесный смысл пословицы, смысл, падающий с уровня слова на уровень числового мира, дает ей игру и делал ее забавной в свое время».

«Слова пороли королей...» (С. 172). — Впервые: в предисловии М.С.Киктева к каталогу выставки «Доброковский/Хлебников». (СПб., 1992; Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме). Печатается по списку М.В.Доброковского (частное собрание). В измененном виде вошло в первую часть поэмы «Настоящее» (1921).

Водолей — созвездие зодиака, звездный символ России. По существующей в астрологической среде версии, в начале 1910-х гг. петербургский астролог и оккультист А.В.Трояновский предсказал начало неблагоприятного для России временного цикла, когда Уран входит в созвездие Водолея, с 1912 года. Ср. упоминания Водолея в поэмах «Гибель Атлантиды» (1912), «Поэт» (1919) и в ряде стихотворений 1921–1922 гг. В диалоге «Учитель и ученик» (1912) последний на вопрос о происхождении своего «искусства» цифрового толкования истории отвечает: «Ясные звезды юга разбудили во мне халдеянина».

«Очи Перуна...» (С. 173). — Печатается впервые по рукописи начала 1922 г. (РГАЛИ). Вариант 1921 г. (без последней строки) записан в рабочей тетради «Особая природа чисел» (РГАЛИ). Две начальные строки вошли в первую публикацию стихотворения «Ну, тащися, сивка...» («Доски судьбы», 1922).

«Очи Перуна» — то есть взгляд на мир с точки зрения божества, в данном случае перводвигателя Перуна, как толковал Хлебников громовника славянской мифологии (см. стихотворения «Пою», 1916 и «Выстрел из П», 1920). «Счет чисел, счет времени — вот очи бога. Это сильнее Корана», — писал он в заметках 1921 г. Такой взгляд дает понимание «законов времени», «исходя из уроков прошлых столетий и вооружая по способу судьбомерия разум новыми умственными очами в даль грядущих событий» («Доски судьбы», с. 3). Ненужными становятся прежние законы, государства, правительства.

Хурда-мурда — пожитки, барахло. В письме 1913 г., адресованном Крученых: «Лыки-мыки это мусульманская мысль, у них есть шурум-бурум и пиво-миво, шаро-вары, т.е. внеумное украшение слова добавочным, почти равным членом».

«Исчезающие! взгляните на себя!..» (С. 174). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи весны 1922 г. (РГАЛИ). Первоначальный набросок начала 1921 г. записан в рабочей тетради «Особая природа чисел». Вариант осени 1921 г. (РГАЛИ; впервые: Vroon, 1989) см. на с. 458.

Оксфорд — следует иметь в виду два значения: старейший английский университет в Оксфорде и древний аристократический род (например, премьер-министр Великобритании Герберт Генри Асквит, граф Оксфорд (1852–1928), которого считали одним из главных виновников развязывания мировой войны).

«Этот строгий угол гру́ди в замке синего сукна...» (С. 175). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«Юноша...» (С. 176). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Записано на листе из рабочей тетради «Особая природа чисел».

Обращено к Борису Степановичу Самородову-Кропотову (1897–1942), военному моряку, художнику, служившему в начале 1921 г. в Политотделе Волго-Каспийского флота. В 1920 г. Самородов был матросом во флоте Добровольческой армии на вспомогательном крейсере «Австралия», находившемся в территориальных водах Персии. После обращения командующего Волго-Каспийским флотом

Ф.Ф.Раскольникова к «белым морякам Каспийского моря» с призывом переходить на сторону советской власти он возглавил восстание 22 марта на своем судне, к которому присоединились и другие экипажи. Сопротивлявшихся офицеров высадили в лодку, чтобы они могли добраться до берега. В начале апреля восставшие суда с полным вооружением и большим запасом нефти пришли в Красноводск, где, по его рассказу, «огромная толпа приветствовала нас звуками «Интернационала» (журн. «Военмор». Баку, 1920, № 26). Подборку документов об этих событиях см. в сб. «Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии. 1918–1920 гг.» (Баку, 1971). Из «Досок судьбы» (1922, с. 11): «В жизни отдельных людей я заметил особое гремучее время строения $2^{13}\pm13^2$. Оно вызывает подвиги под небом Марса или Венеры, всё равно каким. Так Борис Самородов, поднявший восстание в белых судах Каспийского моря, сделал это через $2^{13}+13^2$ после рождения». Однако в той же тетради «Особая природа чисел» есть запись с несколько другими данными: «Самородов. 15 августа ст.ст. 1898 — рождение. 20 марта 1920 — героический день, переворот. 2^{13} — 13 от рождения — героический день Самородова». Ср. стихотворения «Моряк и поец», «Ночь в Персии» (1921).

Биби-эйбат — см. с. 540.

Баба-птица обл. — пеликан.

Моряк и поец (С. 178). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ).

Обращено к Б.С.Самородову (см. стихотворения 1921 г. «Юноша...» и «Ночь в Персии»); перед отъездом в Персию Хлебников подарил военмору литографированное издание поэмы «Ладомир» (Харьков, 1920) с надписью: «Бореньке Самородову от В.Хлебникова на злую? память. Баку. 12 апреля 1921 г.» (ГММ). С поэмой «Ладомир» стихотворение связано основным, космическим, мотивом.

Звезды — братья... — ср. в диалоге Платона «Послезаконие» (986 а-е): «На всем небе есть восемь сил, братски родственных между собой. Из этих сил одна — это сила Солнца, другая — Луны, третья — неподвижных звезд <...> все они, по нашему утверждению, братья и участь их — братская». Это представление получало новый смысл в свете хлебниковских «законов времени», в соответствии с которыми, в частности, порядок движения «светил солнечного мира» совпадает с характером людских судеб. Отсюда — «сходство уравнений солнечного и людского мира равносильно обращению людей в звезды и, наоборот, звезд в людей, и постройке какого-то светлого общежития людей и звезд» («Доски судьбы», Лист 3, с. 41). В то же время здесь очевиден интерес к учению бабидов и их продолжателей

бехаистов («боги — братья»), о которых Хлебников собирался читать лекции в Персии.

Лизогуб Дмитрий Андреевич (1850–1879) — один из организаторов партии «Земля и воля»; близкий друг А.Д.Михайлова, двоюродного брата матери Хлебникова; казнен за революционную деятельность.

Так головы казненные Али Шептали... — имеются в виду массовые публичные казни последователей Мирзы Баба в 1850–1852 гг. (см. примеч. к стихотворению «Видите, персы, вот я иду», 1920); умирая, бабиды взывали к Аллаху и Али. Али учил, что пророк — город знаний, а он — врата этого города. Пытавшийся реформировать ислам в середине XIX в. Мирза Сеид Али Мухаммед также назвал себя вратами нового знания (Бабом). Святость для шиитов имени Али бабиды переносили и на имя своего непосредственного духовного руководителя. См.: Казем-Бек А. Баб и бабиды. СПб., 1865.

«Где море бьется диким неуком...» (С. 180). — Впервые: НП, 1940. Печатается по рукописи начала 1922 г. (РГАЛИ). Выделено в самостоятельное стихотворение из черновых набросков поэмы «Уструг Разина», над которой Хлебников работал весной 1921 г. перед отъездом в Персию. Вариант в Литературном обозрении, 1988.

Неук — см. примеч. на с. 544.

«Идут священные рассказы...» (С. 182). — Впервые: журн. «Даугава». Рига, 1986, № 7 (публикация А.Парниса). Печатается по датированной рукописи (ИРЛИ), подаренной художнику А.И.Косичкину.

«Внимательно читаю весенние мысли бога...» (С. 183). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

<Уот Уитман> — конъектура чернового автографа; об отношении Хлебникова к творчеству американского поэта Уолта Уитмена (1819–1892) см. в воспоминаниях Д.Козлова «Новое о Велемире Хлебникове» («Красная новь», 1927, № 8); см. также в НП, 1940 реплику Хлебникова на статью К.Чуковского об У.Уитмене «Первый футурист» (газ. «Русское слово», 4 июня 1913).

«Э-э! ы-ым,— весь в поту...» (С. 184). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Жабы усердно молились — ср. древнеиндийский «Гимн лягушкам» (Ригведа, VII, 103), где лягушки уподоблены священнодействующим и молящимся брахманам.

«Где запахом поют небесные вонилья...» (С. 186). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Как и в предыдущем стихотворении, здесь образно намечена идея слиянности запаха и звука, синкретизма всех вообще пяти чувств, о чем юноша Хлебников писал еще в тексте 1904 г. «Пусть на могильной плите прочтут...». Прогностические представления Хлебникова о возможной трансляции обонятельных и вкусовых ощущений см. в статье «Радио будущего» (1921).

Вонилья — благовония (общеслав. «воня» — запах; польск. «вонич» — делать душистым).

Ка, Эль, Вэ — см. примеч. к стихотворениям 1920 г. на «звездном языке».

Зорианно — наречие в духе словотворчества И.Северянина (см. примеч. к стихотворению «Воспоминание», 1915).

Нежурно — весело, от укр. не журысь — не печалься.

«Ра, видящий очи свои в ржавой и красной болотной воде...» (С. 187). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Ра — следует иметь в виду три значения: 1) древнеегипетское божество солнца, которое представляли плывущим на ладье по небесному Нилу, особенно в связи с культом Ра-Атона, введенным фараоном Эхнатоном (см. повесть «Ка», 1915; автобиографию «Свояси», 1919); ср. «Гимн Атону», авторство которого приписывается самому Эхнатону: Матье М.Е. Искусство древнего Египта. М.; Л. 1961. С. 307; 2) название Волги у античных писателей: «Rha»; 3) «простое имя» Р, в «звездном» языке означающее «точку, просекающую насквозь поперечную площадь», отсюда, например, ра-ум — «не знающий границ, преград, лучистый, сияющий ум» (см. сверхповесть «Зангези», плоскости VIII и IX, 1922).

Зиры обл. — имеет два значения: глаза и звезды (см. статью «З и его околица», 1915).

Зины — глаза; поэтому Разин может быть прочитано как «Волга глаз» или «Солнце очей». Если иметь в виду «звездное» значение Р и З — «отражение луча от зеркала, угол падения равен углу отражения (зрение)», Ра-зин можно понять как «про-зрение», ви́дение (и виде́ние) насквозь, потустороннее отражение, то есть «Противо-Разин» — отрицательный автопортрет самого поэта с точки зрения хлебниковской теории мнимостей. Ср. стихотворение «Я видел юношу-пророка...» (1921), прозаический отрывок «Разин напротив. Две Троицы» (1921—1922), поэмы «Разин» (1920), «Труба Гуль-муллы» (1921—1922).

Пасха в Энзели (С. 188). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Первая часть стихотворения написана, по всей вероятности, в Энзели, портовом городе на иранском берегу Каспийского моря, куда Хлебников прибыл из Баку в середине апреля 1921 г., прикомандированный к воинскому подразделению, вошедшему в так называемую Персидскую Красную армию; вторая часть — во второй половине года, после возвращения на Кавказ. Пасха в 1921 г. приходилась на 18 апреля ст.ст., то есть на 1 мая по новому календарю.

Из Энзели Хлебников писал сестре Вере в Астрахань: «13/IV я получил право выезда, 14/IV на «Курске» при тихой погоде, похожей на улыбку неба, обращенную ко всему человечеству, плыл на юг к синим берегам Персии <...> Закусив дикой кабаниной, сабзой и рисом, мы бросились осматривать узкие, японские улицы Энзели, бани в зеленых изразцах, мечети, круглые башни прежних столетий в зеленом мху и золотые сморщенные яблоки в голубой листве. Осень золотыми каплями выступила на коже этих золотых солнышек Персии, для которых зеленое дерево служит небом. Это многоокое золотыми солнцами небо садов подымается над каменной стеной каждого сада, а рядом бродят чадры с черными глубокими глазами».

Портахал перс. — апельсин.

Нарынч (нарандж) перс. — померанец, горький апельсин.

Наргинь (Нарген) — остров в Бакинском заливе, где происходили массовые расстрелы.

Джи-джи — виноградная водка.

«*Свадьбу новую справляет...*» — из песни Д.Н.Садовникова «Из-за острова на стрежень...».

«*Троцкий*» — канонерка Волго-Каспийской флотилии.

Ка — понятие «звездного» языка, означающее здесь неподвижность, закованность.

Деньги, чтоб была на них карга — российские монеты с двуглавым орлом.

Зоргам — местность в Северной Персии, где в селении Халхал в июне 1921 г. Хлебников жил у местного хана в качестве домашнего учителя его малолетней дочери. Ср. поэму «И вот зеленое ущелие Зоргама...» (1921).

«Я видел юношу — пророка...» (С. 190). — Впервые: Стихи, 1923; под текстом помечено: «Две Троицы. Разин напротив» (что указывает на связь стихотворения с одноименным прозаическим отрывком 1921—1922 гг.). Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ).

Священник наготы — ср. стихотворение «Я и Россия» (1921).

Ужели снова бросит в море княжну? — тема песни Д.Н.Садовникова «Из-за острова на стрежень...»: Разин и персидская княжна. Ср. примеч. к стихотворению «Ра, видящий очи свои в ржавой и красной болотной воде...» (1921).

Зоргам — см. примеч. к предыдущему стихотворению.

Новруз труда (С. 191). — Впервые: газ. «Красный Иран». Орган Политотдела Персидской Красной армии. 5 мая 1921. Написано под впечатлением от праздника 1 мая в Энзели (см. выше). Строки 16—29 входят в стихотворение «Праздник труда» (1920).

Новруз (Навруз) — общемусульманский праздник, в Иране отмечается как первый день солнечного года.

Байрам — общемусульманский праздник (большой байрам после поста и малый байрам 70 дней спустя).

Заратустра — см. примеч. к стихотворению «Усадьба ночью, чингисхань!..» (1915).

Адам — ветхозаветный первочеловек и *адам* перс. — человек; ср. сходную игру слов в поэме «Труба Гуль-муллы», часть II (1921—1922).

Ай тюрк. — луна и название месяца; в русских присловьях — месяц май (см. примеч. к стихотворению «Зачем в гляделках незабудки?», 1919).

Кардаш тюрк. — друг, товарищ.

Гром балалайки — имеется в виду иранский щипковый инструмент тар.

Решт (С. 193). — Печатается впервые по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). Вариант, записанный на том же листе, см. на с. 459. В переработанном виде вошло в поэму «Труба Гуль-муллы», части 8, 9 (1921—1922).

Решт — город в Северном Иране, столица Гилянской республики в 1920—1921 гг., где базировался Политотдел Персидской Красной армии.

И запечатанным вином Проходят жены — персиянки в черных чадрах с белой сеткой на глазах (как бутылка с белой головкой).

«Старый, желтый...» (С. 194). — Печатается впервые по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). Строки 1—7 в переработанном виде вошли в поэму «Труба Гуль-муллы», часть 14 (1921—1922).

В стихотворении описан герб Ирана, часто изображавшийся на рельефных изразцах, украшавших дома: лев с мечом в лапе и солнце в

виде женского лика. Из письма к родным: «Персия хороша, в особенности снежные горы, только сам народ какой-то дряхлый».

С глазами старого знакомого — см. примеч. к стихотворению «Восток, он встал с глазами Маяковского...» (1920).

Кавэ-кузнец (С. 197). — Впервые: газ. «Красный Иран» (приложение «Литературный листок»), 15 мая 1921. Сокращенная редакция под названием «Кузнец» печатается впервые по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ) на с. 460.

Кавэ (Кава) — герой иранской мифологии; см. «Сказание о Заххаке» в «Шах-наме» Фирдоуси. В газ. «Красный Иран» (23 мая 1921 г.) за подписью *Али* была напечатана заметка о Кавэ: «Жил в эпоху завоевателя Зуххака, который прогнал шаха Джамшида. Свой фартук Кавэ, обиженный Зуххаком, поднял как знамя. Персы украсили это знамя драгоценными камнями. И доныне поются красивые, звучные песни о Кавэ, о его борьбе за свободу Персии. Кавэ-кузнец с молотом и со своим знаменем стал лозунгом борьбы с англичанами за лучшую долю персидского народа». Политотдел Персидской Красной армии издал плакат «Кавэ-кузнец» художника М.В.Доброковского (см. илл.).

Мы, Труд Первый и прочее и прочая... — переосмысленная традиционная монархическая формула, pluralis majestatis (например: «Мы, Николай II, император... царь... князь... и прочее и прочее»).

Иранская песня (С. 199). — Впервые: газ. «Красный Иран» (приложение «Литературный листок»), 29 мая 1921. Ранний вариант под названием «Иранская песнь» печатается впервые по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ) на с. 461. Еще один вариант, без названия, но с пометой: «Красный Иран. 1921» (впервые: НХ, VIII, 1928) печатается по рукописи конца 1921 — начала 1922 г. (собрание Вс.Вяч.Иванова) на с. 462. Поздний вариант под названием «По берегу Ирана» (впервые: Библиотека поэтов, 1923) см. на с. 463.

Из письма Хлебникова родным в Астрахань: «Я увидел голубые призраки гор Персии, желтое русло Ирана, на берегах которого, точно копья уснувшего войска, качаются метелки осоки. Стрелял из ружья в мечущих икру судаков...». Здесь, вероятно, речь идет о реке Сефидруд, несколькими протоками впадающей в Каспийское море вблизи Энзели.

Как по речке по Ирану — ср. зачин русской народной песни «Как по речке по Казанке...».

Верю сказкам наперед — из статьи «О пользе изучения сказок» (1915): «Провидение сказок походит на посох, на которое опирается

слепец человечества <...> ковер-самолет населяет сказочные миры раньше, чем взвился на сумрачном небе Великороссии тяжеловесной бабочкой Фармана, воодушевленной людьми».

«С утробой медною...» (С. 200). — Впервые: Стихи, 1923; под названием «Испаганский верблюд», данным издателями. Печатается по списку А.М.Россовой (РГАЛИ), участвовавшей в составлении издания 1923 г.

Поводом к созданию стихотворения явилась чернильница в форме верблюда, принадлежавшая Р.П.Абиху (1901–1940), сотруднику Политотдела Персидской Красной армии, впоследствии востоковеду.

Галилея — историческая область в Палестине, где проповедовал Иисус Христос.

В узорном чучеле веселых жен [далее, в авторском примеч.: «свои бока расписал веселыми ханум»] — см. примеч. к стихотворению «Меня проносят на слоновых...» (1912): Здесь существенно художественное соответствие между «испаганским верблюдом» (илл. на стр. 202) и индийским изображением слона, составленным из контуров женских тел.

Древний германский орел, Утративший Ха... — сложный образ, раскрывающий этимологический смысл фамилии Абих (нем. Habicht — ястреб; орлы относятся к семейству ястребиных); *Ха* в «звездном» языке означает «замкнутую кривую, отделяющую преградой положение одной точки от движения к ней другой точки (защитная черта)» («Художники мира!», 1919). Абих, утративший исконное начальное *Ха*, находит его в обратном чтении: *Хiба* укр. — разве (по воспоминаниям, это его то ли псевдоним, то ли прозвище); *колос ржи* — хлiб укр. (рус. хлеб и Хлебников). Общий смысл: возвращение к основополагающим истокам, к праязыку, к праединству человечества, от отдельного Я к всеобщему Аз (Аз — и — я). См. примеч. к поэме «Азы из узы» (1920–1922).

Раньше из Ганга священную воду... — ср. описание древнего обряда «свадьбы рек» в повести «Есир» (1918–1919), а также заметку 1921 г.: «Персия — страна, где завязывается общий узел Индии и России».

От Волги до Ганга — движение, обратное древнему: по общему убеждению тех дней, Красная армия через советизированную Персию должна пойти дальше, в Индию.

Испаганский верблюд — чернильница из г.Испаган (Исфахан).

Она [Азия] *до сих пор не сделала, а делали приморские народы...* — старая идея Хлебникова о противостоянии материка и островов: «Человек материка выше человека лукоморья и больше видит. Вот

почему в росте науки предвидится пласт — Азийский» (из письма В.И.Иванову, 1912).

Курильщик ширы (С. 205). — Впервые: газ. «Красный Иран», 19 июня 1921. Первая редакция под названием «Курильщик» печатается впервые на с. 464 по списку Р.П.Абиха (РГАЛИ), указавшего, что оригинал был написан в тетради С.А.Поляковой (его жены) в Реште, в доме Политотдела Персидской Красной армии.

Шира (шире) перс. — наркотическое средство.

Райя араб. — стадо, паства, подданные, с XIX в. так стали называть немусульман.

Адам — см. с. 552

К первой редакции:

Успевшие у спавшего отнять ~ Как у простого слова — ять — вероятно, игра слов: успеть — достичь желаемого, сделать вовремя и успеть др.-рус. — уснуть, умереть («успение»).

Дуб Персии (С. 206). — Впервые: журн. «Искусство». Баку, 1921, № 2—3 (октябрь).

Маздак — глава народного движения в Иране (на рубеже V—VI вв.) за социальное равенство, рассказ о нем есть в «Шах-наме» Фирдоуси; «созвучие с Маздаком Маркса» имеет и нумерологическое обоснование в духе «закона времени»: между ними прошло приблизительно 2^{19} дней (ср. в материалах к «Доскам судьбы» запись о Мирза Бабе, «ровеснике» Маркса и так же ему «созвучном»: «Через 2^{19} после Маздака появляется Мирза Баб»).

«Очана-мочана...» (С. 207). — Впервые: журн. «Искусство». Баку, 1921, № 2—3 (октябрь). Печатается по рукописи лета 1921 г. (собрание В.А.Петрицкого).

Стихотворение представляет собой промежуточную комбинацию ряда «персидских» мотивов; ср. поэму «Труба Гуль-муллы», части 1, 2, 12, 18.

Оча́на-моча́на — выражение радости, удачи; см. примеч. к стихотворению «Очи Перуна» (1921).

Ок! (хакк) араб. — истина, сущность (восклицание дервишей, странствующих мусульманских монахов).

Гуль-мулла перс. — священник цветов (буквальный перевод).

Урус дервиш — русский дервиш.

«Море пело «Вечную память»...» (С. 208). — Печатается впервые по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). В переработанном виде вошло в поэму «Труба Гуль-муллы», части 12, 13 (1921—1922).

«Вечная память» — торжественное песнопение в православном поминальном каноне; нотная запись в поэме Маяковского «Война и мир», часть III (1917).

Кутум — рыба семейства карповых.

«Сегодня я в гостях у моря...» (С. 210). — Печатается впервые по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). В переработанном виде вошло в поэму «Труба Гуль-муллы», часть 13.

«Мной недовольное ты...» (С. 211). — Печатается впервые по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). В переработанном виде вошло в сверхповесть «Зангези», плоскость XIX (1922).

«Ночи запах — эти звезды...» (С. 212). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

В чалме зеленой — чалму зеленого цвета носят потомки пророка.

Красный сорванный цветок — аллюзия к рассказу В.М.Гаршина «Красный цветок» (1883); образ мирового зла в представлении гаршинского персонажа (ср. в незавершенной поэме «Полужелезная изба», 1919: «Похожий на зарю цветок. И он — мучения венок!») переосмыслен здесь в образ прирученного, одомашненного Рока (см. примеч. к стихотворению «Как стадо овец мирно дремлет», 1921).

«Подушка — камень...» (С. 213). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ). В переработанном виде вошло в сверхповесть «Зангези», плоскость XIX (1922).

Ночь в Персии (С. 214). — Впервые: журн. «Маковец», 1922. Черновой набросок — в тетради осени 1921 г. (РГАЛИ).

Амфиан Решетов (Н.Н.Барютин), заведовавший в начале 1922 г. литературным отделом «Маковца», вспоминал: «Первое мое свидание с ним после знакомства было в квартире Брик (в Водопьяном переулке), где Хлебников нашел себе кратковременное пристанище. Я пришел от имени «Маковца» просить его участия в журнале <...> Я просил Хлебникова дать для журнала последнюю законченную работу. Он присаживается и пишет своим детским почерком, кривыми, сходящими вниз строчками две вещи: «Ночь в Персии» и «Сегодня Машук, как борзая...» (по его словам, это — последняя вещь, написанная им на Кавказе). Я прошу поставить дату. В разговор развязно вмешивается оказавшийся здесь Ф.Богородский: — Как это надоело: даты и подписи. Ставьте вместо набившего всем оскомину 1921 года что-нибудь интересное, например... — Богородский называет какое-то астрономическое число. Хлебников колеблется. — Ну, пометьте руко-

пись хоть 1925 годом, — не унимается Богородский. — Правда? — робко соглашается Хлебников и выводит на рукописи 1925, затем подписывается: *Волеполк Хлебников.* Я протестую против устаревших выходок футуристической практики, и Хлебников 1925 год переправляет на 1921» (цит. по: Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. М., 1997. Т. 2. С. 256).

Самородов — см. с. 547. По дневниковой записи 15 февраля 1921 г.: «Самородов дал обмотки и ботинки».

Мехди (махди) араб. — спаситель, мессия, призванный восстановить истинную веру и царство справедливости на земле; на протяжении веков многие социально-религиозные реформаторы ислама объявляли себя махди, в том числе Мирза Баб (см. с. 533). В письме сестре Вере из Энзели Хлебников писал: «Уезжая из Баку, я занялся изучением Мирза Баба, персидского пророка, и о нем буду читать здесь для персов и русских «Мирза Баб и Иисус».

К воспоминаниям А.Решетова:

Богородский Федор Семенович (1895—1959) — художник и поэт; Хлебников написал послесловие к его сб. «Даешь» (Н.Новгород, 1922).

Как это надоело: даты и подписи — ср. эзотерическую дату «110 день Кальпы» под текстом декларации «Труба марсиан» (отпечатанной в Харькове летом 1916 г.).

Я и Россия (С. 216). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи весны 1922 г. (РГАЛИ). Ср. прозаический отрывок «Утес из будущего», 1921: «Мы не должны забывать про нравственный долг человека перед гражданами, населяющими его тело <...> Будем помнить, что каждый волосок человека — небоскреб, откуда из окон смотрят на солнце тысячи Саш и Маш <...> Не надо быть Аракчеевым по отношению к гражданам своего собственного тела». Ср. также «Священник наготы» в стихотворении 1921 г. «Я видел юношу — пророка...». Проблема противостояния человека («двурукое государство шариков кровяных») «государству пространств» выражена в поэме «Воззвание Председателей Земного Шара» (1917).

«Золотистые волосики...» (С. 217). — Впервые: СП, V, 1933, в разделе «Стихи из черновиков 1919—1921 гг.» как три отдельных текста. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Ю.С. — Юлия Степановна Самородова (1901—1929), художница, младшая сестра бакинского знакомого Хлебникова Б.С.Самородова (см. примеч. к стихотворению «Юноша...»). См. воспоминания О.С.Самородовой «Поэт на Кавказе» («Звезда», 1972, № 6).

Дорога Батыя — народное название Млечного Пути; также дорога, по которой шли татары на легендарный Китеж (ср. «тропа Батыева»: Мельников П.И. (А.Печерский). «В лесах», кн. I, гл. первая).

«Детуся! Если устали глаза быть широкими...» (С. 219). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи весны 1922 г. (РГАЛИ). Первый набросок (в Железноводске) датирован «13 сентября», промежуточная редакция датирована «7.XI.21.5 гор» (то есть Пятигорск, или Бештау — пять гор). Обращено к Ю.С.Самородовой (см. выше).

Я и ты (С. 221). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ); в «Гросбухе» просматривается работа над стихотворением с сентября по декабрь 1921 г. Многие мотивы стихотворения, тематически связанного с поэмой «Три сестры» (1920), трансформировались в текст поэмы «Синие оковы» (1922). Впервые печатаемые по рукописи варианты «Я и ты» см. на с. 465, 467, 469.

Из очерка «Ранней весной 1917...» (1918): «Весну я встретил на вершине цветущей черемухи, на самой верхушке дерева, около Харькова» (имеется в виду дача Синяковых Красная Поляна, где Хлебников бывал неоднократно до и после 1917 г.).

Верочка — Вера Михайловна Синякова (1900–1973).

Вэ веток — «Вэ значит вращение одной точки около другой, круговое движение» («Зангези», плоскость VIII, 1922).

Гай укр. — сад, роща.

Ракло — см. с. 521.

К вариантам:

Дубровник — мелкая лесная птица, иначе — юрок.

Где спичкой в копоти с утра — ср. мотив «спички в глухой заброшенной усадьбе» в рассказе «Малиновая шашка» (1921).

«И шлюха ровных улиц слов...» (С. 224). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Сокращенный вариант (без двух первых строк, в последней строке «сверкнут» вместо «поют») — СП, V, 1933. Как и следующие пять мелких стихотворений, написано, по-видимому, в ходе работы над поэмой «Председатель Чеки» (1921). Есть определенная эмоционально-тематическая близость со стихотворениями 1920 г.: «И если в «Харьковские птицы», «И ночь прошла, соседи не заметили...».

«Он голубой, как день...» (С. 225). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Ср. в поэме «Председатель Чеки» (1921): «И тогда он — голубой и черная она, на день и ночь И на две суток половины оба походили — единое кольцо».

«Там, где солнце чистоганом...» (С. 226). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«Где волосы, развеянные сечью...» (С. 227). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Щека бела, как снег, и неприятна...» (С. 228). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ). В последней строке ожидаемо наречие «подобно». Вариант трех последних строк: «Мелы украсили скулы И круглым нетопырей укусом Уста клонились к синим бусам».

Ср. третью строфу стихотворения А.Ахматовой «Надпись на неоконченном портрете» (1912):

Он так хотел, он так велел
Словами мертвыми и злыми.
Мой рот тревожно заалел
И щеки стали снеговыми.

«Девы сумрачной хребет...» (С. 229). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Утром (С. 230). — Впервые: Литературное обозрение, 1988. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Здесь пример «внутреннего склонения» (Бог-Бут) соотносим с неологизмом «буги» в первой редакции стихотворения «Табун шагов, чугун слонов!..» (1916).

«Воздушистый воздухан...» (С. 231). — Впервые: НХ, XXII, 1930.

Нежный язык (С. 232). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Третья строка в силу особенностей автографа может быть прочитана и как «неженки боженьки».

Грубый язык (С. 233). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Где засыпает невозможность на ладонях поучения...» (С. 234). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Два конца речей — то есть «нежный язык» и «грубый язык» (см. выше), выражение контрастных начал жизни (как возможная параллель — идея романтической прозы М.Лермонтова «Вадим», гл. VIII: «Что такое величайшее добро и зло? — два конца незримой цепи, которые сходятся, удаляясь друг от друга»).

«В тяжелых сапогах...» (С. 235). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Вселенной блеск на коромысле — о многозначности слова «коромысло» см. примеч. к стихотворению «Числа» (1912).

«Мой череп — путестан, где сложены слова...» (С. 236). — Впервые: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГАЛИ). С некоторыми изменениями вошло в сверхповесть «Зангези», плоскость XIX (1922).

«Старые речи...» (С. 237). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Яблоки земляные — картофель (калька с фр. «pomme de terre»).

Струбай (стрыбай) укр. — прыгай.

«Степи, где тучи буйволов живут...» (С. 239). — Впервые: Литературное обозрение, 1988. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Царапай мировой слух...» (С. 240). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ) незавершенного текста.

Поэтические убеждения (С. 241). — Впервые: СП, V, 1933. Возвращение к опыту работы 1920 г. по сочетанию обыденного языка с элементами «звездного». Ср. стихотворения «Выстрел из П», «Младенец — матери мука́, моль...» и др.

Дэ — «удаление части от целого к другому целому (дар, даль); *Че* — «пустое тело, заменяющее оболочку объема другого тела» («Словарь звездного языка» к поэме «Царапина по небу», 1920).

Толстой ~ На известной открытке — репродукция картины И.Е.Репина «Л.Н.Толстой на пашне» (1887).

Лес (С. 244). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Горихвостка (краснохвостка) — мелкая лесная птица.

Оляпка — птица семейства дроздов.

«Пи бешеного бега...» (С. 245). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Ср. «Высоко руками подняв Ярославну...» (1919); здесь тот же сюжет поездки в автомобиле, но с использованием словаря «звездного языка».

Гроза в месяц Ау (С. 246). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Здесь в неразвернутом виде представлена «заумная» речь персонажей пьесы «Боги» (1921). По наблюдению Рональда Вроона, хлебниковский «язык богов» принципиально близок конкретному материалу статьи Е.П.Поливанова «О звуковых жестах японского языка» (см. «Поэтика. Сборники по теории поэтического языка». Пг., 1919. С. 32), где рассматривается функция ономатопоэтической лексики, то есть слов звукоподражательных и образно-изобразительных, например: «горогоро» — грохот грома; «барабара» — капли дождя; «дзарадзара» — о шершавом; «гугу/гого» — о ярком и т.д. «Звуковой жест», по определению Б.М.Эйхенбаума (см. указ. сб. с. 156), — это «артикуляционная мимика».

Ау — см. примеч. на с. 514.

Трудосмотр <Звукопись> (С. 247). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). В измененном виде вошло в сверхповесть «Зангези», плоскость XV (1922), с определением «песни звукописи».

Тема стихотворения «Праздник труда» (1920) выражена здесь соотнесением языков «звездного» и «обыденного» с акцентуацией цветовых мотивов: «б» — красный, «м» — синий, «л» — белый и т.д. (см. примеч. к стихотворению «Бобэоби пелись губы...», 1908).

Звукопись — ср. у В.И.Иванова «живопись звуков» («По звездам». СПб., 1909. С. 148).

Личный язык (С. 248). — Впервые: Vroon, 1983. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Из «Декларации слова как такового» А.Крученых (1913): «...художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален) и языком, не имеющим определенного значения, заумным. Общий язык связывает, свободный позволяет выразиться полнее».

Безумный язык (С. 251). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Замечание мыслителя (С. 252). — Впервые: Литературное обозрение, 1988. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Приятно, если великий народ...» (С. 253). — Впервые: Литературное обозрение, 1988. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Ср. в статье В.Розанова «Возле русской идеи» (1911): «Да, не сногсшибательные истины, не ницшеанского полета,— без плаща, перьев и пламени: не надо воровать носовых платков...». Развитие этого мотива см. в стихотворении «Русские десять лет...» (1922).

«Мне, бабочке, залетевшей...» (С. 254). — Впервые: День поэзии, 1985. Печатается по рукописи (РГАЛИ). В сокращенной редакции вошло в сверхповесть «Зангези», плоскость VI (1922).

Одинокий лицедей (С. 255). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ) весны 1922 г. Более ранняя редакция печатается на с.471 (впервые: Vroon, 1989) по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ).

Написано в связи с появлением в печати (впервые 1 сентября 1921 г.) сообщения о расстреле Н.С.Гумилева как участника контрреволюционной группы заговорщиков. В литературно-кружковых столкновениях 1910-х гг. гилеец Хлебников по отношению к акмеисту Гумилеву занимал нейтрально-«положительную» позицию. На одном из заседаний «Цеха поэтов» в Царском Селе Хлебников читал обращенное к Анне Ахматовой (жене Николая Гумилева) стихотворение «Песнь смущенного» (1913).

Я, моток волшебницы разматывая ~ курчавое чело Подземного быка — известный сюжет греческой мифологии о человекобыке Минотавре, жившем в подземном лабиринте и съедавшем предназначенных в жертву юношей и девушек; убивший чудовище юный Тесей выбрался из лабиринта с помощью нити влюбленной в него царской дочери Ариадны; ср. стихотворение «Признание» (1915).

Как сонный труп влачился по пустыне — мотив стихотворения Пушкина «Пророк».

Сеятель очей — мотив стихотворения Пушкина «Свободы сеятель пустынный...» (где «пустынный» значит «одинокий»). Из прозаической вещи 1916 г. «Ка^2»: «—Хорошо,— подумал я,— теперь я одинокий лицедей, а остальные — зрители. Но будет время, когда я буду единственным зрителем, а вы лицедеями».

«Дикий хорон, дикий хорон...» (С. 256). — Впервые: Vroon, 1983. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Хорон — контаминация: Ховун + Ворон (персонажи пьесы «Снежимочка», 1908).

«Столетие, трупей!..» (С. 257). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Ср. «Словоновшества 1921—1922 гг.» в Записной книжке (1925, с. 14).

«Больше падежей...» (С. 258). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Бел и смел — характеристика «глашатая илийных столетий» (см. далее «Морской берег«, 1922); ассоциативное совпадение с семантикой литературного имени «Андрей Белый» (Андрей греч. — смелый, мужественный; белый — положительный, светлый полюс бытия. Об отношении к Андрею Белому свидетельствует письмо 1912 г. (НП, 1940).

Ср. близкие словотворческие мотивы и темы в крайне неразборчивом наброске, примыкающем к стихотворению:

<...>

Былинне́й, современный ныног! людоломный нынеж.
Чудодей, божествующий крик!
Милодей, божествующий лик!
Жуществующей песни рыдоты!

<...>

Выбы́лим чудо.
Будрецов созовем.
Разъявим сны.
Избудем горе —
Оспу весны.
Осу́тим засутного мир.

А! Багри богов.
Багри осетров божественных рек,
Ты — человек.
Выше охота.
Лучше пещерных острог
Мысли быстрог.

<...>

Из нынги в ныноги уйдут будрецы,
Толпою высоги
Яршевики

<...>

Оспасим подкову вселенной.
Насобесим луга для копыт
Ковром.
<...>
Чугунных глоток хриплы кашли
Черны ре́ки собес.
Плевком свинцовой веры,
Осколком божьего закона
Там ранено вчера.

«В каждом громком слове...» (С. 259). — Впервые: газ. «Волга». Астрахань, 17 сентября 1992. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Воля — в словесном противостоянии («большевик» — «вольшевик») данного текста имеет очевидный политический смысл: ср. в письме сестре Вере весной 1921 г. упоминание книги «Хлеб и Воля» революционера-анархиста кн.Кропоткина П.А. (1842–1921); в этой связи «Голубое знамя безволода», то есть безвластия («Воззвание Председателей Земного Шара», 1917) сопоставимо с выражением из указанного письма сестре: «Знамя Председателей Земного Шара всюду следует за мной...».

«В море мора! в море мора!..» (С. 260). — Впервые: Хлебниковские чтения, 1991. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Написано, по-видимому, одновременно с поэмой «Председатель Чеки» (1921) и восходит к харьковским впечатлениям 1919 года. Об отношении Хлебникова к кровавой повседневности гражданской войны см. в воспоминаниях Д.Петровского (впервые: «Леф», 1923, № 1). В интонационном строе стихотворения ощутимы ритмо-синтаксические элементы «Песни о Буревестнике» М.Горького (см. примеч. к стихотворению «В этот день голубых медведе́й...» (1919) и воспоминание В.В.Хлебниковой об отношении ее брата к знаменитому писателю — Стихи, 1923. С. 60).

Море мора — паронимическое словосочетание из статьи «Второй язык» (1916), где дается звуковая характеристика трагедии Пушкина «Пир во время чумы».

В новый овощ, новый плод — Яблоко глазное! — ср. в поэме «Председатель Чеки» характеристику известного харьковского чекиста С.А.Саенко: «Тот город славился именем Саенки. Про него рассказывали, что он говорил, Что из всех яблок он любит только глазное».

Восстание собак (С. 262). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Ззыз — — — жжа!..» (С. 263). — Впервые: СП, III, 1931 (в примеч. указана надпись Хлебникова на рукописи 1922 г.: «На пользу голодающих 28/II»). Впервые печатаемые по рукописи (РГАЛИ) две редакции 1921 г. см. на с. 472, 473.

Стихотворение относится ко времени окончательного подавления так называемой «антоновщины» (эсеро-крестьянского восстания в Тамбовской губернии, август 1920 — осень 1921), когда регулярными воинскими частями были использованы артиллерия, авиация и отравляющие вещества.

Воздух сладкий, как одиннадцать — по нумерологической трактовке Хлебникова, «в мире числа 11 природа двух и трех равна друг другу, это есть сладкое число» (из подготовленных записей к «Доскам судьбы»; $11 = 3^2 + 2 = 2^3 + 3$).

Стал ядовитым, как двадцать семь — 27 в противоположность «сладкому» числу 11 — «горькое», «ядовитое» и даже «смертельное» в силу своего строения исключительно на основании отрицательной тройки ($27 = 3^3$). См. примеч. к стихотворению «Трата, и труд, и трение...» (1922).

«Из городов, где плоские черви...» (С. 265). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Молот (С. 266). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Возможно, имеет отношение к названному в «Перечне» лета 1920 г. неизвестному тексту «Рождение труда». Мотивы превращения руд и обработки металлов, труда молотобойца см. в стихотворении «Кавэ-кузнец» (1921) и др. Ср. трагедию В.Иванова «Прометей» (1915), где герой представлен молотобойцем: «Греми по наковальне! Заглушай Океанид, мой молот!» (здесь Океаниды — прибрежные морские нимфы). По-видимому, «Молот» предназначался для сверхповести «П<рометей> Р.<аскованный>», замысел которой отмечен на многих страницах тетради рукописей второй половины 1921 г. «Гросбух».

Из горных руд Родитель труд — мотив архаических представлений о рождении живого из неживого, о создании рода человеческого из земли, воды и огня (ср. «Руби до руды, чтобы кровь текла!» — Даль).

Не он и не она, — Оно — многосмысловой постоянный образ у Хлебникова (см. примеч. к стихотворению «Крымское», 1908); здесь

метонимия творчества, искусства, ремесла, того, что создано человеком и что человека создает.

«Завод: ухвата челюсти, громадные, тяжелые...» (С. 269). — Впервые: НП, 1940. В СП, III, 1931 — укороченный вариант «Опять чугунный кипяток...». Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Стихотворение указывает на интерес Хлебникова к темам и мотивам поэтов Пролеткульта, в частности Алексея Гастева («Мы растем из железа»), о котором он писал в Харькове: «Это обломок рабочего пожара, взятого в его чистой сущности, это не «ты» и не «он», а твердое «я» пожара рабочей свободы, это заводской гудок, протягивающий руку из пламени, чтобы снять венок с головы усталого Пушкина — чугунные листья, расплавленные в огненной реке» («О современной поэзии», 1919).

Мнями (от «мня») обл. — обжора, здесь равнозначно — челюстями.

«Ты не куй меня, мати, К каменной палате!» — перифраз молитвословия из православного канона Великой Субботы: «Не рыдай мене, Мати, зряще во гробе».

«В этот день, когда вянет осеннее...» (С. 270). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Взаимопроникновением художественных аллюзий и метафор звездного неба передается календарно-пространственное восприятие мира.

Возникала из моря свобода <и далее> — ср. картину С.Боттичелли «Рождение Венеры» (1485), косвенно — планета Венера; следует иметь в виду и греческий миф о рождении Афродиты из крови оскопленного Кроном Урана, которая попала в море.

Небес бугай — Уран, бог неба, изображавшийся в виде быка.

Вол — оскопленный бык.

«Кольца, незурные кольца...» (С. 271). — Впервые: Литературное обозрение, 1988. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Ночной тишак...» (С. 272). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Тэ — «отрицательный путь движения, вызванный тенью неподвижной точки» («Словарь звездного языка» к поэме «Царапина по небу», 1920).

«Судьба закрыла сон с зевком...» (С. 273). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Вариант в Литературном обозрении, 1988.

Развитие хлебниковской темы соотношения Земли и Вселенной: ср. стихотворение «Желанье — смеяние прыщавою стать...» (1908), а также реплику из сб. «Затычка» (1913): «Земля — прыщ где-то на щеке у Вселенной?! — не верю!».

Зём — ср. чернозем (общеслав. «зем» — земля).

Козерог — созвездие зодиака, покровительствуемое богом-благодетелем Гором, который вечно борется с богом Сетом — олицетворением зла.

«Еда...» (С. 274). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«А я пойду к тебе, в Тибет...» (С. 275). — Впервые: Хлебниковские чтения, 1991. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Тибет — место жизни и проповеди реформатора буддизма Дзонкавы (XV в.), упомянутого в поэме «Ладомир» (1920), в «Досках судьбы» (1922).

«Это год, когда к нам в человечество...» (С. 276). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Ср. в юношеской декларации «Пусть на могильной плите прочтут...» (1904): «Так, он полагал, что благу человеческого рода соответствует введение в людском обиходе чего-то подобного установлению рабочих пчел в пчелином улье, и не раз высказывал, что видит в идее рабочей пчелы идеал свой лично».

<Голод> («Почему лоси и зайцы по лесу скачут...») (С. 277). — Впервые: «Красная новь», 1927, № 8, с датой «7 октября 1921 года», под названием «Почему?» (публикатор Д.Козлов). Печатается по рукописи (РГАЛИ). Сокращенный вариант поэмы «Голод» (1921). Написано в связи с официально объявленной «Неделей помощи голодающим Поволжья». В тексте ощутимы детские впечатления Хлебникова от поэмы Лонгфелло «Песня о Гайавате», эпизод «Голод» (пер. Д.Михайловского):

Нет следов оленя, зайца, птицы.
Плач детей и стоны женщин.
Голодал окрестный воздух,
Голодало даже небо,
Голодали в небе звезды.

См. «Английские поэты в биографиях и образцах. Составил Н.В.Гербель» (СПб., 1875. С. 428).

«Алые горы алого мяса...» (С. 279). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи весны 1922 г. (РГАЛИ). На с. 474 см. первоначальный вариант «Три обеда» (впервые: СП, III, 1931), печатаемый по рукописи осени 1921 г. (РГАЛИ).

Галах — эмоциональное переосмысление образа бунтующего социального низа (ср. на с. 525).

Голод («Вы! поставившие ваше брюхо на пару толстых свай...»). (С. 280). — Впервые: однодн. газ. «Терек — Поволжью». Пятигорск, 16 октября 1921, под названием «Несите, кричите, трубите!». Перепечатка в журн. «Красная новь» (см. выше) озаглавлена «Трубите, кричите, несите!». Печатается по рукописи конца 1921 — начала 1922 г. (собрание Вс.Вяч.Иванова) с пометой «ТерРОСТА 1921». Конъектура последней строки устраняет механическое повторение глагола «кричите» в рукописи.

Здесь использована интонационно-речевая стилистика таких стихотворений Маяковского, как «Нате!» (1913), «Вам!» (1915). Таким образом и мотив «трубы» осознается в свете определения поэзии Маяковского как «трубного гласа» (см. одноименное название статьи Б.Эйхенбаума в журн. «Книжный угол». Пг., 1918, № 1); но ср. «Труба марсиан» (1916).

«Мать приползла с ребенком на груди...» (С.281). — Впервые: СП, V, 1933; печатается по рукописи (РГАЛИ).

Водолей — см. примеч. к стихотворению «Слова пороли королей» (1921). «Кружение» ночного Водолея связано с идеографией созвездия: огненные струи, льющиеся из двух сосудов, символизируют испытание и ободрение.

«Голод! Голод! Голод!..» (С. 282). — Впервые: Vroon, 1989. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Это мировая утроба <...> требует мировой совести — ср. в дневниковых записях Хлебникова 1922 г.: «Мировая революция требует мировой совести».

Соедините эти <кличи> — по соглашению между правительством РСФСР и ARA (American Relief Administration), заключенному в конце лета 1921 г. в Риге, в помощь голодающим Поволжья стало поступать перевозимое пароходами американское зерно; разрабатывался план засева больших площадей пахотной земли с помощью авиации. Деятельность ARA была запрещена в России в июне 1923 г.

«Н а р о д о т ч а я л с я. З а п л а к а л а д у ш а...» (С. 283). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по датированной рукописи весны 1922 г. (РГАЛИ). На с. 477 см. первоначальную редакцию (впервые: СП, III, 1931), печатаемую по рукописи (РГАЛИ) с последовательной записью двух текстов: «Я вышел юношей один...» (см. ниже) и «Народ отчаялся. Заплакала душа...».

Батые — от Батый, хан Золотой Орды; здесь сравнительная степень по типу прилагательных «страшнее», «мрачнее» (ср. в стихотворении Н.Асеева «Звенчаль» (1915), форму «соловее» от «соловей»); такова же стилистическая роль глаголов, образованных от собственных имен в стихотворении «Усадьба ночью, чингисхань!..» (1915).

«Я в ы ш е л ю н о ш е й о д и н...» (С. 284). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ), имеющей характер рабочего черновика; к тексту примыкает неочевидное по своей композиционной принадлежности двустишие:

Ах, что на Рейне [Западе] делали умы,
Было на Волге дыханье [ковами] чумы.

На том же листе, ниже, записана первая редакция стихотворения «Народ отчаялся. Заплакала душа...» (см. выше), что указывает на возможно предполагавшийся, но не реализованный замысел объединения двух стихотворений в новое смысловое единство через двустишие с противопоставлением «Рейн — Волга». В первой публикации «Я вышел юношей один...» на две строчки больше: «Иди, варяг суровый! Неси закон и честь». В Творениях (1986) эта концовка выглядит так: «Иди, варяг суровый Нансен, Неси закон и честь». Слова о варяге Нансене на листе черновой рукописи записаны сбоку и отдельно как опережающая мысль, оставшаяся, очевидно, за пределами текста. «Варяг суровый Нансен», возможно, связан с образом стихотворения И.Коневского (И.Ореус): «Я, из-за моря, хмурый варяг« (см. «Мечты и думы». СПб., 1900. С. 57).

«Н а н с е н! Т ы о т к р ы л м а т е р и к...» (С. 285). — Впервые: Vroon, 1989. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Нансен Фритьоф (1861–1930) — норвежский исследователь Арктики и северного побережья евразийского континента; как общественный деятель известен организацией международной помощи голодающим Поволжья в 1921–1922 гг. Одному из первых ему был отправлен «Вестник Велимира Хлебникова» № 1 (1922). «Велимир подписал: «Председателю Земного Шара Фритьхофу Нансену от русских председателей Велимира Хлебникова и Петра Митурича»

<...> У Велимира оказалось много адресов. «Вестник» понесся во все стороны земли и, может быть, даже достиг дальних стран. Но ни одного отклика мы не получили» (Митурич П.В. Записки сурового реалиста эпохи авангарда. М., 1997. С. 53).

Новая Земля — острова между Баренцовым и Карским морями Северного Ледовитого океана; здесь в метафорическом смысле.

Самоед(ы) — устаревшее название палеоарктических народов, от «самэ-еднэ» (земля саамов); распространялось на ненцев и др. народности русского севера. Хлебников актуализирует буквальный, народно-этимологический смысл слова, имея в виду случаи людоедства в голодном Поволжье.

«Он с белым медведем бороться...» (С. 286). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Текст записан в «Гросбухе» над стихотворением «Вождь» (см. примеч. к стихотворению «Капает с весел сияющий дождь...», 1918), связывая их в новое смысловое единство, что сообщает стихотворению 1918 г. иную содержательную направленность. «Мореходец косматый» — очевидный портрет Ф.Нансена (см. предыдущее стихотворение). В дореволюционной прессе Кольский полуостров и побережье Белого моря называли «русской Норвегией». В структурно-географическом фрагменте диалога «Учитель и ученик» (1912) Хлебников включил Христианию (Осло) в разработанную им схему возникновения славянских столиц, заключая свою мысль так: «...болгары, чехи, норвежцы, поляки жили и возникали, следуя разумному чертежу двух равносторонних косоугольных клеток с одной общей стороной. И в основе их существования, их жизни, их государств лежит все же стройный чертеж». Таким образом Норвегия (страна варягов-«русов») включена им сначала в славянский мир, а в этом стихотворении в своеобразный евразийский «союз».

«Вши тупо молилися мне...» (С. 287). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Сделал я свайную хату — «хата» входит в «20 имен построек, начатых с Х, защищающих точку человека от враждебной точки непогоды, холода или врагов <...> хата и по-египетски хата» (статья «Художники мира!», 1919). Историческая лингвистика прослеживает от скифо-сарматской культуры понятие «Khata» как укрытие, защита, жилище. В поэтической семантике Хлебникова — образ одомашненного, упорядоченного хаоса; ср. стихотворение «Звездная свайная хата» (1920).

«Швеи проворная иголка...» (С. 288). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Ср. в нумерологических заметках «Разговор...» (Временник 2, 1917): «Судьба работает тонко и точно, как швейный прибор. Ее узоры особенно красивы в законе рождения подобных смертных людей — подобников. Вот узоры ее иглы <...>» (приводятся исторические примеры); ср. также стихотворение «Если я обращу человечество в часы...» (1922).

Свободополк — ср.: Волеполк (с. 557) и исходное имя — Святополк (с. 528).

«Баграми моров буду разбирать старое строение народов...» (С. 289). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

То надевающее перстнем ваше это солнце — ср. стихотворение «Ты же, чей разум стекал...» (1917) и примеч.

Дерево («Вам срамно, дерево, расти с земли?») (С. 290). — Впервые: НП, 1940, где в комментариях указан незаконченный вариант под тем же названием:

Стыди<шься>, дерево, земли,
Как сын, купивший сапоги,
Срамится нищей своей матери.
[Как человек не от мира сего,
Уходишь в высоту
И убегаешь праха]

Это и следующее — под таким же названием — стихотворения были вписаны в одну тетрадь с поэмой «Шествие осеней Пятигорска» и относятся к началу ноября 1921 г.

Дерево («Над алыми глазками малин...») (С. 291). — Впервые: НП, 1940 (см. примеч. к предыдущему стихотворению).

Белокурый скот — аналогично «белокурой бестии» (Ф.Ницше).

Галах — см. на с. 525.

«Воздух расколот на черные ветки...» (С. 293). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по датированной рукописи (РГАЛИ).

«В тот год, когда девушки...» (С. 294). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ) с припиской к дате: «5 гор» (см. с. 558).

Нарзан — здесь источник минеральной воды; как служащий местного отделения РОСТА (ночной сторож) Хлебников проходил курс лечения в одном из санаториев Пятигорска.

«Девушки, те, что шагают...» (С. 295). — Впервые: СП, V 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ). На с. 474 см. впервые печатаемый вариант (в «Гросбухе» четыре текста на эту тему); как фрагмент монолога героя один вариант вошел в сверхповесть «Зангези», плоскость XIV (1922); см. также в Литературном обозрении, 1988.

Ср. в «Мертвых душах» Гоголя описание дворовой помещицы Коробочки — девочки Пелагеи «с босыми ногами, которые издали можно было принять за сапоги, так они были облеплены грязью».

Красоте девушек (С. 296). — Впервые: Литературное обозрение, 1988. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Жестоки старые тряпки волос...» (С. 297). — Впервые: Литературное обозрение, 1988. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Перед текстом отдельная запись: «За божницею жемчужного пота вижу образ труда, глаза голубые».

«На родине красивой смерти — Машуке...» (С. 298). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Машук — гора в черте Пятигорска, у подножия которой был убит на дуэли М.Ю.Лермонтов. Летом 1921 г. отмечалось 80-летие его смерти; к очередной годовщине рождения поэта (в октябре 1921 г.) мартиролог русской поэзии пополнился именами А.А.Блока и Н.С.Гумилева. Коллективный портрет «писателя России», не защищенного перед меняющейся личиной убийцы, — проблемный смысл этого текста. Ср. в письме В.Каменскому (1909) в связи с литературным скандалом вокруг А.М.Ремизова: «Мы должны выступить защитниками чести русского писателя, этого храма, взятого на откуп — как гайдамаки — с оружием в руках и кровию».

Железный стих, облитый горечью и злостью — две неполные строки концовки стихотворения Лермонтова «Как часто пестрою толпою окружен...».

И доныне во время бури Горец говорит: «То Лермонтова глаза» — перифраз поэмы Лермонтова «Демон», часть II, строфа V:

«...и в ночном молчанье Ее тяжелое рыданье Тревожит путника вниманье; И мыслит он: «То горный дух Прикованный в пещере стонет!».

«Сегодня Машук, как борзая...» (С. 300). — Впервые: «Маковец», 1922. Печатается по датированной рукописи весны 1922 г. (РГАЛИ), которая соответствует перепечатке в Стихах, 1923. Разночтения в «Маковце»: 1) «Их души жестоки, как грабли»; 2) «Их жизнь жестока, как выстрел. Счет денег их мысли убыстрил».

«Перед закатом в Кисловодск...» (С. 301). — Впервые: НП, 1940. Печатается по датированной рукописи с припиской: «5 гор» (РГАЛИ). Посвящено Калерии Арсеньевне Виноградовой, бабка которой, по преданию, была сестрой математика Н.И.Лобачевского (1792—1856), создателя неэвклидовой геометрии. Ср. упоминания Лобачевского в стихотворении «Я верю...» (1920) и во многих др. текстах Хлебникова, которого Ю.Н.Тынянов назвал «Лобачевским слова». В гостях у Виноградовых, живших в Кисловодске (30 км от Пятигорска), Хлебников пил вино из серебряной рюмки-бочонка; в доме была также копилка в форме собачки.

«Облако с облаком...» (С. 302). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Вливы — впадения, устья.

Босики — обувь типа босоножек.

Верхарн Эмиль — бельгийский поэт, см. с. 517; в ноябре 1921 г. исполнилось пять лет со дня его гибели под колесами поезда.

Есень устар.— осень.

«На стенку вскочила цыганка...» (С. 303). — Впервые: Литературное обозрение, 1988. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Вариант: Vroon, 1989. В СП, III, 1931; под условным названием «Кусок» напечатан значительно больший по объему текст — первоначальный необработанный черновик.

Творческим импульсом для Хлебникова послужило, возможно, описание мексиканской корриды в «Путевых письмах» К.Бальмонта (сб. «Змеиные цветы». М., 1910) или соответствующая по теме живопись, например «Коррида» Петра Кончаловского. Ср. образные мотивы статьи «!Будетлянский» (1914): «О, арагонский бык! В 1914 году мы вызвали на песок быка прекрасной масти, в 1915 — он задрожит коленями, падая на тот же песок». В стихотворном тексте 1921 г. бык побеждает благородного коня. В рукописи «Кусок» за стихом «Конь упал, головою незрячей мерно кивал» следует важное сравнение, опущенное в СП, III: «Как последняя Романова, сидя в коляске».

Калуга — растение желтоголовник.

Царские кудри — растение красная лилия.

«Пусть пахарь, покидая борону...» (С. 305). — Впервые: НП, 1940. На с. 479 см. первоначальный вариант (впервые: СП, III, 1931).

Плач царицы — то есть Гекубы, матери Гектора, убитого Ахиллом («Илиада» Гомера).

Вот эта пыль — Москва, быть может — идея закономерности возникновения национальных столиц изложена в диалоге «Учитель и ученик. О словах, городах и народах» (1912): «Не дикая быль, а силы земли построили эти города <...>». В следующем стихотворении продолжается эта тема.

«Просьба великих столиц...» (С. 306). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ) как самостоятельный текст. Вариант вошел в сверхповесть «Зангези», плоскость XIX (1922).

Пыль рода людей Собрали в столицы — ср. в «Предложениях» (1916): «Рассматривать землю как звучащую пластину, а столицы — как собравшуюся в узлах стоячих волн пыль (это хорошо знают Англия и Япония)».

«Старый скрипач...» (С. 307). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). В «Предложениях» (1916): «Основать общество скрипачей на земном шаре. Гордый союз скрипземшаров». Ср. мотив космической скрипки в поэме «Ладомир» (1920).

Дождь (С. 308). — Печатается впервые как самостоятельный текст по рукописи (РГАЛИ). В переработанном и сокращенном виде стихотворение вошло в сверхповесть «Зангези», плоскость XIX (1922). В «Гросбухе» есть еще один вариант, без названия (вторая строка — «желтый игрень», шестнадцатая — «в дол погонь»).

Иверни — клейма на ушах лошадей. Ср. название сб. М.Волошина «Иверни. Избранные стихотворения». М., 1918.

Игрень — рыжий конь со светлыми гривой и хвостом.

Кучери — кудри.

Ходы, ходы — команда коню (иноходь).

Это Погода или Подага — по Н.М.Карамзину, сербское «Погода» и западно-славянское «Подага» — названия божества ясных, солнечных дней (см. «История государства Российского», т. I, гл. III). См. имя Подага в прозаической мистерии «Скуфья скифа» (1916).

«В щеки и очи...» (С. 309). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Как пуговицу штанов — ср. у Маяковского: «Сегодня до последней пуговицы в одежде жизнь переделаем снова» («Революция. Поэтохроника», 1917).

«Кобылица свободы. Дикий бег напролом...» (С. 311). — Впервые: Литературное обозрение, 1988. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Без последних восьми строк и с некоторыми изменениями текст вошел в сверхповесть «Зангези», плоскость XVIII (1922).

Красный день Гапона — 9 января 1905 г., «кровавое воскресенье»: мирное шествие рабочих к Зимнему дворцу было расстреляно казаками; шествием руководил священник Г.А.Гапон (1870–1906).

«Я вспомнил года, когда...» (С. 312). — Впервые: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Укороченный вариант под названием «1905 год» (без первых двух и последних четырех строк, в 23-й строке: «Знаменем алым свободы») был помещен в декабре 1921 г. в стенгазете «Кавказская коммуна» (ТерРОСТА, Пятигорск). Варианты последних четырех строк см. выше в стихотворениях «В щеки и очи...» и «Кобылица свободы...». Ср. в поэме «Горячее поле» (1921) раздел 29.

Приводим стиховой фрагмент, очевидно, связанный с работой Хлебникова над темой революции 1905 г. (впервые: День поэзии, 1975):

Победа? Свобода?
Обида. Оттуда,
С крыши дворцовой,
С высоких дворцов,
Где ветер свинцовый
Бил беглецов...
Мы гологруды, мы босяки.
Царь православный, бей и секи!

Обедня Чайковского — литургия св.Иоанна Златоуста, opus 41 П.И.Чайковского.

Шереметев А.Д. — композитор и дирижер, руководил Придворно-певческой капеллой в Зимнем дворце.

«Могила царей...» (С. 314). — Впервые: Литературное обозрение, 1988. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Члены царской семьи Романовых были убиты летом 1918 г. в уральских городах Перми и Екатеринбурге.

Эль этих лет — ср. стихотворение «На лыжу времени...» (1920).

Царское Село (С. 315). — Впервые: СП, V, 1933.

На севере (С. 316). — Впервые: СП, V, 1933.

Ср. в Записной книжке (1925, с. 7) недатированную реплику: «Я русский, стало быть мой Север мира. Значит я повелитель ста народов», соотносимую с политическим мотивом стихотворения Пушкина «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (1824): «Давно ли ветхая Европа свирепела? <...> И самовластие лишь север укрывал».

В Неве Рим — Третий! Не верим — переосмысление известной историософской концепции «Москва — Третий Рим» через отрицание (подобно славянофилам и К.Н.Леонтьеву) петербургско-императорского периода истории России. Ср. в прозаическом фрагменте «Юноша Я — Мир» (1907): «Старый Рим, как муж, наклонился над смутной женственностью Севера <...> Разве я виноват, что во мне костяк римлянина?».

Сивер — северный ветер.

«Русь, ты вся поцелуй на морозе!..» (С. 317). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Первая строка восходит к стихотворению Пушкина «Зима. Что делать нам в деревне?..» (1829): «Как жарко поцелуй пылает на морозе».

Дорози — дороги.

Чорно — по рукописи («Гросбух»); ср. «Я хочу слово черный писать через о» («Бегство от себя», вариант, 1915).

«Русь, зеленая в месяце Ай!..» (С. 318). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ). На с. 480 см. другую редакцию — «Русь, певучая в месяце Ай...» (впервые: НП, 1940, печатается по рукописи РГАЛИ). В «Гросбухе» еще одна незавершенная редакция.

В этом стихотворении Хлебников обращается к своему юношескому замыслу «славянского календаря», идущему от книг А.Н.Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (Т. 3, гл. XXVII «Народные праздники. Олицетворение четырех времен года и двенадцати месяцев»; М., 1869) и И.П.Сахарова «Сказания русского народа. Народный дневник» (СПб., 1885).

Месяц Ай — см. с. 513.

Горихвостка — см. с. 560.

Панская свирель — см. с. 513.

Месяц Ау, голодай — см. с. 514.

Ляпун обл. — мотылек.

Сосновая мать — ср. в стихотворении 1916 г.: «Где ищет белых мотыльков Сосны узорное бревно...».

Струбай — см. с. 560.

Печери́ца обл. — шампиньон.

Сенозорник, грозник, страдник — июль.

Дорога Батыя — см. с. 558.

Серпень — август.

Осенины — сентябрь.

Хоронят бога мух — игровой осенний обряд «похорон» в день Семена-летопроводца.

Реун, зарев — октябрь.

Зазимье, свадебник — ноябрь, вообще поздняя осень.

Братчины — осенние застолья в складчину.

Зимник — декабрь.

К другой редакции:

Лутошко — то же, что лукошко («Была липка, а стала лутоха» — Даль).

Просинец — январь.

Бокогрей — февраль.

Пролетье, свистун — март, прилет птиц, весенние ветры.

Цветень, заиграй-овраги — апрель.

Водка бога — дождь; ср. стихотворение «Весеннего Корана...» (1919).

Мои походы (С. 321). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи весны 1922 г. (РГАЛИ). В редакции 1921 г. — одиннадцать строк (разночтения: 1-я строка — «войной одетый», 6-я строка — «где тихнет южный вырей», 7-я строка — «за тенью Веры», 10-я строка — «тщетные промеры», 11-я строка — «плеском кистеня»).

Ермак — покоритель Сибири, один из русских «землепроходцев» XVI в.; постоянный герой хлебниковских историко-числовых текстов.

Вырей — см. примеч. к стихотворению «Крымское» (1908).

Замок А — нечто первоначальное и основополагающее, тайну чего — «закон» — можно решить, по слову Хлебникова, «осадой».

Промеры — здесь характерное для Хлебникова противопоставление рассудочной меры, счета сердечной вере; омонимическая пара «вера — Вера» сообщает стихотворению собственно лирический (лично-

стный) подтекст памяти о конкретном, близком человеке: в редакции 1921 г. «Вера» дважды начато прописной буквой.

Сибирь (С. 322). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

1793 — событийный пик Французской революции (ср. В.Гюго «Девяносто третий год»).

Саян (С. 323). — Впервые: «Звезда», 1928, № 8. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Саян — обобщенно-мифологизированный топос: материковый узел древнейших пересечений этносов и культур; образ всех рек, берущих начало с Западного и Восточного Саяна. См. упоминание топоса в поэме «Синие оковы» (1922): «Стояла надписью Саяна В хребтах воздушной синевы».

Одинец — одинокая скала, выступающая над водой.

Руны др.-герм. (runa — тайна) — древнейшие германские письмена; здесь имеются в виду сибирские (например, орхоно-енисейские) наскальные надписи и изобразительные мотивы (животные, охотники, символические орнаменты). См.: Радлов В.В. Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. СПб., 1896–1902.

Клинопад — неологизм по типу «клинопись» (древнейший способ письма в вавилоно-ассирийской культуре).

Убогий образ на березе — возможна связь с изображением иконы на дереве в картине М.В.Нестерова «Видение отроку Варфоломею» (1890 г., тема: отрочество Сергия Радонежского). См. очерк Хлебникова «Открытие художественной галереи» (1918) с описанием этой картины. Не исключена и архаизирующая параллель к биографическому мотиву, очень важному для всего хлебниковского творчества: «Законы времени, обещание найти которые было написано мной на березе» («Свояси», 1919).

Праотец (С. 326). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Возможно, стихотворная реплика на какой-то изобразительный образ, как, например, стихотворение «Воин морщинистолобый...» (1917) в соотношении с рис. П.Филонова.

«Сто десять тысяч тюленей грустят...» (С. 327). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Ср. описание промыслов на морских зверей в этнографической книге С.В.Максимова «Год на севере» (1859).

Бурлюк (С. 330). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Бурлюк Давид Давидович (1882–1967) — художник, поэт, «отец российского футуризма» (по самоопределению), издатель Хлебникова.

Улицы Мюнхена долго смущал — в 1902 г. Д.Бурлюк учился живописи в столице Баварии, в школе художника А.Ашбэ, который называл своего русского ученика «прекрасной дикой степной лошадью» (см.: Бурлюк Д.Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. СПб., 1994. С. 15).

И твой живот <...> черноземов могучих России — ср. в повести А.Куприна «Яма», часть вторая, гл. II: «...помещик ржал, колыхая черноземным животом».

Одноглазый художник — ср. образ Бурлюка в поэме Маяковского «Облако в штанах» (часть 3, 1915).

Братья и сестры, сильные хохотом, все великаны — братья и сестры Д.Д.Бурлюка: Владимир, Николай, Людмила, Надежда, Марианна — занимались искусством и были связаны с футуристическим движением.

«Бурлюк и подлый нож В грудь бедного искусства» — в 1913 г. многие газеты обвиняли футуристов в том, что они спровоцировали душевнобольного Балашова на акт вандализма по отношению к полотну И.Е.Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Из декларации «Труба марсиан» (1916): «Прочь костлявые руки вчера, перед ударом Балашова пусть будут искромсаны ужасные зрачки. Это — новый удар в глаза грубо пространственного люда».

В них блестели кусочки зеркал и железа — имеется в виду новое качество фактуры футуристических картин. Из статьи Р.Якобсона «Футуризм»: «Так осознанная фактура уже не ищет себе никакого оправдания, становится автономной, требует себе новых методов оформления нового материала; на картину наклеиваются куски бумаги, сыплется песок. Наконец, идут в ход картон, дерево, жесть и т.п.» (газ. «Искусство». М., 1919, № 7). Позднее Р.О.Якобсон вспоминал свои беседы с Хлебниковым о современной живописи в 1919 г. (см.: Янгфельдт Б. Якобсон — будетлянин. Stockholm, 1992. С. 44).

Стебель днепровского устья — в нижнем течении Днепра (современная Херсонская обл. Украины) находилось огромное скотоводческое хозяйство графа Мордвинова, которым управлял отец Д.Бурлюка; см.: Б.Лившиц. Полутораглазый стрелец (глава «Гилея», 1933), а также примеч. к стихотворению «Где прободают тополя́ жесть...» (1912).

И хате подавал надежду — имеется в виду в широком смысле культурно-просветительская деятельность Бурлюков среди крестьян близлежащих селений.

Крученых (С. 333). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ), где после текста приписка карандашом: «Опасен». В третьей строке с конца слово «выпады» по характеру написания может быть прочитано и как «выгоды». Ср. со стихотворными обращениями «Алеше Крученых» (Баку, 1920) и «Крученых!» (Москва, 1922).

Крученых — см. с. 519; см. книгу А.Е.Крученых «Наш выход. К истории русского футуризма» (М., 1996).

Лондонский маленький призрак — возможно, Крученых напоминал Хлебникову какие-то персонажи английской литературы, отсюда — «лицо энглиза» (ср. стихотворение «От Каира до Калькутты...», 1920).

Бледного жителя серых камней Прилепил к сибирскому зову на «ченых» — подчеркнута странность сибирской фамилии для человека, родившегося на Украине; Д.Петровский, украинец по происхождению, называл хлебниковского приятеля по-своему — Крученый; предположительно (см. Творения, 1986. С. 675) жителем серых камней Хлебников назвал птицу «крученок», или обыкновенную каменку, размером с воробья, часто гнездящуюся в норах грызунов.

...крепостного Счетоводных книг — то есть внутренне чуждого историко-математическим идеям Хлебникова, но сотрудничавшего с ним по случаю. Ср. стихотворение «Я веду счетоводные книги» в «Досках судьбы» (Лист 2, 1922).

Юркий издатель позорящих писем — см., например, эпатирующее название статьи Крученых «Азеф — Иуда — Хлебников» в книге «Миллиорк» (Тифлис, 1919).

Как я увидел войну? (С. 334). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Сокращенный вариант вошел в сверхповесть «Зангези», плоскость XVI (1922). Написано в санитарном поезде, которым Хлебников почти месяц добирался из Пятигорска в Москву. Незадолго до смерти на обложке последнего рабочего блокнота Хлебников отметил основные вехи «своих походов» за три года — 1919—1921: «Дорога чада милого: Астрахань / Москва / Харьков / Ростов / Баку / Персия / Пятигорск / Поезд / Москва».

Тернополь — город в Западной Украине, где после прорыва немцами фронта летом 1917 г. началось массовое дезертирство из русской армии.

«На глухом полустанке...» (С. 336). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по датированной рукописи (РГАЛИ).

Хапры — железнодорожная станция недалеко от Ростова-на-Дону.

Ветер, ветер — реминисценция поэмы А.Блока «Двенадцать»: «Ветер, ветер — на всем белом свете».

«Москва, ты кто?..» (С. 337). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по датированной рукописи (РГАЛИ).

Ср. рассуждения М.Горького в очерке «Владимир Ильич Ленин» (журн. «Коммунистический Интернационал». М., 1920, № 12, с. 1929): «...для Ленина Россия — только материал опыта, начатого в размерах всемирных, планетарных <...> если Россия обречена служить объектом опыта, то несправедливо возлагать ответственность за это на человека, который стремится превратить потенциальную энергию русской трудовой массы в энергию кинетическую, актуальную».

Москва будущего (С. 338). — Впервые: СП, III, 1931. Сокращенный вариант отличается названием — «Пта!» (РГАЛИ). Ср. стихотворение «Город будущего» (1920).

В когтях трескучих плоскостей — можно истолковать как прообраз воздушных тягачей, транспортирующих частные жилища из одной домовой конструкции в другую; идея «дома-тополя» с ячейками для «стеклянных кают» («горниц») представлена в статье «Мы и дома» (1915).

Он подымался над Окой — реминисценция из романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?» («Четвертый сон Веры Павловны», фрагмент 8): героиня видит во сне здание необыкновенной архитектуры — «Оно стоит среди нив и лугов, садов и рощ <...> — Неужели это наша земля? Я слышала нашу песню, они говорят по-русски. — Да, ты видишь невдалеке реку — это Ока».

Пта — в египетской мифологии бог, покровительствующий ремеслам и искусствам; «божественный дух египтян» (Е.П.Блаватская).

Кто? (С. 340). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Словесный портрет Маяковского-полемиста; ср. название текста Маяковского «Кто?» для Окон РОСТА (1920, № 173).

«Трижды Вэ, трижды Эм!..» (С. 341). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Имя Владимира Владимировича Маяковского (1893—1930) определяется здесь понятиями «звездного языка»: *Вэ* — «круговое дви-

жение» и *Эм* — «распыление объема на бесконечно малые части» при двух отрицательных «тройках» (см. примеч. к стихотворениям «Рим, неси на челе...», 1921, и «Трата, и труд, и трение...», 1922). Ср. в стихотворении «Жиронды враг...» (1921): «Три Жэ. Два Эн».

Цуг нем. (Даль) — особая запряжка лошадей парами (часто в цирковых представлениях); отсюда образ «возницы»-дрессировщика можно ассоциировать с картиной «величайшего театра» из поэмы «Война и мир»: «Это я / Маяковский / Владимир / пьяным глазом обволакивал цирк».

Признание. Корявый слог (С. 342). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Рософесорэ — РСФСР.

Хам! — Ха + М (Хлебников и Маяковский); в связи со знаменитой статьей крупнейшего русского символиста Д.С.Мережковского (1866–1941) «Грядущий хам» (1905).

Ян Собеский — польский король, разбивший турецкую армию под Веной в 1683 г.; для Хлебникова имя значимое в общеславянском синодике.

И не Хам, а Сам — напоминание доклада Маяковского 1913 г. «Пришедший сам» с полемической перифразировкой указанного выше текста Мережковского; главный тезис доклада Маяковского: «Слово — самоцель поэзии (рождение и развитие поэтического произведения обусловливается внутренней жизнью самого слова)» — см.: Маяковский В. ПСС. М., 1955. Т. 1. С. 365.

Оривая речь (С. 343). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Гротескная стилизация «ора» как еще одного языка внебытового высказывания инициирована ораторско-героическим пафосом Маяковского, в частности поэмы «150 000 000» (1921) с ее изначальным настроем на былинный эпос. Следует иметь в виду и др.-рус. значение глагола «орать» — пахать. Ср. псевдоним Д.Бурлюка «Орасов».

«Оснегурить тебя...» (С. 346). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Приятно видеть...» (С. 347). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Закон всемирного тяготения — см. на с. 524 примеч. к стихотворению «Помимо закона тяготения...» (1920).

«Есть запах цветов медуницы...» (С. 348). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ). На с. 482 см. другую редакцию (впервые: Vroon, 1989).

Корень из нет-единицы — мнимое число (математический термин); ключевой образ поэтики Хлебникова: воображение и воображаемое. См. примеч. к стихотворению «Числа» (1912).

Кол — по мнению А.Т.Никитаева, перпендикуляр к оси времени, то есть знак вечности. Ср. суммарное название ряда прогностических текстов — «Кол из будущего» (1921).

«Дорога к людей уравнению...» (С. 349). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

С Богом в железку (С. 350). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Железка — карточная игра.

«— На чем сидишь, русалочка?..» (С. 351). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Из будущего (С. 352). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Это парус рекача...» (С. 353). — Впервые: СП, III, 1931. Словотворческая вещь, тематически параллельная поэме «Уструг Разина» (1921—1922).

Морской берег (С. 356). — Впервые: НХ, XIX, 1930. Сохранившаяся в архиве Г.А.Санникова машинопись «Морской берег« (см. примеч. к стихотворению «Верую» пели пушки и площади...», 1920) сопровождается следующими замечаниями сотрудников журнала «Красная новь» (1927): «Хорошо бы эти стихи напечатать в «Красной нови». Это более чем талантливо. Прекрасное украшение для «Красной нови». Г.Санников»; «Прекраснейшие стихи! За печатание. Вс.Иванов»; «Против печатания. Ф.Раскольников».

Два предварительных варианта — «Затишье на море» и «На море»,— датированные: *22/I.22* (впервые: Vroon, 1975), печатаются на с. 483, 486 по рукописи (РГАЛИ). Сугубо черновой характер автографов затрудняет адекватность их печатного воспроизведения, но они важны как связующая нить от «Морского берега» к двум следующим стихотворениям («Обед» и «В столицах, где Волга воль...»), в которых образ нэповской России обострен темой Разина.

Обед (С. 358). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«В столицах, где Волга воль...» (С. 359). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Пуха — ситуати́вная словоформа от «пух», ср. «пуша»-мелочь, шерстяная труха (Даль). Ср. сопоставление «пух» и «железо» в стихотворении «Я призываю вас шашкой...» (1922).

На́рочь обл. — нарочитый умысел, обман (Даль).

«Хороший работник часов...» (С. 362). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ) как самостоятельный текст. Вариант вошел в сверхповесть «Зангези», плоскость XIX (1922). Образное начало стихотворения связано с представлением Ньютона о Боге как механике Вселенной. Ср. в «Досках судьбы» (Лист 2) название раздела: «Починка мозгов».

«Если я обращу человечество в часы...» (С. 363). — Впервые: «Вестник Велимира Хлебникова. № 1» (1922) и «Доски судьбы» (1922). Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Ижица — буква в церковной азбуке, употреблялась в словах греческого происхождения.

Почечуй устар. — геморрой.

Девушка с бородой — связано с религиозной архаикой «бородатых Венер» (см.: Розанов В. Люди лунного света. 1911) — суровых и мрачных служительницах культа кровавого Молоха.

Бесповеликая — от глагола повелевать.

Повилика — растение плющ.

Застрелившийся кто-то — преодоленный числовыми «законами времени» Рок; датировка предисловия к «Доскам судьбы» обозначена как «день мертвеца у соседей (час выноса)».

Приводим по рукописи (РГАЛИ) первый набросок этого стихотворения, дважды печатавшийся (Стихи, 1923; СП, V, 1933) как самостоятельный текст:

Крыса

Если я буду носить
Наше это человечество часами ремня
Спокойно, лениво,
Искру какого кремня
Высечет речи огниво?
Если [вечер] [сало]

Замысел Хлебникова может быть реконструирован в сопоставлении с opus 2 Николая Бурлюка из «Садка судей» (1910): «Поэт и крыса — вы ночами Ведете брешь к своим хлебам <...>». Тетрадь, в которую весной 1922 г. Хлебников вписывал свои новые и старые стихотворения, П.В.Митурич после смерти автора (и, вероятно, следуя его замыслу) обозначил «№ 19. Крыса» (РГАЛИ). Большую часть посмертного сб. «Стихи, 1923» составили тексты из этой тетради.

«Малая крысиная душа больших городов...» (С. 365). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Отказ (С. 366). — Впервые: «Вестник Велимира Хлебникова. № 2» (1922), где под текстом стояла литографическая подпись «Верно: Велимир Первый» (см. на с. 485). Печатается по рукописи (РГАЛИ), редакция весны 1922 г. (впервые: Стихи, 1923). Автограф первопечатного текста имеет два названия: «Я» и «Отказ».

«1) Песнь...» (С. 367). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ). В перечислительно-повелительных разделах этого стихотворения есть пародирующая ориентация на стихопрозу Алексея Гастева «Пачка ордеров» (1921). Цифровые элементы текста не всегда ясны по смыслу, хотя есть совпадения с важнейшими для Хлебникова нумерологическими символами (см. примеч. к стихотворениям «Ззыз———жжа!», 1921 и «Трата, и труд, и трение», 1922).

Книга А — см. примеч. к стихотворению «Мои походы» (1921).

«Дикарей докарай!..» (С. 368). — Впервые: НП, 1940.

«Солнца лучи в черном глазу...» (С. 369). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи весны 1922 г. (РГАЛИ).

«Ну, тащися, сивка...» (С. 370). — Впервые: Доски судьбы (1922), где к тексту добавлено: «Очи Перуна Я продырявил в рогоже столетий». Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Ну, тащися, сивка — из стихотворения А.В.Кольцова «Песня пахаря» (1831).

Дедина — наследство, традиция; ср. «Дедославль» в пьесе «Снежимочка» (1908); из дневниковых записей (РГАЛИ): «Нужно овселенить свой род, свое дедовство».

«Наш» — см. на с. 539.

Кляча Толстого — по картине И.Е.Репина «Л.Н.Толстой на пашне».

Вова — Владимир Маяковский (в статье 1916 г. «Ляля на тигре»: «Владимир Облачный»).

Не шалить! (С. 372). — Впервые: газ. «Известия ЦИК», 5 марта 1922, без названия, в 6-й строке — «Дума правда», в 8-й — «Чтоб скакали», в 19-й — «Кто со мной — в полет!». На с. 490 см. вариант по прижизненной машинописи (РГАЛИ) с подписью «Велимир Первый». Печатается редакция весны 1922 г. (РГАЛИ), ставшая основой книжной публикации (Стихи, 1923).

Пугачевский тулупчик — меховая куртка, подаренная Хлебникову Маяковским в первые дни 1922 г., уподоблена заячьему тулупчику, который Гринев дал Пугачеву (Пушкин «Капитанская дочка»).

«Трата, и труд, и трение...» (С. 373). — Впервые: «Доски судьбы» (Лист 2, 1922). Печатается по рукописи (РГАЛИ).

В письме П.В.Митуричу Хлебников писал: «Мой основной закон времени: во времени происходит отрицательный сдвиг через 3^n дней и положительный через 2^n дней». Отсюда подбор слов на «Т» (три) и на «Д» (два), то есть на символы и атрибуты смерти и жизни.

Труна обл. — гроб.

«Трави ужи» — ослабляй снасти, канаты (профессиональный язык речников).

Кошка — якорь.

«К зеркалу подошел...» (С. 374). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Стихотворная параллель к двум разделам «Досок судьбы» (Лист 2, 1922)— «Железные часы морской славы» и «Вот уравнение морского закона Англии».

Для бурь паука — контаминация образных сравнений: «буря в стакане воды» и «пауки в банке».

Два, три — см. примеч. к предыдущему стихотворению.

«Старую Маву древней Галиции...» (С. 375). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Мава Галиции — см. примеч. к стихотворению «Гевки, гевки, ветра нету...» (1913). В позднем творчестве Хлебникова этот образ западноукраинской мифологии получает обобщенный смысл мертвой, разъятой Природы в противоположность Природе цельной и живой (Вила).

Черная тройка — см. примеч. к стихотворению «Трата, и труд, и трение...» (1922).

Водолей — см. примеч. к стихотворению «Слова пороли королей...» (1920).

«Она удала и лиха...» (С. 376). — Впервые: Хлебниковские чтения, 1991. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Мава — см. выше.

«Я призываю вас шашкой...» (С. 377). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Участок — великая вещь!..» (С. 378). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Существует легенда, что на вечере Маяковского «Чистка поэтов» в Политехническом музее (17 февраля 1922 г.) куривший на лестничной площадке Хлебников не подчинился предупреждению официального лица о запрете курения и был отведен в ближайшее отделение милиции. По версии П.В.Митурича (который сам на вечере не присутствовал), инцидент мог быть инспирирован окружением Маяковского, предупрежденного, что Хлебников хочет вмешаться в ход вечера вопросом о своих якобы пропавших рукописях (см. ниже стихотворение «Всем» (1922), и примеч.).

Меня и государства — в поэме «Воззвание Председателей Земного Шара» (1917), «стоя на палубе слова «надгосударство звезды», Хлебников обвиняет «государство пространств» в совершении «соборного людоедства».

«Подул...» (С. 379). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«У меня нет государевой шляпы...» (С. 380). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«Мне мало надо...» (С. 381). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Хлебников записал этот текст в тетради «Крыса» (см. примеч. к стихотворению «Если я обращу человечество в часы...»), выделив как самостоятельную вещь из непубликовавшегося варианта поэмы «Вила и леший» (1912), где пятистишие выглядело так: «Нам много ль надо? Нет: ломоть хлеба, С ним каплю молока, А солью будет небо И эти облака» (впервые: НХ, XVII, 1930). В 1919 г. в новой редакции этот фрагмент был включен в поэму «Каменная баба», при жизни автора также не публиковавшуюся.

«Не чертиком масленичным...» (С. 382). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Колокол Воли — в связи с журн. Герцена «Колокол»; ср. стихотворение «В каждом громком слове...» (1921) и примеч.

«И позвоночные хребты...» (С. 384). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Будущее (С. 385). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Другая редакция этого стихотворения, без названия, печатается по рукописи (РГАЛИ) на с. 491.

Мясопуст — день запрета мясной пищи по религиозным предписаниям.

Белый конь — образ «Апокалипсиса» из «Откровения» Иоанна Богослова: «И я взглянул, и вот конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть».

«Наполнив красоту здоровьем...» (С. 386). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Где пялятся в стекла харчи...» (С. 387). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«Народ влачил свои судьбы по Волге...» (С. 388). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Балмашов (Балмашев) Степан Валерианович (1882—1902) — студент Киевского университета, застреливший министра внутренних дел Д.С.Сипягина, был повешен по приговору военного суда. Ср. имена других народовольцев и эсеров-боевиков в текстах Хлебникова: В.И.Засулич, Д.А.Лизогуб, И.П.Каляев, Е.С.Созонов. Об увлечении юноши Хлебникова политикой и революционным движением вспоминала его сестра Вера (Стихи, 1923. С. 60).

Верхом сидишь на камне бивня... — ср. стихотворение «Жизнь», 1918.

Пивень обл., укр. — петух.

«Волга! Волга!..» (С. 389). — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Первая редакция впервые печатается по рукописи на с. 492; промежуточную редакцию см. в ИС (1936).

В феврале-марте 1922 г. вновь была развернута кампания в помощь голодающим Поволжья; ср. стихотворения осени 1921 г.

«Здесь я бродил очарованный...» (С. 390). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Как ты красив, с лицом злодея...» (С. 391). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Крученых!..» (С. 392). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Ср. стихотворения «Алеше Крученых» (1920) и «Крученых» (1921).

Незавершенный набросок из тетради «Крыса» (см. примеч. на с. 585) был помещен в посмертный сборник в силу немедленно разгоревшейся групповой борьбы за имя, творческие идеи и литературное наследие Хлебникова (см. в статье Льва Аренса (псевд. «Вел») «Хлебников — основатель будетлян»: «Будетлянство не есть футуризм; в то время как последний вовсе отрицает традицию, будетлянство есть новотворчество, вскормленное великолепными традициями русской древности» (журн. «Книга и революция», 1922, № 9—10, с. 25).

Товарищи! — ироническое обращение к соратникам по литературной борьбе в момент разрыва с ними.

Как то-с, кактус — в качестве рифмы Маяковского?

Линь, лань, лун...? — пример хлебниковской идеи «внутреннего склонения слов»; ср. в стихотворении Н.Асеева 1916 г.: «Когда земное склонит лень, Выходит с тенью тени лань, С ветвей скользит, белея, лунь, Волну сердито взроет линь».

Всем (С. 393). — Впервые: Всем. Ночной бал, 1927. Печатается по копии Н.О.Коган (РГАЛИ), снятой с автографа, находившегося у С.П.Исакова (напечатан в СП, III, 1931).

Психологическая подоплека стихотворения — мучительные подозрения Хлебникова близких друзей (прежде всего Маяковского) в преднамеренном уничтожении (или сокрытии) его рукописей: ср. заключительную XXI плоскость сверхповести «Зангези» (1922). Подозрения изначально не имели никакой реальной основы.

Не озорство озябших пастухов — сестра Хлебникова вспоминала, как в 1911 г. в сарае усадьбы Алферово «водворился брат Витя с огромным мешком рукописей <...> деревенские курильщики проведали о таких несметных бумажных богатствах <...> и однажды ночью был взломан замок и похищен весь мешок с рукописями» (цит. по: Бобков С.Ф. Вера Хлебникова. Живопись. Графика. М., 1987. С. 18).

Углич — в связи с преданием о насильственной смерти в этом городе малолетнего сына Ивана Грозного царевича Димитрия. Ср. стихотворение М.Кузмина «Царевмч Димитрий» (1916)

«Пускай же крепко помнят те, кто...» (С. 394). — Впервые: Григорьев В.П. Будетлянин. М., 2000. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Торгаш, торгаш...» (С. 395). — Впервые: Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Дело ваше, боги...» (С. 396). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«Я видел, бабр сидел у рощи...» (С. 397). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Этот фрагмент из непубликовавшейся при жизни драматической поэмы «Сердца прозрачней, чем сосуд...» (1912) с незначительными изменениями Хлебников выделил в качестве отдельного стихотворения весной 1922 г. в тетради «Крыса» (см. с. 585).

Бабр обл. — тигр.

«Жестяной подсказчик...» (С. 398). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Ср. с очерком «Железное перо на ветке вербы» (1922).

Прок — смысл делания, расчет: «поглядим, что прок скажет, что вперед будет» (Даль).

Неть — смерть, см. примеч. к стихотворению «Я вам внимаю, мои дети...» (1913).

Из заячьей России, Бежавшей из окопа — см. примеч. к стихотворению «Как я увидел войну?» (1921).

Мамайцем — от имени золотоордынского хана Мамая; ср. «Усадьба ночью, чингисхань!» (1915) и др. стихотворения.

«Русские десять лет...» (С. 399). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Еще раз, еще раз!..» (С. 400). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи (собрание М.П.Митурича-Хлебникова). Вариант второй строки: «Я для вас вечная звезда». В «Гросбухе» среди записей 1921 г. есть строка «Еще раз, еще раз», без дальнейшей разработки. Словосочетание «еще раз» входит в молитвенно-заговорные формулы русского духовного фольклора, например, «еще раз, моя питомая, прикоснусь к тебе головушкой» (из сб. А.Н.Соболева «Обряд прощания с землей перед исповедью, заговоры и духовные стихи»

(Владимир, 1914), отмеченного в рабочих записях Хлебникова 1922 г.).

Евгению Спасскому (С. 403). — Впервые: газ. «Волга». Астрахань, 17 сентября 1992. Печатается по списку, хранящемуся в семье адресата стихотворения Евгения Дмитриевича Спасского (1900—1985), художника, брата поэта С.Д.Спасского. В мае 1922 г. Хлебников несколько дней жил в комнате молодого художника в доме Вхутемаса (ул. Мясницкая, 21).

Евский и *Хлебной* — соотносимы с глаголами «есть» и «хлебать».

«— Святче божий!..» (С. 404). — Впервые: Стихи, 1923. Одно из последних стихотворений Хлебникова, написанное, возможно, перед самым отъездом из Москвы в новгородскую деревню Санталово в середине мая 1922 г.

В основе текста — мотивы жизнеописания преподобного Михаила Клопского (XV в.). Игумен Клопского монастыря (около Новгорода), впервые увидев юродивого Михаила, спросил в испуге: «Кто еси ты, человек ли еси или бес, что тебе имя? — И он ему ответил теж речи: Человек ли еси или бес, что тебе имя?» (см.: Некрасов И. Зарождение национальной литературы в северной Руси. Одесса, 1870).

Бойтесь трех ног у коня, Бойтесь трех ног у людей! — здесь отрицательное «три» (см. примеч. к стихотворению «Трата, и труд, и трение», 1922) является среднеарифметическим от суммы четырех копыт и двух ног. Ср. в декларации «Труба марсиан» (1916): «Мозг людей и доныне скачет на трех ногах (три оси места)! Мы приклеиваем, возделывая мозг человечества, как пахари, этому щенку четвертую ногу, именно — ось времени».

И какого ты роду-племени, И откуда — ты? — ср. в «Книге Пророка Ионы» (1:8): «...какое твое занятие, и откуда идешь ты? где твоя страна и из какого ты народа?»

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Х55 **Хлебников В.**

Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 2. Стихотворения 1917—1922 / Под общ. ред. Р.В.Дуганова. Сост., подгот. текста и примеч. Е.Р.Арензона и Р.В.Дуганова. —608 с.

В томе представлены стихотворения В.Хлебникова 1917—1922 гг.

Компьютерная группа
А.З.Бернштейн

Художник
Д.Е.Долгов

Архивная фотосъемка
А.П.Сизухин

Корректор
Г.В.Заславская

ИД № 01286 от 22.03.2000 г.
Подписано в печать 25.01.2001. Формат 84x108$^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная. Гарнитура академическая. Печать офсетная.
Печ. л. 38,0. Тираж 1500 экз.
ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, «Наследие»
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а
Тел. (095) 202-21-23, 291-23-01

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука».
121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ № 1210